

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный факультет

З.И. Файнбург

**ПРЕДВИДЕНИЕ
ПРОТИВ ПРОРОЧЕСТВ**

*Современная утопия
в облике научной фантастики*

Пермь 2007

УДК 82.9+001.5

Ф 17

Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики / Мемориальное издание под общей редакцией проф. Г.З. Файнбурга. – Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2007. – 280 с.

Настоящая мемориальная публикация некогда готовой к печати, поставленной в план издательства, собравшей заказов больше объявленного тиража в 50 тыс. экз., но так и не увидевшей свет по идеологическим мотивам рукописи выдающегося советского ученого обществоведа, кандидата экономических и доктора философских наук, профессора Захара Ильича Файнбурга (24.01.1922 – 10.09.1990) приурочена к 85-летию со дня его рождения.

Всесторонне исследуя современное общество, эпоху, в которую жил, Захар Ильич искал историческое место этого общества в общем процессе развития человечества от индивидуалистических обществ к коллективистскому, стремился определить объективные пути дальнейшего развития нашего общества и выработать научные методы управления им. Он глубоко отрицал сложившуюся практику «проб и ошибок», волонтаристских решений и необоснованных пророчеств, противопоставляя им научное предвидение.

Одним из первых он разглядел в современной социальной фантастике форму размышлений общества о самом себе, своеобразный метод построения моделей будущего и много писал на тему «человек и будущее».

Идеи и концепция этой книги, написанной 34 года назад, не потеряли своей актуальности для нашего находящегося в динамике непрерывных перемен общества. Книга эта обращена к широкому кругу читателей, и к тем, кто задумывается о путях достижения лучшего будущего, и к тем, кто просто любит читать добротные научно-фантастические произведения и обсуждать прочитанное.

Книга носит проблемный характер и предназначена для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных дисциплин, всех заинтересованных читателей и любителей социальной фантастики.

Публикуется по рукописи 1973 года, подготовленной для Политиздата.

Рецензенты 1973 г: Э.А. Араб-Оглы и Е.Т. Фаддеев.

Печатается по решению и при поддержке гуманитарного факультета ПГТУ (декан – проф. В.Н. Стегний).

ISBN 978-5-8815-629-X

© Файнбург Г.З., 2007

© Пермский государственный
технический университет, 2007

Захар Ильич ФАЙНБУРГ

(14 декабря 1971 г.)

*В работе над этой книгой
моими добрыми феями были
продавицы книжных магазинов
и сотрудницы библиотек:*

*сей труд им и посвящает
с глубокой признательностью*

автор.

Итак, в тебе, душа моя, измеряю я времена... и когда измеряю их, то измеряю не самые предметы, которые проходят и прошли уже безвозвратно, а те впечатления, которые они произвели на тебя...

«Творения блаженного Августина»

...Каждый шаг был предусмотрен... Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события.

Клиффорд Саймак

...Будущее создается тобой, но не для тебя.

А. и Б. Стругацкие

ВВЕДЕНИЕ

...Мне кажется, не бесполезно путнику задаться вопросом, куда он идет? Этим самым ему лучше уяснится существующее положение, предстоящие затруднения и средства к их устранению.

Шарль Рише

Популярная сейчас фраза об извечном интересе человечества к своему будущему по существу при более внимательном подходе оказывается не совсем верной: достаточно долго человечество попросту не представляло себе отчетливо необратимость исторического времени, не представляло отчетливо его деления на прошлое, настоящее и будущее...

Знание поступательного хода истории много моложе скажем, например, огнестрельного оружия или изготовления бумаги... Наши современные суждения о нем кажутся нам абсолютно естественными и потому – извечными. Мы в нашей повседневной жизни настолько срослись с ними, что фактически не улавливаем, не понимаем их историчности, их потаенного мировоззренческого и идеологического смысла. А смысл этот далеко не столь прост и далеко не однозначен. Представления о будущем фактически – одно из острейших орудия в современной идеологической борьбе. Поэтому научное знание этого оружия, его теоретический анализ необходимы.

Фактически извечной мечтой человека было не само по себе будущее, а жизнь, лучшая, чем та, в которой он реально жил. Стремление к лучшей жизни, к «обществу благоденствия» двигало вперед человечество еще тогда, когда далеко не очевидным был тот сейчас тривиальный факт, что лучший мир может располагаться только в

будущем, что, только перемещаясь вперед по исторической оси времени, можно совершенствовать человеческое существование.

Проблема лучшей жизни – не из тех, которые можно было бы отложить на завтра или на послезавтра. Идея лучшей жизни неотступно сопровождает задумавшегося о ней, она дремлет – или бушует – в каждом из нас, и такой же она была и для каждого из наших предков. Менялось представление о лучшей жизни, менялись средства, которыми ее надеялись достичь, но само стремление к ней жило и неистребимо живет в человечестве. Это – не прихоть и не каприз. Это – проявление неотъемлемых свойств человека как существа, действующего и мыслящего, существа, способного к труду, сознанию, творчеству.

Далеко не сразу представления о лучшей жизни обрели форму научного предвидения. Очень долго они были только пророчествами: страстным желанием, воплотившимся одновременно в призыв и эмоциональное предвосхищение лучшего. Деление умозаключений о лучшей жизни на предвидения и пророчества отражает наше сегодняшнее понимание проблемы будущего. Для одних приемлемой формой понимания являются постулаты строгой науки, позволяющей заглянуть в будущее, другие не могут понять внутренней логики движения к будущему: будущее кажется им иррациональным, лишенным смысла или представляемым такими внутренними законами, которые недоступны нашему пониманию. Поэтому они боятся этого будущего, не могут преодолеть барьер своих классовых эгоистических интересов, чтобы не только понимать будущее, но и управлять им, и потому пророчествуют, стремясь силой своего желания, силой своего убеждения и действия это будущее предотвратить или изменить. Для них проблема будущего сводится прежде всего к необходимости сохранить себя самих в сегодняшнем качестве.

Единство и противоположность двух способов провидеть будущее – пророчества и предвидения – отражает в своеобразной форме диалектическую взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, извечную борьбу нового со старым. В настоящее время противоположность пророчеств и предвидений отражает в известной мере и идеологическую борьбу двух антагонистических классов: буржуазии и рабочего класса. Один класс стремится в будущем увековечить прошлое,

другой – воздвигнуть новое, более справедливое общественное устройство. Связь и противоборство предвидения и пророчества не сводится только к идеологической борьбе двух главных классов современного мира, однако, именно этот классовый контекст их противоборства, использование их противоборства в идеологических системах и борьбе идеологий наиболее существенен, наиболее важен для нашего времени.

Фронт суждений о будущем необыкновенно широк: от чисто деловых и чисто коммерческих прогнозов до необузданной фантазии романов и поэм. Наверное, попросту невозможно охватить в одной книге все это многообразие. И поэтому мы ограничились самым трудным для анализа участком этого фронта, где истинные помыслы скрыты под поверхностью острых сюжетных поворотов, ярких образных картин грядущих катастроф и открытий, машин времени и фотонных ракет, воображаемых находок и гипотетических потерь – областью так называемой литературной утопии, областью современной научной фантастики...

Социальная утопия – это, прежде всего, определенная система идей об обществе и его развитии. Любая форма выражения общественного знания (и незнания тоже) может послужить сосудом, вмещающим в себя, кроме всего прочего, и элементы социальной утопии. Это может быть философский трактат, прогностическое предположение, проект здания, картина художника, литературное произведение... В самой художественной литературе социальная утопия воплощается совсем не только в фантастические сюжеты. Иной раз традиционно-реалистическое по внешней форме произведение оказывается по своему истинному содержанию гораздо более утопичным, чем самая отчаянная научная фантастика.

До сих пор многие литературоведы третируют научную фантастику как явление в художественном творчестве второстепенное, как художественно неполноценный метод творчества и т.п. То, что такая позиция – не более, чем слепота или снобизм, уже сказано в последнее время во многих полемических статьях. Повторять здесь филиппики в их адрес нет нужды.

Но даже если бы литературоведы – недруги фантастики (и просто не замечающие ее) оказались правы, то и тогда выбор наш не изменился бы. Литературные достоинства того или иного произведения и даже жанра в целом (хотя, по существу говоря, строить иерархию жанров по их художественным достоинствам, по меньшей мере, наивно для исследователя) не могут иметь существенного значения для социологического анализа: объектом такого анализа служат прежде всего сами идеи и содержание художественного произведения, а уже потом его форма. Нас тоже интересуют прежде всего и главным образом идеи. Этим, соответственно, предопределен подбор литературных произведений, явившихся непосредственным предметом исследования. Некоторые из них относятся к лучшим образцам научной фантастики, некоторые – достаточно беспомощны в литературном отношении, однако, и в тех, и в других есть идеи, которые служат знаменем своего времени, отражают самые сокровенные мысли своих современников: их мечты о лучшей жизни, их осуждение того образа жизни, который казался им неприемлемым...

* * *

...Книга эта рождалась долго. Детское увлечение Джеком Лондоном, Жюлем Верном, Гербертом Уэллсом, Александром Беляевым постепенно переросло в профессиональный интерес социолога к одному из самых интересных и сложных проявлений стремления человека понять и оценить свою собственную общественную жизнь, свое назначение, свои судьбы. Рецензии на книги Станислава Лема, публиковавшиеся в 60-х гг. в журнале «Новый мир», журнальные и газетные статьи, выступления в дискуссиях и обсуждениях, беседы и споры с писателями – фантастами и теоретиками этого жанра постепенно подготовили эту книгу. В какой-то мере она подводит итог многолетней работе и многолетним размышлениям.

Книга эта необходимо обращена к широкому кругу читателей, ибо научная фантастика (наряду с детективом и мемуарно-документальной литературой) относится сейчас к числу наиболее популярных и читаемых жанров. Читательский интерес к фантастике рос много быстрее, чем росли ее тиражи. Попытка объяснить это явление, помочь мас-

совому читателю современной научной фантастики заглянуть в «механику идей» своего предмета увлечения – таковы дополнительные задачи этой книги. В ней мы постарались изложить строгие и точные идеи социальной науки в предельно возможной простой и доступной форме.

В качестве материала для исследования и для иллюстрации мы все время старались ограничиваться теми произведениями литературной утопии (научной фантастики), которые или написаны на русском языке или переведены на русский язык. Нам хотелось, чтобы читатель сам мог проверить на «первичном материале» наши соображения. Только в самых крайних случаях мы ссылаемся на произведения, пока еще на русский язык не переведенные.

В этой книге много положений, которые иначе как дискуссионными названы быть не могут, и это закономерно. Во-первых, сама проблема исследована пока весьма недостаточно, а, во-вторых, новое знание может быть найдено только в поиске, в дискуссии, в столкновении мнений.

В работе над этой книгой автору помогали – в той или иной форме – очень многие: как знакомые лично, так и никогда не видевшие автора в глаза. Всем им автор весьма и весьма благодарен. Особую благодарность нам хотелось бы выразить тому кругу коллег, в беседах и дискуссиях с которыми непосредственно оттачивались идеи этой книги: Э.А. Араб-Оглы, И.В. Бестужеву-Ладе, А.Г. Громовой, Ю.А. Леваде, Ст. Лему, А.И. Миреру, Н.Ф. Наумовой, Н.В. Новикову, Р.И. Нудельману, А.Н. и Б.Н. Стругацким. Много помог автору и коллектив кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии Пермского политехнического института¹.

¹ Ныне кафедра социологии и политологии и лаборатория социологии Пермского государственного технического университета.

Глава I

СОВРЕМЕННОСТЬ И УТОПИЯ

...Некогда, в древности, людей объединяли общие традиции, обычаи, родовые и национальные связи. А нас сильнее всего связывает наша деятельность по завоеванию будущего.

Ст. Лем

...Будущие события уже бросают тень на настоящее.

А.А. Богданов

...Я считаю, что самый очевидный и подлинный метод социологии – это создание Утопий и их исчерпывающая критика.

Г. Уэллс

§ 1. Утопия и утопизм

«...Я не заботился о потомках, но мне хотелось отличить минутные прихоти человечества от его природы».

И.Г. Эренбург

...Нет ничего более сложного, чем самые простые вещи... Этот парадокс в наше время, пожалуй, становится уже банальностью. Нет простых людей – каждый человек сложен по своему; нет простых вещей – есть вещи, к которым мы привыкли и лишь поэтому они кажутся нам простыми. К числу таких привычных и с первого взгляда кажущихся простыми явлений можно в полной мере отнести утопию. Слово это широко употребляется в качестве существительного, от него образовалось прилагательное «утопический», и нет такой социальной проблемы, где бы нет-нет, да и не мелькнуло бы: «утопия», «утопическое»...

**Неосуществимое
или пока
неосуществляемое?**

Вместе с тем, определения, которые дают слову «утопия» в словарях и справочниках, очень часто оставляют читателя в некоторой растерянности: после прочтения такого определения суть дела порой не только не проясняется, но становится еще более загадочной.

В большинстве таких определений на первое место выдвинута несбыточность как основное свойство утопии, определяющее самое главное в ней.

В «Философском словаре» (Изд-во политической литературы, М., 1963, под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина) статьи «Утопия» нет вовсе. Она «заменена» статьей «Утопический социализм» (с. 467), хотя утопии по своему содержанию отнюдь не сводятся и никогда не сводились только к идее социализма. В тексте статьи сам термин «утопия» определяется только как «...обозначение идеального общества». Причем относительно его применения сказано следующее: «...В дальнейшем стал применяться при характеристике вымышленных, а главное – неосуществимых общественных порядков» (там же). Но тогда возникает вопрос (не забудем, что в целом речь идет об утопическом

социализме), что же авторы «Словаря» относят к «вымышленным» и «неосуществимым» общественным порядкам, например, у Ш. Фурье или Н.Г. Чернышевского? Социализм? Но он уже победил в целом ряде стран. Его конкретные формы в описаниях тех же утопистов? Но в самом существенном основные из этих форм тоже практически уже реализованы...

Во 2-ом издании этого же «Философского словаря» (1968 г.) статья «Утопический социализм» повторена без каких-либо изменений. В 3-ем издании (1972 г.) внесены незначительные, чисто стилистические поправки. Основное определение: «вымышленные, неосуществимые общественные порядки» (с. 426) – остается тем же.

Недалеко от этих формулировок отстоят формулировки «Словаря иностранных слов» (Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1964; с. 666-667). В определении слов «утопизм», «утопический», «утопия» акцент сделан именно и прежде всего опять-таки на «...несбыточность, неосуществимость...».

Авторы статьи «Утопия» в «Кратком политическом словаре» (Изд. 3-е, доп. и перераб., Политиздат, М., 1971; с. 259) смещают акценты в определениях. Вместо «несбыточности» появляются «...фантазия, вымысел, мечта». Однако, и здесь реальные основания и социальные роли утопии остаются в тени.

Даже в лучших определениях понятия утопии (в статьях, посвященных термину «утопический социализм» «Краткого словаря по философии» под ред. И.В. Блауберга, П.В. Копнина, И.К. Пантина (изд. 2-ое, Политиздат, М., 1970; с. 332-334) и «Политэкономического словаря» под ред. Е.Ф. Борисова, В.А. Жамина, М.Ф. Макаровой (изд. 2-ое, Политиздат, М., 1972; с. 321-323)), – когда речь идет о Т. Море и Т. Кампанелле, упор неожиданно опять сделан на «несбыточные фантазии», «создания воображения» и т.п. В остальном здесь даны более полные и более обоснованные характеристики и утопии и утопического социализма.

В определении понятия утопии во вводной статье к сборнику утопических романов XVI-XVII вв.² Л. Воробьев вновь акцентирует именно несбыточность и неосуществимость в понятии утопии, ссыла-

² Воробьев Л. Утопии и действительность. Вступительная статья к книге «Утопический роман XVI-XVII веков». Изд. «Художественная литература», М., 1971.

ьясь при этом на статью В.И. Ленина «Две утопии».³ Однако ссылка в такой форме, как она содержится в статье Л. Воробьева, не может быть признана достаточной. Для этого необходим более полный анализ употребления В.И. Лениным понятия утопии (в том числе и в содержании самой статьи «Две утопии»)⁴.

Неосуществимость – далеко не единственное и далеко не всегда главное качество утопии. Конкретная утопия оказывается неосуществимой во всех смыслах и аспектах только при очень определенных и конкретных обстоятельствах: прежде всего тогда, когда это – попытка повернуть историю вспять, когда это – утопия уходящего класса, утопия сохранения социальных явлений, уже обреченных историей на неизбежную гибель. Утопии же социалистического направления (в том числе и утопии Мора и Кампанеллы) выражают назревшую историческую потребность в изменении общественного строя. И в этом отношении они – гениальные предвидения, а не просто «бесплотные мечты» или «неосуществимые фантазии». В работе «Две утопии» В.И. Ленин, ссылаясь на Ф. Энгельса,⁵ именно под таким углом зрения рассматривает проблему осуществимости или неосуществимости утопических концепций: «...Этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле. Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость несправедливостью с точки зрения законов обмена... Но утопический социализм был «прав» во всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предшественником того класса, который,

³ ПСС. Т. 22. С. 117.

⁴ В той же статье, например, В.И. Ленин, характеризуя народническую утопию, на первый план ставит тот неоспоримый факт, что она – эта утопия – в превращенной форме отражает истинные революционные устремления крестьянства России. «...Утопия народников, – писал В.И. Ленин, – играет своеобразную историческую роль..., она является спутником и симптомом великого массового демократического подъема крестьянских масс» (Там же. С. 119. Подчеркнуто В.И. Лениным – З.Ф.).

⁵ Характеризуя формирование взглядов Родбертуса (которого Ф. Энгельс квалифицирует как типичного утописта), Ф. Энгельс пишет: «...Инстинкт... оказался здесь значительно сильнее, чем его сила абстрактного мышления». Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. 21. С. 187. В этой же работе, но несколько ранее, Ф. Энгельс высказывает мысль, являющуюся в известном смысле вообще ключевой к трактовке проблемы осуществимости утопий прогрессивных классов: «...Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым. Позади формальной экономической неправды может быть, следовательно, скрыто истинное экономическое содержание». Там же. С. 184.

порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму...»⁶

Социалисты-утописты – от Мора до Чернышевского – конечно же ошибались насчет путей, ведущих к социализму, не могли дать научный анализ процесса его возникновения. Но описание самого социализма в их произведениях, несмотря на многочисленные частные неточности, домыслы, ошибки – гениальное предвидение, послужившее одним из источников марксизма. Из одних только определений «вымышленное» и «неосуществимое» невозможно понять, что в их работах могло послужить источником становления науки, исходным пунктом для последующего революционного переворота не только в социальном знании, но и в социальной жизни.

Очевидно, что приведенные выше определения утопии неполны, односторонни и фактически исключают исторический подход к анализу смысла понятия утопия. Эти определения не позволяют нам понять особенности современных утопических идей, не дают возможности установить какие-то зависимости между содержанием утопий и их формой, не дают оснований для анализа связей утопий с реальной жизнью, с научным подходом к жизни общества⁷.

Утопическое сознание и утопия
--

Предпосылки возникновения утопии как особой формы отражения и выражения человеческих общественных отношений, как способа выражения общественных и индивидуальных интересов надо искать в общих свойствах осознания человеком своей жизни, своих действий, своих общественных связей.

Человеческому сознанию свойственна такая характерная черта, как проективная способность. Поскольку свой исходный материал сознание черпает в человеческой практике, оно прежде всего направлено на осмысление условий и обстоятельств этой практики и на построение умозрительных моделей ее хода и ее конечных результатов. Широко

⁶ ПСС. Т. 22. С. 120.

⁷ «...Утопия не является чем-то «нереализуемым» или «неосуществимым». Она кажется неосуществимой только для представителей господствующей социальной группы, нереализуемой только в пределах данной ситуации, но это еще не означает, что утопия сама по себе есть область нереального или невозможного». (В.Н. Шестаков. Понятие утопии и современные концепции утопического. Журн. «Вопросы философии», 1972, № 8; с. 154). К сожалению, такого рода представления об утопии как о нереализуемом и т.п. попали и в нашу литературу.

известно высказывание К. Маркса об отличии архитектора от пчелы.⁸ Сегодня к этому нужно добавить, что и у пчелы есть программа действия: она заложена где-то в глубинах инстинкта, в генетическом коде. И хотя полного механизма реализации этой программы мы пока еще не знаем, можно сказать: человек, в отличие от пчелы, сам строит, варьирует и при этом в известной мере видит со стороны программу своего действия, возникающую в его сознании. А если «видит со стороны» (т.е., говоря языком науки, будучи субъектом действия, может воспринимать самого себя в качестве объекта этого действия), то может сам в свою программу сразу внести изменения, показавшиеся ему целесообразными по тем или иным причинам. Проект действия в сознании опережает само действие – такова общая особенность обеспечения успешности деятельности со стороны человеческой психики.

В каждом таком «проекте действия» всегда можно найти, выделить две главных стороны:

- ◆ обоснованное каким-то образом (от веры какому-то авторитету до строгого эмпирического и теоретического научного исследования) знание об условиях действия, о том, как должно протекать это действие и т.п.;
- ◆ проявление реальных интересов действующего персонажа (своих личных, групповых, классовых и т.п.), воплотившихся в постановку целей действия, в обосновании намерения действия и т.п.

В той или иной мере обе эти стороны всегда и во всех без исключения случаях присутствуют в «проекте действия». Одна сторона позволяет рассчитать свое действие с зависимости от условий и обстоятельств (и тем самым обеспечить успешность действия); другая – позволяет обеспечить мотив действия, обеспечить его оценку («хочу действовать», «не хочу, но вынужден» и т.п.).

Ситуация с тем случаем, когда обе стороны «проекта действия» уравновешены относительно друг друга, не вызывает особых сомнений (надо, правда, иметь в виду, что такая равновесность всегда конкретна:

⁸ «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове... Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (К. Маркс. Капитал. Т. 1; Соч. Т. 23, с. 189).

она существует в данных условиях, при данных обстоятельствах). А что будет, если выражение наших желаний, интересов, ценностей явно преобладает над объективным знанием об условиях и обстоятельствах действия? Если наше желание, наш интерес в действительности разойдется с практическими возможностями его осуществления (хотя бы нам и казалось обратное: что осуществить его все же можно)? А если мы не знаем достаточно точно и конкретно, каким путем мы смогли бы достичь удовлетворения своих желаний, своих интересов?

Вот в этих-то случаях и можно сказать, что налицо так называемое утопическое сознание (как свойство психики, свойство сознания, но еще не как свойство общественных отношений). В первом случае утопичность вызвана неясностью, объективно недостаточным обоснованием цели: она обоснована лишь нашим желанием, интересом, ценностной ориентацией, но это обоснование не согласовано или прямо противоречит реальным возможностям.⁹ Во втором случае утопичность вызвана неясностью средств, путей, ведущих к реализации выдвинутых целей (которые сами по себе могут быть вполне правомерны). Обычно эти две главных причины возникновения утопического сознания не отделимы друг от друга непреодолимой стеной, и к преобладающей причине в какой-то пропорции обязательно добавляется и другая.

Утопическое сознание надо отличать от просто ошибочного, искаженного, превратного представления об окружающем социальном мире. Утопическое сознание непосредственно, прямо направлено на изменение социальной реальности, на деятельное к ней отношение. Не просто оценка окружающей действительности, не просто ее сохра-

⁹ Утопия носит характер преувеличения ценностного аспекта в определении классом, социальной группой, индивидом своего отношения к социальным процессам. Представление же о ценности ясно раскрывает ее связь с утопическим сознанием. «...Явление ценности возникает в условиях противоречия... между уже назревшей потребностью, возникшей необходимостью, поставленной задачей, открывающейся в близком или отдаленном будущем возможностью, с одной стороны, и наличной действительностью, которая в данный момент еще не позволяет сразу и целиком решить эти проблемы, – с другой...»

...Ценность выполняет как бы роль посредника между предметом и человеком, который еще не раскрыл природу предмета во всем его богатстве. В этом отношении ценность может компенсировать недостаток знания общества или индивида, выступая как знак, символ скрытого пока содержания предмета» (О.Г.Дробницкий. Проблема ценности и марксистская философия. Журн. «Вопросы философии», 1966, № 7, с. 44).

Противник О.Г. Дробницкого в отношении трактовки ценности и его оппонент в дискуссии О.М. Бакурадзе в том же номере журнала в этом аспекте трактовки ценности фактически не возражает О.Г. Дробницкому: «...Ценность не то, что есть, а то, что должно быть. «Должное», если даже оно *explicité* не дано в суждении ценности, им всегда предполагается» (О.М. Бакурадзе. Истина и ценность. Там же. С. 47).

нение, а именно и обязательно ее преобразование и изменение характерны для направленности утопического сознания. Или изменение собственной внешней среды для данного человека, группы, класса или их собственное изменение (поскольку они также являются составной частью социальной ситуации), т.е. активное поведение относительно окружающего мира является, в конечном счете, необходимой принадлежностью утопического сознания.¹⁰

Утопическое сознание – несравненно более «широкое», если так можно выразиться, социальное явление, чем социальная утопия. По аналогии можно сказать, что они находятся примерно в том же соотношении, что и химические и биологические процессы: химические процессы образуют естественное и широкое основание для более узкой области биологических – более высоких по уровню – процессов. И так же, как переход с химического уровня существования материи на биологический представляет собой качественный скачок, так и здесь переход с психологического уровня на собственно социальный – переход от утопического сознания к социальной утопии – представляет собой коренное изменение качества. Социальная утопия – идет ли речь об «утопии» отдельного человека, индивида по отношению к своей собственно индивидуальной жизни, или об утопии социального класса, группы – необходимо предполагает «наложение» утопического сознания на определенную ситуацию в обществе, на конкретно-историческое его состояние. Утопическое сознание предопределяет механизм формирования социальной утопии, конкретно-историческая ситуация в обществе – ее направленность, ее содержание.

Утопическому сознанию свойственно стремление, желание, чувство, интерес прямо выразить в какой-то логически стройной форме проповеди, программы практических действий, теории и т.п. Чувство и ценностная ориентация в системе утопического сознания маскируют недоказанность, незавершенность в аргументации под покровом якобы строгого логического вывода. Поскольку утопические цели

¹⁰ Даже такая утопия, как идея бессмертия души в религиозной картине мира, ориентирует человека не просто на пассивное ожидание продолжения жизни в загробном царстве, а на активную подготовку к загробной жизни, на активный самоконтроль по отношению к поведению на этом свете. Ад и Рай загробной жизни выступают в роли прямых стимуляторов вполне определенной и достаточно осознанной формируемой линии поведения (речь тут, правда, идет о сугубо индивидуальных действиях каждого). И тут утопия прежде всего выступает как преобразовательная программа, формула активного отношения к жизни.

«перепрыгивают» через возможности хода истории, через отсутствие средств для реализации этих целей, утопическое сознание «перепрыгивает» через процедуру последовательного научного доказательства, через последовательно научную проверку существования своих целей и ценностей, придавая своим предположениям лишь видимость исследования, проверки, строгого доказательства. «Точкой опоры» для такого «перепрыгивания» через необходимость последовательной логической аргументации является какая-нибудь аксиома, принятая a priori (без аргументов, без проверки, без опыта и т.п.). Аксиомой – положением, которое не просто принимается без доказательств, но и считается теми, кто им оперирует, по самой сути своей не нуждающимся в доказательствах, – в утопических суждениях могут выступать самые различные явления. Чаще всего они лежат в той области сознания, где глубже всего и чаще всего укореняются привычные, автоматически повторяющиеся штампы, стереотипы: в области этического, нравственного сознания, в области норм и правил человеческого общежития. Идея справедливости, опирающаяся либо на божественные установления (как, например, у Т. Кампанеллы), либо на «естественные свойства» человека (многие утопические концепции конца XVIII – начала XIX века) чаще всего выступает такой своеобразной «точкой опоры» для социальной утопии. В качестве такой «точки опоры» может выступать также и какое-либо иное общественное, жизненное «устроенное», какой-либо иной элемент человеческого существования, принимаемый в качестве «безусловного», «естественного» (т.е. опять-таки принятый в ранге аксиомы). Наконец, в современных утопиях (особенно литературных, о которых мы в основном будем вести речь) в качестве «точки опоры» принимается какое-либо гипотетическое явление. Причем строго проверить такую гипотезу невозможно до поры и до времени.¹¹ Без такого рода «точки опоры» – какой-либо аксиомы – утопическое сознание не может быть приведено в движение.

¹¹ В силу своего ценностного характера утопия опирается на так называемые «слабые» логические основания. «...Слабым основанием является такое, которое дает предсказание в виде догадки, т.е. без четкого определения интервалов характеристик и без определения (без знания) условий, могущих помешать наступлению предсказываемого события... Слабое основание отличается функциональным характером системы знания. Это означает, что та информация, которая ложится в основу предсказания, организуется в систему не по признаку соответствия действительности, а по чисто функциональному признаку – обеспечить выход мысли за пределы настоящего в будущее» (Е.С.Жариков. Проблема предсказания в науке. В сб.: Логика и методология в науке». М.: «Наука», 1967; с. 187-188).

Нахождение исходного аксиоматического умозаключения представляет собой центральный пункт научного изучения той или иной конкретной утопии: найдите его и у вас будет ключ ко всей концепции.

Таков, вкратце, «механизм» действия самого по себе утопического сознания, когда оно творит социальную утопию. Но это – только «механизм». Содержание такого рода утопии (включая и конкретно-историческое понимание идеи справедливости, идеи «естественности» какого-либо общественного устройства и т.п., являющихся логическим основанием утопии) придает та конкретная ситуация в обществе, в условиях которой и в недрах которой утопия рождается на свет.

Утопия как идеология

В социальных отношениях утопия выступает в роли особого аспекта идеологии класса, социальной группы. Конечно, всякие внутренние членения идеологии (по принципу роли в осознании деятельности данного класса или группы) весьма условны: роли таких возможных частей очень тесно переплетены. Утопией можно назвать лишь само направление вектора осознания индивидом, группой, классом своего места в обществе. Так фактически понимает утопию К. Маннгейм¹², считающий утопию просто выражением преобразовательных устремлений социального самосознания. (Охранительные, консервативные устремления К. Маннгейм называет идеологией, противопоставляя ей утопию.) Утопией как системой каких-то утверждений, как литературным явлением, в частности, в этом случае мы считаем такую теорию или такое произведение, общая направленность, главная идея которого ориентирована в будущее, поскольку предполагает изменение существующих социальных отношений.

Основной ошибкой К. Маннгейма является то, что он фактически отрицает возможность последовательно научного представления об общественных процессах, возможность научной программы социальных изменений, научного предвидения. Научный характер социального самосознания рабочего класса (включая и ориентированную в будущее программу социальных преобразований), остался непонятным для К. Маннгейма. Концепция утопии К. Маннгейма внеисторична, что и предreshает ее ошибки.

Для марксистско-ленинских представлений о том, что такое идеология,¹³ неприемлемо то противопоставление утопии и идеологии, которое дает К. Маннгейм. С точки зрения марксизма идеология есть самое широкое, полное, глобальное представление об окружающей социальной действительности (познания природы мы здесь не касаемся). Всякая идеология необходимо отражает в себе интересы, цели действия того или иного класса. В зависимости от места данного класса в истории и его роли в общественном развитии, идеология данного класса находится в том или ином отношении с наукой. Либо она во всей своей основе научна (идеология рабочего класса), либо только ее частные элементы правильно отражают в прямой или превращенной форме общественные процессы (идеология эксплуататорских классов, идеология рабов и крепостных). Всякая идеология содержит в себе тесно связанные, переплетающиеся (но все же поддающиеся различению в теоретическом анализе) «охранительную» сторону и «преобразовательную» сторону. Содержание этих сторон взаимообусловлено.

В системе идеологий эксплуататорских классов утопическая сторона приобретает особое развитие как в период их борьбы за господство, так и в период их упадка, их умирания. В период борьбы за господство такой класс сам считает и стремится выдать свои узкие классовые цели в качестве целей общечеловеческих, свои ограниченные устремления – как безграничное движение к общему благу. Такое понимание своей роли в социальном изменении и такое объяснение предстоящего всему обществу изменения и своей роли в нем по своему смыслу и есть утопия. Например, лозунг буржуазной революции 1789-1794 гг. во Франции: «Свобода, Равенство, Братство» носил типично утопический характер. В период умирания, упадка утопия возрождается, во-первых, как утопическое стремление показать, что у этого строя есть будущее (утопия здесь выступает в роли «охранительного» средства, поскольку создает иллюзию возможности пози-

¹² См.: К. Mannheim. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1929. Книга впоследствии неоднократно переиздавалась на многих европейских языках.

¹³ См., напр., весьма содержательную статью «Идеология» В.Келле и М.Ковальзона в «Философской энциклопедии». Т. 2. М.: «Сов. энцикл.», 1962. С. 229-233.

тивных изменений в рамках данного строя, фактически уже себя исчерпавшего), во-вторых, как антиутопическая критика нового, идущего на смену данному строю (утопия (в форме антиутопии) здесь опять выступает в роли «охранительного» средства, но уже путем отрицания правомерности исторического развития).

Социальная утопия для рабов и крепостных – эксплуатируемых классов добуржуазного общества – является единственной формой выражения их стремлений к уничтожению эксплуатации, единственно возможной формой выражения целей их революционной деятельности. Легенды о «добрых царях», о «царстве Божьем», о «Золотом веке», идея крестьянского «общинного социализма» – все это разновидности такого рода утопий. Здесь нет еще ни собственно социальных, ни теоретических предпосылок для возникновения научного знания об общественном развитии, о будущем общества.

Социальная утопия для рабочего класса – эксплуатируемого класса буржуазного общества – выступает как первая, неразвитая форма его идеологии: утопический социализм выступает как исторический предшественник научного социализма, как его закономерное предварение в процессе развития.

Мы видим, таким образом, что социальные предпосылки возникновения утопии как составной части идеологии того или иного класса весьма многообразны. Общей чертой здесь является то, что утопия есть превращенная форма отражения потребности в социальном изменении. В одних случаях утопия выражает позитивное отношение к этому назревающему изменению. В других – негативное. В одних случаях речь идет лишь о смутном предвосхищении еще только назревшего изменения. В других – об оценке конечных результатов уже совершающегося социального сдвига. Однако и в тех и в других случаях логическая формула отношения к назревшему социальному изменению, формула осознания процесса этого изменения не является научной, а лишь односторонне выражает классовый интерес, ценностное отношение к назревшему изменению, принятие или непринятие его (т.е. оценку его) данным классом в качестве цели социального действия. Здесь еще нет места строгому и объективному научному

анализу процесса этого изменения, поскольку по тем или иным объективным историческим причинам оснований для последовательно научного анализа назревающего социального изменения нет, или эти основания пока еще существенно неполны.

Утопия, следовательно, – это особая, научно не обоснованная форма осознания и отражения потребности в социальных изменениях, а также оценка возможного характера этих изменений с позиций интересов данного класса, какой-либо социальной группы.

Основным методом, с помощью которого утопия приводит в стройную целостную систему свои идеи, является конструирование в воображении умозрительной модели измененного общественного строя, не существующего реально в момент создания утопии. Такой метод можно назвать фантастическим конструированием.

Характерной и обязательной чертой всякой утопии является неполнота знания о предмете своего суждения (каковы бы ни были причины этой неполноты – а они существенно различны), а потому утопия не в состоянии дать достаточно точное и строгое научное отображение как самой сути назревающих социальных сдвигов, так и средств их осуществления.

Утопия – особая форма неполного знания, которая свойственна только представлениям людей об общественной жизни, общественных порядках. Ведь знание об обществе – относительно полное или явно неполное – всегда прямо связано с социальной практикой, с непосредственным интересом класса, группы, индивида. Социальная практика людей бескомпромиссна: она во всех случаях требует конкретного обоснования цели, целевой функции каждого действия, каждого устремления (тем более это относится к предполагаемому будущему). Отсутствие или нехватка строгого научного знания не может здесь остановить идеологов: объяснение и обоснования должны быть даны во всех случаях и любой ценой. И когда строгого знания нет или его не хватает, своеобразный «вакуум» идей не образуется: место строгого знания заполняет утопия.

Говоря об утопии, следует учитывать органическую связь утопии и философии. Философия составляет основу, сердцевину мировоззрения. Но мировоззрение (и в том числе обязательно философия) охватывает весь окружающий нас мир: известный и пока неизвестный, изученный и изучаемый, освоенный и еще подлежащий освоению, управляемый и пока еще неуправляемый, а может быть где-то и в чем-то вообще недоступный управлению. Таким образом, выход за пределы известной и уже освоенной реальности необходимо предполагается в философии, не говоря уже о мировоззрении в целом.

Философия (как часть мировоззрения) должна, как минимум, а) объяснить реальность, б) объяснить возможное, предполагаемое и допустимое, в) показать и объяснить единство и взаимосвязь реального с возможным, общую обоснованность предположений, реальность допускаемого.

Гипотетичность – необходимое свойство окружающего нас мира и необходимое «пограничное» состояние нашего знания об окружающем мире (каким бы это знание само по себе не было: истинным или ложным, реальным или иллюзорным), ибо за пределами самых смелых гипотез все равно остается какая-то часть мира, пока реально не освоенного ни человеческой практикой, ни человеческим знанием. Однако само по себе сознание общества и индивида необходимо допускает существование мира за пределами сколько-нибудь упорядоченного знания.

Социальный мир, который лежит на самой границе упорядоченного социального знания и сложившейся практики или уходит за пределы этого знания и практики (не столько по вектору социального пространства, сколько по вектору социального времени) – это и есть Utopia (место, которого нет).

Таким образом, для утопии всегда есть место в любой системе освоения человеческим сознанием окружающего социального мира...

§ 2. Тернистый путь познания...

...И прав он или неправ – судить об этом предоставим будущим поколениям...

*Альберт Робида
(из романа о 1955 году, изданном в 1894 году)*

*...У человечества нет другой няньки,
кроме собственной жалкой мудрости...*

Г. Уэллс

Все явления общественной жизни людей историчны. Все они развиваются во времени, появляются, отмирают, меняют свой смысл и свою роль в историческом процессе. Утопия не составляет здесь исключения.

**От «Золотого Века»
к «Золотой книге о
новом острове Утопии»**

Зачатки утопии мы находим уже в самой древней мифологии. Это – миф об изобильной и дружелюбной человеку природе, о хлебе насущном, достаемом без особых усилий, без убийства животных, считавшихся прямыми родственниками человека и т.п. Фактически ее предметом являются еще не собственно социальные отношения, а лишь взаимоотношения человека с внешней для него природой. В этом смысле она фактически еще «досоциальна».

В этой праутопии человек не выделяет себя из природы. И, хотя в целом происхождение утопии социально, изображаемый в праутопии идеал по своему содержанию еще не совсем социален: фактически он не более чем пограничен. В праутопии социальные фантазия и реальность еще не разделены, поскольку само осознание сверхъестественного еще отсутствует. Логико-рациональный и образно-эмоциональный подходы здесь также еще не выделены. В силу такой первичной синкретичности сознания для нас трудно или и вовсе не-

возможно выделить из общей системы мифов – плодов синкретического мышления – какие-либо особые мифы-утопии. Представления об историческом в мифах еще очень смутны и неопределенны. Поскольку здесь смешиваются зачаточные формы представлений и о необратимости времени, и о его цикличности, и об одновременном сосуществовании прошлого, настоящего и будущего и т.п., миф-утопия фактически выступает либо вообще вне каких-то координат времени (утопическое соотнесено с состоянием, с размещением в пространстве, а не с изменением во времени, не с развитием), либо относится своими творцами в прошлое.¹⁴ Последнее особенно любопытно: традиционный тип мышления означает неизбежное благоговение к прошлому как к «эталонному» времени, именно в прошлое помещается то, что наиболее желательно в настоящем и будущем, то, что выступает в качестве идеала. В системе такого «традиционного» сознания самый сильный аргумент в пользу какого-то социального устройства – это то, что оно было нормой и правилом в прошлом.

Зачатки утопии в системе известных нам религиозных культов представляют во многом существенный шаг вперед. Прежде всего, они уже безусловно социальные: предметом этого рода праутопии является идеальное общественное устройство (хотя в картинах Рая есть еще очень много остаточных элементов от утопии единения человека с природой). Сверхъестественное еще не воспринимается в этой праутопии как фантазия. Наоборот, оно отнесено к реальности, хотя и особого рода. Утопия на этой ступени своего развития воспринимается как провиденциальное предписание, как божественное (священное) невыблемое откровение, догма и т.п.

Опираясь на индивидуально-психологическое восприятие движения времени отдельным человеком (в отличие от всеобщего, т.е. от священного, помещаемого фактически вне времени), религиозная утопия переносит выбор между идеалом (утопией) и антиидеалом (антиутопией) во внутренний мир человека. Божественное начало призвано лишь санкционировать этот выбор. Религиозная утопия общества такова только потому, что она – утопия индивида. Вполне очевидно поэтому, что религия, поскольку она выполняет и функцию

¹⁴ Касаясь здесь и ниже проблемы социального восприятия времени, мы исходим в основном из положений статьи А.Я. Гуревича «Время как проблема истории культуры» в журн. «Вопросы философии», 1969, № 3. Не все в ней бесспорно, но основное не вызывает сомнений.

утопии, предусматривает не столько изменение мира, общества и т.п., сколько изменение каждой индивидуальной судьбы после окончания временного, переходящего пребывания в конкретной реальности «живой» жизни. Реальная, историческая, «живая» жизнь человека были лишь испытанием пригодности его к существованию в сверхъестественном священном мире утопии – Рае. Сами устои этой реальной земной жизни были предопределены высшей и сверхъестественной силой, а поэтому изменению не подлежали. Но в пределах этих освященных устоев индивид мог выбирать между утопией (Раем) и антиутопией (Адом). Рай был компенсацией, возмещением за тяготы земной жизни, Ад – наказанием за попытки добиться самому лучшей жизни на этом свете, на Земле, наказанием за отказ от божественной компенсации за реальные тяготы. Утопия здесь – не программа общего изменения, а программа индивидуальной компенсации, программа неподвижности реального земного бытия. Индивидуальное изменение здесь есть компенсация необходимой общесоциальной неподвижности, призывающая к социальной пассивности, отказу от социальных преобразований.

Утопия в этот период, конечно, не сводится только к содержанию главных и господствующих религиозных культов. Оно лишь, так сказать, «официальный» вариант утопии, предписываемый всем и каждому под угрозой костра и пытки. Утопией другого рода, за предпочтение которой грозила не менее страшная смерть, была утопия народных восстаний, ересей и т.п. Это была подлинная утопия поработанных масс, выражавшая их чаяния лучшей жизни.¹⁵ Цели и ориентация у этой утопии были иные, но «механизм» образования и функционирования был, в принципе, все тот же: она строилась, аргументировалась и призывала языком религиозных догм. Именно эта утопия сделала решающий шаг к провозглашению реального преобразования мира: в эпоху массовых крестьянских восстаний, начинаясь в религиозных ересь с призывов пострадать за веру, она возвала, в конце концов, не к ожиданию загробных блаженств, а к революционному переустройству реальной жизни на этой, поюсторонней грешной земле. Во всех массовых крестьянских движениях мы находим в

¹⁵

Советский критик М.А. Барг очень точно характеризует конкретно-историческую ситуацию, стимулирующую появление и распространение такого рода утопий: «...Утопизм как исторически обусловленная черта социального идеала угнетенных находится... в обратной пропорции к наличным условиям его реализации». (В сб.: История общественной мысли. М.: «Наука», 1972. С. 440.)

той или иной форме и дозе следы этой утопии. Утопия теряет характер обещания компенсации и отныне уже выступает непосредственно в роли программы действия, программы преобразования окружающего мира. «...Утопизм конечной цели неизбежно отступает на задний план перед преобразующей силой порожденного ею движения».¹⁶

Однако весь этот период можно назвать эпохой праутопии: элементы утопии здесь еще рассеяны в сознании эпохи и ее литературных памятниках. Утопия существует как одна из сторон, как оттенок идеи, но не как самостоятельная, целостная, целенаправленная идея. Такой облик она приобретает (вместе со своим родовым именем) в труде сэра Томаса Мора: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516 г.). Теперь это – целостная, последовательная утопическая концепция переустройства общества, воплощенная в самодеятельное, подчиненное только этому сюжету произведение литературы. Вычленение специфической формы общественного сознания здесь завершилось обретением весьма характерной литературной формы. Идея общественного преобразования стала самостоятельным направлением осмысления общественным человеком своего собственного бытия.

Был ли сэр Томас Мор социалистом?

Дискуссии вокруг вопроса: «Был ли Томас Мор социалистом?» – не утихают и до сих пор. Еще Герберт Уэллс в свое время всячески высмеивал тех, кто пытался ответить на этот вопрос утвердительно.¹⁷ Ну, а все-таки? Был или не был?

Однозначного ответа здесь быть не может. И не потому, что мы не знаем, что отвечать. Знаем. Но по самому существу дела на этот вопрос должны быть даны два ответа.

Первый: кем сам автор считал себя (т.е. тот же Мор, или Кампанелла, или Фурье)? И Мор, и особенно Кампанелла были людьми глубоко религиозными,¹⁸ считали себя исправителями нравов, борцами за справедливость в границах своего, религиозного мировоззрения. Ни понятия, ни термина «социализм» они знать не могли. Это слово,

¹⁶ Там же. С. 451.

¹⁷ О сэре Томасе Море. Соч., 14. М.: «Правда», 1964. С. 310-313.

¹⁸ Баткин Л.М. Парадокс Кампанеллы. Журн. «Вопросы философии», 1971, № 2.

да еще в том смысле, в котором мы его употребляем, попросту более позднего происхождения. Автор мог осмысливать и оценивать свои собственные идеи лишь в границах сознания своей эпохи, своего времени. А в пределах сознания своего времени и Мор и Кампанелла были лишь проповедниками высокой («подлинной», с позиций христианской традиции) морали, глашатаями справедливости, пророками дóлжного.

Второй ответ звучит иначе, ибо опирается на оценку идей автора с точки зрения наших современных представлений о его роли в истории человеческой мысли, в истории общества; это – «взгляд назад», ретроспективная оценка прошлого с точки зрения настоящего. С этой позиции без всяких сомнений и Томас Мор и Томасо Кампанелла должны быть названы представителями утопического социализма. С этой же точки зрения Шарль Фурье должен быть назван революционером, хотя сам он считал, что его фаланстеры – вернейшее средство против революции...

Данное расхождение непосредственных намерений автора с реальным, объективным содержанием его произведения – отнюдь не единично. Это, скорее, закономерность, имеющая безусловное значение. Особенно ощутимой становится она, когда речь идет о произведениях, уже весьма отдаленных от нас ходом времени. Но и к современным авторам она также относится. Социальная интуиция, как это отмечал Ф. Энгельс относительно Родбертуса (см. выше), оказывается несравнимо глубже и содержательнее рациональных логических построений.

Как и во времена рабовладельчества, в эпоху средневековья и раннего капитализма основанием любых утопий являются не прогностические, а морально-этические представления. Т. Мор, Т. Кампанелла, Д. Уинстенли сами по себе не были авторами утопий-предвидений, и не исходили из прогностической идеи будущего; понятие будущего попросту еще не приобрело социально-прогностического смысла. Будущее в сознании их эпохи – это индивидуальная судьба человека или относительно близкое будущее государства, общества, в течение которого существенные изменения не могли бы произойти. Исходным для утопий того времени, как мы уже отмечали выше, были этические представления о должном. И по времени действия, и по своему назначению, по мнению и целям авторов их утопические сочинения были от начала до конца предназначены для их современников и современно-

сти. Злу, основанному, как они считали, на непонимании идеала, они противопоставляли свое объяснение добра, свою убеждающую (а не предсказывающую) модель идеала. Этическое рассуждение, моралитэ, а не собственно теоретическая концепция общества – вот как предстает и осознает саму себя утопия того времени. Прогностического здесь было не больше, чем в содержании любого этического суждения о должном: должного пока еще нет (иначе не было бы предмета суждений), но оно должно появиться, и лучше, если бы оно появилось. В этих утопиях еще нет идеи развития общества, хотя их основанием уже служит идея его преобразования в соответствии с должным (т.е. в соответствии с моральными вневременными критериями). Преобразование такого рода может быть, по мнению авторов утопий, во-первых, осуществлено лишь авторитарным путем, во-вторых, должно, очевидно, носить разовый характер, в-третьих, его итог должен привести к воплощению идеала, т.е. носить финалистский характер.

В нашей литературе порой противопоставляют утопию Мора и утопию Уинстенли не только по их конкретно-политической ориентации, но и по общему историческому месту. Уинстенли в качестве социалиста противопоставляют Мору как гуманисту и т.п. Думаю, что и тут есть опасность преувеличить только одну сторону нашего сегодняшнего подхода к проблеме.

Утопии того времени не могут быть «чисто» социалистическими: не в такой мере сложился капитализм, далеко еще не «скончался» феодализм как господствующий строй. Однако утопии того времени не могут не нести в своем содержании социалистических элементов, причем не только в общеисторическом смысле (о нем очень резонно, по нашему мнению, пишет М.А. Барг в упомянутой выше работе), но и в более узком смысле. Капитализм в своем раннем виде уже был реальностью, потому содержанием утопий была не только проблема свободы и равенства всех сословий, равенства в собственности на землю (т.е. проблемы буржуазного характера общества), но и проблема общей собственности на все главные средства производства, проблема ликвидации социального различия богатых и бедных вообще (а не только применительно к земле), проблема уравнительного распределения продуктов труда, обобществления быта. Даже, если допустить здесь влияние раннехристианской традиции, влияние пережитков общинного строя, они не покрывают полностью всего антибуржуазного

пафоса утопий XVI-XVII вв. Неразделенность пробуржуазного и антибуржуазного – вот специфика этих утопий, сложившаяся на основе неразвитости появившегося, но еще не достигшего полной победы капитализма. Вот почему различие утопий Т. Мора и Д. Уинстенли (их разделяет и относительно значительный отрезок времени: почти полтора века) не дает оснований для их противопоставления; вот почему общая конечная (общеевропейская) социалистическая направленность утопий и того и другого не вызывает у нас сомнений.

**От слова к делу:
XVIII век**

Материализм и атеизм XVII-XVIII вв. во многом существенно изменили методологические оснований утопий: как ни наивны социальные представления, они материалистичны, в том отношении, что объясняют историю общества без помощи и участия божественного провидения, т.е. сверхъестественной, фантастической силы. Как бы не делалась история, она делается самими людьми. Другое дело, что конкретное объяснение причин движения истории было в утопиях идеалистическим. Однако это был иной идеализм, чем у Мора или Кампанеллы: идеализм теоретический, философский. В идеализме исторических представлений просветителей уже сделан шаг в сторону материализма. И именно от этого нового в мировоззрении начинается и новая полоса в развитии утопии.

Назревание буржуазной революции сказалось прежде всего в том, что в центре утопии становится не обычный для предыдущего этапа сравнительно смутный образ лучшего мира, а конкретная программа преобразования существующей реальности в должную. Представление о времени в этой утопии уже линейное: будущее точно и строго соотносено с настоящим и прошлым. Поэтому мир осуществленного идеала безусловно помещен в будущее время, несмотря на трактовку возможного «общество благоденствия» все еще как желательного, а не как исторически закономерного. При этом «естественные» свойства человека сменяют моральные постулаты в качестве обоснования социального идеала, обоснования утопии. В ее обосновании уже не остается места для сверхъестественного, для каких-то атрибутов конкретного религиозного культа.

В XVIII – начале XIX вв. утопия пытается строить социальные программы, уже исходя из идеи того, что человек должен не просто осоз-

нать божественный смысл добра и справедливости, а сознательно, самостоятельно и по своему образу и подобию построить свои социальные идеалы, приведя затем реальную жизнь в соответствие с этими идеалами. Осознание своего собственного общественного бытия теперь постепенно приобретает теоретическую форму, начинает тяготеть к понятию собственно социальной науки (не будучи еще таковой по своему реальному содержанию). В утопии этого периода резко усиливается акцент на идею целенаправленного и планомерного преобразования социальных институтов, отношений и т.п., акцент на собственно прогностические стороны. Утопия этого периода – прежде всего прогноз и программа. Поэтому преобладающая для этических построений форма «государственного романа», какими были утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы, теперь все чаще уступает свое место утопиям-прогнозам, утопиям-планам, утопиям-проектам, с четко выраженной политической направленностью. Таковы утопии Г. Мабли, Ж. Мелье, Морелли, Г. Бабефа и др.

В конце этого периода в утопиях на первый план постепенно выходит не просто программа социального переустройства (хотя она обязательно сохраняется как необходимый элемент утопии того периода), а попытка целенаправленного анализа социальных отношений, попытка не просто декларировать, а научно и философски обосновать принципы социальной справедливости. Утопии этого рода утопичны по своему реальному содержанию, но они уже стремятся быть социальной наукой, стремятся к ее облику и к ее логической форме. Здесь сказались как практический опыт истории конца XVIII – начала XIX вв. (особенно опыт Великой французской буржуазной революции), так и дальнейшее развитие естествознания, развитие философской и социальной мысли. Типичными представителями этого завершающего этапа периода развития утопии были А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ш. Фурье. В России эта ветвь социальной утопии была связана с именами А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и др.

В центре внимания утопии теперь оказывается не только представление о должном, но прежде всего представление о возможном. Утопия начинает содержать зачатки преодоления фаталистических, провиденциальных (основывающихся на религиозном мировоззрении, свойственном и Т. Мору и Т. Кампанелле) представлений о ходе истории. Понятия должного и возможного, т.е. морального и собственно объективно обусловленного, в истории здесь еще не разделены доста-

точно строго, порой они еще отождествляются (что особенно заметно в понимании утопистами этой эпохи путей и методов осуществления их утопического идеала). Однако в понятии эти категории уже разграничены, что было особенно важно для формирования предпосылок становления научного понимания законов развития общества.

Утопия в век науки

Революционный переворот, совершенный в общественном знании К. Марксом и Ф. Энгельсом, означал коренное изменение соотношения науки и утопии в представлениях об общественном развитии. Соответственно коренным образом меняется и соотношение понятий «утопии» и «науки» в представлениях об обществе.

Понятия «утопия» и «наука» четко разделяются как в приложении к содержанию какой-либо концепции, так и в приложении к ее структуре, ее методологии. Понятия «утопия», «утопический» могут быть отнесены к структуре анализа и изложения какой-либо социальной проблемы, к методологии подхода к ней. С тем же успехом они могут быть отнесены к самой данной концепции по ее собственному внутреннему содержанию. И хотя между методологией подхода к проблеме и ее внутренним содержанием всегда существует неразрывная связь, разграничение этих сторон при определении реального смысла применения понятий «утопия» и «наука» вполне правомерно. Мы с ним сталкиваемся не только в абстрактном теоретическом анализе, но и в реальной практике.

Можно считать, что утопия предшествует науке не только в общей истории общественного сознания, но и в развитии сознания индивидуального. Поэтому даже научная концепция социального процесса на первых стадиях ее освоения данным индивидом может восприниматься им по методологической схеме, характерной для утопии. Это имеет место в том случае, например, когда какая-либо система взглядов на общество принимается «на веру», без глубокого осмысления способов логического и эмпирического анализа социального знания и социальной практики, без критического переосмысления, перепроверки данной личностью этой системы взглядов. Начало усвоения каких-то новых идей об обществе обычно таково. Их принимают хотя бы условно, хотя бы как исходные «данные» для последующей проверки, последующего осмысления и т.п. И уже потом идет наращива-

ние знания, «очищение» его от принятого условно, принятого «на веру» в порядке допущения, и в конце концов достигается единство методологической и содержательной сторон освоения системы взглядов на данную социальную проблему.

В своей речи на III съезде ВЛКСМ В.И. Ленин как раз подчеркивает необходимость до конца доводить процесс овладения научным социальным знанием (теорией научного коммунизма): подлинно научный и по методологии, и по содержанию уровень знания может быть достигнут только в результате многосторонней, последовательной и глубокой учебы. Только таким способом можно преодолеть поверхностное, декларативное, на уровне одних только лозунгов, – т.е. утопическое по своему методу и по своему содержанию, – усвоение идей коммунизма. Только органическим соединением учебы еще и с практической деятельностью можно преодолеть догматический, начетнический, – т.е. опять-таки утопический, – подход к теории научного коммунизма.

Весь формальный логический аппарат науки может быть применен в развертывании системы представлений, принципиально неверных в своем исходном пункте, принятом без должной проверки, принятом ошибочно. Утопические по существу своему взгляды принимают здесь внешнюю форму научного вывода.

В одном случае система представлений развертывается на основе ошибочной (утопической) методологии и потому приводит, в конечном счете, к неверным, ненаучным, утопическим выводам, а в другом – она развертывается казалось бы по форме правильно, логично, но исходный пункт ее ошибочно понят и ошибочно принят, что опять-таки неизбежно приводит к ложному, ненаучному, утопическому выводу. Суть заблуждения в конечном счете оказывается в равной мере утопической, хотя сама «процедура» движения к ошибочному выводу была разной.

Развитие утопии связано с ходом календарного времени только потому и только в меру хода социального времени: социальное развитие есть мера движения утопии, мера ее размежевания с наукой, мера становления социального научного знания. Отставание той или иной общности, класса, социальной группы от главной линии исторического развития порождает и отставание этой социальной общности в развитии социальной мысли. Добуржуазные отношения, раннекапиталистические отношения, мелкобуржуазность того или иного социального

строю, например, в наш век неизбежно порождают в социальном самосознании тяготение к утопии. В конкретном содержании утопической (в целом) системы взглядов при этом могут, конечно, оказаться вкрапленными те или иные, а иной раз довольно значительные, элементы научных представлений об обществе, но они неизбежно будут подчинены общей внутренней логике утопии. С другой стороны, всякое научное социальное знание носит конкретно-исторический характер, т.е. оно всегда по каким-то измерениям ограничено, а потому неизбежно содержит в себе имеющие частное значение вкрапления утопических представлений. Общая его логика и общее его содержание последовательно научно, и как раз его развитие в известной мере включает в себя и преодоление этих частных элементов утопизма в своем собственном содержании. Научный взгляд на общественный процесс есть отнюдь не только следствие совершенствования или усвоения самого по себе знания, но и обязательно следствие определенного положения его носителя в системе социальных отношений.

Идея о том, что корни утопических воззрений кроются прежде всего в социальном положении того или иного класса, слоя, группы, а не только (и не столько) зависят от простого научения какому-то научному знанию, лежит в основе критики В.И. Лениным «левого» оппортунизма (см. работу В.И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Если объективные исторические предпосылки для преодоления утопических представлений еще не сложились, то усвоение уже готовой (созданной где-то и кем-то «во вне» по отношению к этому классу, слою) научной социальной концепции неизбежно будет сопровождаться «смещениями» в сторону утопии. (Речь идет о сознании масс, а не об отдельных выдающихся личностях, которые в этом отношении могут опережать свое время).

Исторически закономерно то, что последовательно научная концепция общества появилась на свет в виде идеологии рабочего класса тогда, когда назрела необходимость коренных социальных преобразований, осуществить которые он был призван. Рабочий класс должен был выступить главной силой создания общества без классов, должен был осуществить переход к планомерной, организованной деятельности в масштабах общества в целом, опирающейся на научное знание, научное предвидение.

Смысл и функции любой науки – а социальные науки, конечно, не составляют здесь исключения – состоит в возможности относительно строгого предсказания возможных (в том числе и будущих) состояний изучаемого объекта. Историческая миссия рабочего класса как раз и обусловила создание в границах его идеологии последовательной научной концепции социального развития, у которой и ее формальная логическая структура и ее существо является собственно научным. В противовес марксизму, однако, возник и другой ряд концепций, у которых к науке имеют какое-то отношение лишь некоторые элементы их формальной логической структуры да некоторая часть их частных умозаключений. Они в целом научны лишь по обличению, но не по сути, т.е. на деле лишь псевдонаучны.

Появление научной марксистской теории социального развития, завоевание наукой доминирующего положения в общественном сознании в функции познания и объяснения окружающего мира вызвало во второй половине XIX века внутреннюю перестройку и внутренний кризис утопии. Утопия фактически должна была найти новую форму, новый способ сосуществования с научной теорией, свое новое место в общественном сознании. Так называемая «традиционная» утопия завершила свой век. Но это отнюдь не означало конца утопии вообще. На смену утопии традиционной пришла утопия, которую мы и называем современной.¹⁹

Современное знание и современная утопия
--

В современном знании понятие «утопия» не может быть воплощено в такое органическое сочетание ненаучной, утопической методологии и утопического содержания, какими были утопии Мора, Кампанеллы, Дезами, Фурье, Кабэ. Современная социальная концепция всегда выдает себя за науку, является ли она в действительности научной или это – только иллюзия ее авторов и адептов. Поэтому понятие «утопия» в этом случае приобретает определенный оценочный оттенок, выступает в обличении будто бы производного от слова «утопический». Этим определением характеризуют данную социальную концеп-

¹⁹ Неудовлетворительность терминологии здесь очевидно бросается в глаза. В какой-то мере она является косвенным показателем неудовлетворительности разработки проблемы генезиса утопии в целом. Однако здесь мы не ставим себе задачу рационализации терминологии. Это – дело будущего.

цию в качестве непоследовательной, ее цели социального преобразования – как необоснованные или несбыточные, предлагаемые ею средства социального изменения – как несоответствующие социальным условиям или принятым в этой же концепции целям. Этими же определениями («утопия», «утопический») можно характеризовать и какие-то отдельные элементы в целом научной социальной концепции. Тогда это определение будет характеризовать какие-то недостаточно обоснованные, весьма и весьма проблематичные, гипотетичные предположения в общих рамках научной концепции о возможных направлениях, целях и средствах социальных изменений. Следует отметить, что недостатка в оценочных употреблении понятий «утопия», «утопический» современное социальное знание не испытывает.

Научная аргументация широких и масштабных социальных концепций весьма затруднена. Решающим аргументом, как всегда в науке, здесь может служить социальная практика, социальный эксперимент. Однако социальная практика такого масштаба, чтобы на ней можно было бы безусловно базировать какие-то аргументы, во-первых, неизбежно носит сравнительно глобальный характер и охватывает длительные исторические периоды времени, во-вторых, она неизбежно натывается на сопротивление каких-то господствующих социальных групп, классов, теряющих свое привилегированное положение в результате социальных преобразований и потому не желающих ни уступать в практическом устройстве социальной жизни, ни признавать в качестве аргументов какие-либо аргументы науки, какие-либо призывы к рассудку, в-третьих, она дает практически необратимые результаты: ошибки не могут быть исправлены простым восстановлением исходного состояния, а требуют (если они вообще могут быть исправлены) гораздо более сложных и многократно опосредованных изменений в новой ситуации, сложившейся в результате социального эксперимента.

Окончательные критерии научности той или иной социальной концепции корнями своими неразрывно связаны, как мы уже отмечали выше, с классовой позицией ее авторов, ее сторонников. Только в рамках социального процесса в целом, в рамках общего хода истории могут быть раскрыты истинные оценки той или иной социальной концепции в целом: утопия ли перед нами в облики науки или подлинная наука.

Понятие «утопия», таким образом, может быть отнесено к определенному целостному мировоззрению, определенной социальной концепции в ее общем виде, какова бы ни была форма ее воспроизведения. При этом термином «утопическое» обозначают систему взглядов, не имеющих строгого научного обоснования, не опирающихся на строгое разграничение объективного и субъективного, необоснованные, несбыточные, нереальные предположения. Причем при употреблении термина «утопическое» последние смысловые оттенки обычно преобладают.

Современная утопия как мировоззрение, как целостная система взглядов (обозначим ее как утопию I), как мы уже отмечали, характеризуется своим тяготением по формально-логической структуре, по видимой исследовательской процедуре и т.п. к социальной науке. По своей видимой «внешности», по своей литературной форме она не отличается от науки. В этом ее характерное отличие от традиционной утопии XVII-XIX вв. и специфическое сходство именно как современной утопии.

Понятие «утопия» может обозначать определенные – как мы уже отмечали выше, вполне закономерные и обязательные, – непоследовательно научные частные элементы, вкрапленные в научный в целом взгляд на общество. Историческая ограниченность всякого – в том числе и социального – знания служит основанием наличия в нем таких частных элементов утопических представлений в его, образно говоря, «пограничных областях», т.е. там, где научное знание становится предположительным, соприкасается с исторически обусловленными, временными, относительными границами своего развития в современных условиях.

Современная утопия в этом своем смысле – как частичные вкрапления в научное знание (утопия II) – характеризуется специфической областью своего существования. Элементы утопических представлений концентрируются здесь в той части научного знания, где оно еще не в силах разделить достаточно строго социальную информацию на объективно точную и субъективно ценностную, обусловленную преимущественно желанием, интересом. В принципе такое положение обуславливается исторической ограниченностью всякого знания, однако вклинение элементов утопии в ткань научной теории может иметь место и по причинам случайного свойства, т.е. по субъективным причинам.

Наконец, понятие «утопии» получило сейчас очень широкое распространение в качестве термина, обозначающего весьма характерный литературно-художественный метод, ведущий свою генеалогию, с одной стороны, от так называемого «государственного романа» (какими литературоведение обозначило произведения Т. Мора, Т. Кампанеллы, Э. Кабэ, У. Морриса, Э. Беллами и др.), а с другой – от фантастической прозы, исторические корни которой скрыты в глубокой древности.

Современная утопия в своей третьей ипостаси как специфическое литературно-художественное произведение (утопия III) есть особая форма моделирования в образной форме предполагаемых (гипотетических) социальных ситуаций. Она носит название «утопии» не только в связи со своим происхождением от так называемого «государственного романа», но и в связи с тем, что в характере и форме моделирования ею предполагаемых социальных ситуаций есть элементы логики и методологии социальной утопии (каково бы ни было ее содержание). Эта форма моделирования предполагаемых социальных ситуаций как раз свойственна таким проблемам социального знания, где пока практически отсутствуют строгие критерии разграничения закономерного и случайного, объективного и субъективного, научного и собственно утопического.

Уроки истории или реализация утопий

Есть еще одна важнейшая проблема исторического процесса становления утопии в ее современном облики: история реализации тех предвидений, тех идей, которые высказывала утопия.

Практическая реализация предсказаний (или возможных вариантов, пожеланий), содержащихся в утопиях, имела весьма и весьма большое значение как в общем развитии идеологии, так, в частности, и в истории самой утопии. По существу имел место исторический эксперимент, неизбежно затянувшийся на века. Этот своеобразный эксперимент включил в себя целый ряд крупнейших исторических событий.

История непрерывно проверяла утопии. Средневековая практика церкви была в том числе и своеобразной проверкой христианской утопии; феодальные тираны, возвысившиеся на волнах антифеодальной борьбы крестьян и городов, практически осуществили проверку утопий о «добрых царях»; разнузданность нравов позднего феодализма в XVIII в. была своеобразной проверкой ранней буржуазной утопии

Возрождения о «естественном человеке»... Однако все это были проверки утопий, еще не осознавших самое себя, утопий, еще недостаточно четко сложившихся по своим целям и своей структуре, утопий, еще не нашедших своего собственного образа.

Первой серьезной проверкой осознавшей себя утопии – буржуазной утопии просветителей – была победа капиталистического строя в XVIII – начале XIX вв. в ряде стран Европы. Утопия просветителей – «государство чистого разума», общество абсолютизированной, внеисторической и рафинированной целесообразности – на проверку оказалось капиталистическим, эксплуататорским обществом, раздираемым антагонизмами своего реального, а не утопического бытия. Это был первый, – но уже достаточно весомый, – удар по механистической односторонности первых буржуазных утопий. И не только по их утопическому содержанию, но и по их методологическим формальным элементам: по их внутренней безвариантности, по их неподвижности, статичности, описательности. Безапелляционность и статичность как методологические принципы классического утопизма оказались подорванными, хотя еще и не опрокинутыми окончательно.

«Целесообразность», доведенная до абсурда, оказалась проклятием нового общественного строя: человек в нем был не более чем средством, и к нему реально относились как к средству. Оценка всех человеческие свойства и отношения обернулась оценкой человека в вещах, предметах, деньгах и осуществлялась через отношения вещей: человек оказался не более чем персонификацией вещей. Человеческие отношения начали строиться по формуле: «Что я с этого буду иметь?», а предметный мир жизненных благ вместо того, чтобы оставаться лишь средством, стал самоцелью. Наличие в собственности вещей стало мерой и критерием значимости личности, мерой и критерием положения человека в обществе.²⁰

²⁰ Ф. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» писал об этом следующее: «...Французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения вместо того, что противоречит вечному разуму... Этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера как раз в то время развивающегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь не абсолютно разумными... Установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей» (Соч. Т. 19. С. 192-193).

Загнивание капитализма на стадии империализма нанесло столь же сокрушительный удар по буржуазной утопии XIX века, как, в свое время, французская буржуазная революция – по просветительской буржуазной утопии XVIII века.

Буржуазная утопия XIX века неизбежно была эволюционистской: выдвигавшийся в начале во главу угла прогресс нравов, а затем, ближе ко второй половине века, – прогресс техники и науки должны были, с точки зрения буржуазной утопии, обеспечить постепенное «очищение от скверны» капиталистического общества и его переход в состояние идиллического застойного непротиворечивого равновесия.

Рассмотрим в качестве примера два варианта наиболее известных буржуазных утопий этого рода, созданных во второй половине XIX века писателем Э. Бульвер-Литтоном и никому тогда еще не известным утопистом Э. Беллами.

В 1870 г. Эдуард Бульвер лорд Литтон (или как мы его называем сегодня Э.Бульвер-Литтон) выпустил в свет утопический роман «Грядущая раса» («The Coming Race». Русское издание. СПб., 1891). Покритиковав с позиций типичного английского тори общество современных ему США за продажность, за пестро раскрашенный, но чисто формальный характер демократии, выразив свое неудовлетворение обветшалостью и негибкостью социальных установлений и своей родины – Великобритании (да и вообще Европы), Бульвер-Литтон пытается нарисовать идеальное буржуазное общество. Это общество во всех своих основных элементах отвечало традиционному буржуазному утопическому идеалу.

Размещенное по воле автора где-то в пустотах под землей, некое идеальное государство достигло «золотого века» без каких-либо социальных потрясений, лишь на основе технического переворота. Переворот этот состоял в полном овладении какой-то колоссальной таинственной энергией, скрытой в веществе. Социальной целью преобразований после технического переворота было «...искусство сделать доступным всему обществу то довольство и покой, которым пользуется добродетельный и благоустроенный семейный дом» (указ. соч., с. 24). В соответствии с этой идеей все стали капиталистами – без рабочих. Ничтожный объем необходимого труда выполняют в порядке обучения и воспитания дети и подростки, не достигшие еще совершеннолетия. Частная

собственность, истовая религиозность, абсолютная моногамия (хотя и с разводами), торговля, несмотря на изобилие, но не для дохода, а... так, для удовольствия... – вот обетованная земля буржуа. Различия в величине имущественного достатка есть, но они не имеют никакого реального практического социального смысла, так как достигнуто абсолютное изобилие. Чем реально (в отношениях, а не в названии) при абсолютном изобилии может отличаться частная собственность от общественной? Как может осуществляться торговля? Каково реальное деятельное содержание всех этих понятий? Обо всем этом автор предусмотрительно умалчивает. Он попросту эксплуатирует привычные и естественные для обывденного сознания своей эпохи понятия.

Литература выродилась, живопись становилась все безличнее и монотоннее, пока, наконец, тихо не скончалась..., развитие науки потеряло смысл, ибо все потребности насыщены и исчерпаны. Даже войн здесь нет, ибо «...искусство истребления было доведено до такого совершенства, что численность, дисциплина и военные знания враждующих армий уже не имели никакого значения» (указ. соч., с. 31). Налицо общество без целей (кроме элементарных животных побуждений на уровне инстинкта), без движения, без мысли, без творчества... Его девиз: «...покой – высшее блаженство жизни!» (указ. соч., с. 50).

Чтобы как-нибудь развеять беспросветную скуку в своем «крайском» уголке (и у читателя, соответственно) автор пытается построить незамысловатую сюжетную интригу, апеллируя к неизменно «интересной» стороне жизни – сексу. Для этого в отношении полов в своем утопическом мире Бульвер-Литтон вводит пикантную, с точки зрения обывденного сознания (особенно того времени), деталь: активной, помогающей стороной здесь являются женщины, а мужчины лишь мило с ними кокетничают, стыдливо позволяя себя соблазнить... Сюжетное развитие романа по существу полностью исчерпывается вариациями по поводу этой пикантной детали...

Трудно найти другой образчик столь последовательного (и невольного, притом) разоблачения и старых, и многих новых социальных утопий буржуазного толка. Буржуазная утопия Бульвер-Литтона, задуманная как позитивная, воспринимается сегодня скорее как пародия, как памфлет, как АНТИУтопия.

Стоило ли человечеству тысячелетиями развивать свой разум с той единственной целью, чтобы придти к исходному круговороту жизни, состоявшей только из насыщения, опорожнения и совокупления?.. Думал ли Э. Бульвер-Литтон, что его столь, казалось бы, «фантастическая» утопия, столь быстро и, главное, столь разоблачительно по отношению к идеалам автора начнет осуществляться в современном буржуазном мире? Венцом и вершиной исторического прогресса у Бульвер-Литтона оказались «...несчастные рванье несчастного общества» (Поль А. Баран).

В 1888 г. в Бостоне вышла небольшая книга Эдварда Беллами «Взгляд назад» (Ed. Bellamy. Looking Backward. Boston, 1888. Русское издание – лучшее из многих – под названием «Через сто лет», изд-во Ф. Павленкова, СПб., 1901), имевшая необычайно шумный успех несмотря на свою крайнюю литературную беспомощность и весьма сомнительные идеи.

Этот успех может быть объяснен только одним: Беллами в своей утопии фактически первым предложил широкому кругу читателей буржуазную (эпохи империализма) трактовку идеи социализма – социализма не марксистского, не истинного научного, а социализма, приспособленного к нуждам буржуазии, социализма без социалистического «ядра». Псевдосоциализм Беллами наши современники – идеологи буржуазии – преподносят нам в обновленной оболочке «нового индустриального общества», «постиндустриального общества» и т.п.

Идейной основой у Беллами является теория эволюционного перерастания капитализма – через ультраимпериализм, через государственно-монополистическую фазу – в социализм. В утопии Беллами обрисован социализм, где причудливо переплелись идеи Фурье и Оуэна с практикой казармы, с жестким государственно-монополистическим нормированием и управлением всего и во всем, где царит официальная и поддерживаемая властью религиозность (хотя церковь формально отделена от государства). Путь к социализму лежит, по мнению Беллами, через мирную постепенную экономическую концентрацию и нравственное совершенствование и буржуа и пролетариев. При этом политические объединения рабочих и побуждаемая ими политическая борьба только мешают этому «естественному процессу».

Стремление построить новое, не разрушая старого, новое только в границах старого, – такова в основных чертах утопическая программа Беллами. В этой программе, как в зеркале, отразились буржуазные псевдосоциалистические иллюзии «рядового» либерального интеллигента конца XIX – начала XX века.²¹

Реальное развитие государственно-монополистического капитализма развеяло и эти утопические иллюзии относительно сущности капитализма как такового, а относительно стихийной трансформации монополистического капитализма в какое-то «новое» общество.

Октябрьская социалистическая революция в России, со своей стороны, развеяла другую мелкобуржуазную утопическую иллюзию – наивные представления мелкобуржуазного интеллигента о социализме, как о всеобщем христианско-идиллическом благолепии, неподвижном, непротиворечивом, идиллическом и статическом состоянии общества. Иллюзия эта порождалась разглядыванием социалистической перспективы через розовое стеклышко мелкобуржуазного псевдосоциалистического утопизма.

В реалиях неотвратимого и сурового ниспровержения старого мира мелкобуржуазному интеллигенту, воспитанному на псевдосоциалистических утопических иллюзиях, почудилось ниспровержение цивилизации; необходимо жестокая и отчаянная борьба против эксплуататорских классов и их идеологии показалась ему борьбой против свободы, гуманизма и разума; в неизбежных трудностях первых этапов социалистического строительства его утопическое око узрело неспособность социализма к развитию; в порожденных все той же мелкобуржуазностью временных ошибках и искажениях на первых порах социалистического строительства почудилось непоправимое искажение самой сути социализма...

Реальный социализм оказался не розовой идиллической утопией, а закономерной ступенью исторического прогресса: со своими неоспоримыми социальными преимуществами, воплотившими в

²¹ Уильямс Моррис, относительно близко стоявший к марксизму и значительно тяготивший к нему, автор утопии «Вести ниоткуда», направленной против идей Беллами, в 1889 г. писал в своей рецензии на его книгу: «...Единственным идеалом жизни для такого человека (сторонника Беллами – З.Ф.) может быть только жизнь теперешнего трудолюбивого интеллигента из средних классов, лишь очищенная от их преступного пособничества монополистам и ставшая независимой вместо того, чтобы быть, как теперь, паразитической...» (Цит. по кн. А.Л. Мортон «Английская утопия». М.: ИЛ, 1956. С. 188).

жизнь вековые чаяния трудящихся, светлые идеалы великих утопистов прошлого и, вместе с тем, со своими органическими, столь же закономерными, противоречиями (напомним здесь, что метафизическое утопическое сознание мелкобуржуазного интеллигента отождествляет противоречие с пороком), со своими неизбежными объективными и субъективными недостатками и трудностями. Реальный прогресс закономерно оказался диалектичным, не перестав от этого быть прогрессом. Разрушение механического, метафизического понимания прогресса показалось отравленному последовательным утопизмом взгляду разрушением самой идеи возможности прогресса...

Беда «последовательного» утопизма именно в том и заключается, что этот утопизм, прежде всего, недиалектичен и ирреален. Упрощенный и уплощенный, иллюзорный, неподвижный мир «розового» или «черного», созданный утопической фантазией, разделен застывшей и нерушимой границей, непреодолимой стеной между Добром и Злом, Истиной и Ложью, идиллическим Совершенством и беспросветным Хаосом. В этом иллюзорном искусственном мире все не так, как в жизни: противоположности не текучи, не превращаются друг в друга; существует абсолютное непротиворечивое совершенство, – если взять и отделить, а затем уничтожить «отрицательную» сторону противоречия; движение может не быть развитием, а развитие может не содержать изменений... Это – мир либо неподвижного совершенства, либо неподвижного хаоса. Но ведь неподвижный мир – это мир кладбища, а не жизни...

Утопия Старая и утопия Новая

Исторические трагедии и катаклизмы XX века, с одной стороны, его великие реальные успехи в научно-техническом и социальном прогрессе, с другой, завершили разрушение принципов традиционного утопизма, казавшихся многим мыслителям выражением самой его сути. Гниение социального организма капиталистического строя, породившее мировые войны, фашизм, деградацию буржуазной культуры, с одной стороны, победа социалистической революции, успехи (и трудности) социалистического строительства, огромный научно-технический прогресс, с другой, – вот та новая историческая реальность, которая неизбежно должна была привести к трансформации Старой утопии – в Новую.

Некоторым философам, социологам, а также и исследователям развития идей в XX веке кажется, что в результате этого великого исторического урока всякая утопия окончательно умерла. К. Маннгейм доказывает, что элемента утопии вовсе не должно оставаться и не остается места в научном сознании и знании. Николай Бердяев попросту боится новых утопий, считая их бедствием для общества.²² Оба они – при всей видимой противоположности позиций – фактически отрицают и правомерность, и целесообразность существования любых форм утопий в XX веке. Однако в том, что это не так нас убеждают не только логические доводы и исследование самой структуры научного знания (см. выше о месте утопии в системе научного знания). Наглядным и очевидным фактом является все нарастающий поток новых и новых литературных утопий, в чем-то существенном совершенно непохожих на прежние, в чем-то – не менее существенном – прямо продолжающих их неумирающие традиции.

Современная утопия, как правило, стремится не противопоставлять себя науке (как бы не трактовалась при этом сама наука, какие бы постулаты не были использованы, они должны принадлежать реальной науке или псевдонауке). Более того, современная утопия чаще всего стремится «прикрыться» наукой – даже тогда, когда осознанно и намеренно вступает с ней в конфликт. Современная утопия и в ее литературном варианте исходит (или, во всяком случае, стремится исходить) из научной логики, из принципиально научного способа осмысления и объяснения мира. Уходя порой очень далеко в своем содержании от истинной науки или выходя за ее пределы в своих гипотезах, современная литературная утопия обычно стремится при этом сохранять форму научного осмысления социальных проблем, научную (или хотя бы наукообразную) логику своих умозаключений. Именно поэтому научная фантастика оказалась наиболее предпочтительной (хотя отнюдь не единственной) формой современной утопии. Можно сказать, что сама литературная форма современной научной фантастики складывалась под давлением современных форм утопии.

²² О своем отношении к современной утопии Н.А. Бердяев писал: «...Утопии оказываются гораздо более выполнимыми, чем мы предполагали раньше. Теперь мы находимся лицом к лицу с вопросом также жгучим, но в совершенно ином плане: как может мы избежать их фактического осуществления?» (Цит. по кн. А.Л. Мортон «Английская утопия». М.: Иноиздат, 1956. С. 246).

§ 3. Двудликий Янус: утопия и антиутопия

*...Каждое соотносится с самим собой,
лишь соотносясь со своим другим.*

Гегель (Соч. Т. V. С. 500)

Проблема классификации утопий занимает не последнее место в литературе. Каких только измышлений не порождает буйное воображение ее исследователей? Действительно, по формальным (и в значительной мере внешним) признакам можно строить самые различные классификации: внешне утопия чрезвычайно гибка и разнообразна. Однако ее различие по внутренним, действительно содержательным аспектам намного меньше (что, правда, не действует охлаждающе на дискутантов в этой области теории утопии).

Утопия и антиутопия

Различие утопии²³ (позитивного описания предполагаемых общественных отношений) и антиутопии (негативного их описания и оценки) наиболее существенно в любом варианте классификации утопий. Оно имеет и наиболее глубокие корни в истории утопических предположений. Не удивительно, что многим авторам на Западе различие утопии и антиутопии кажется абсолютным и непреодолимым. В какой-то мере эта идея оказалась воспринятой и у нас (ей отдали свои симпатии, например, Е. Брандис и В. Дмитриевский). Такое преувеличение различий утопии и антиутопии кажется нам не совсем правомерным.

Антиутопия – «противоутопия, утопия наоборот» как «дистопия» (distopia – «плохое место») отличается от утопии (utopia – отсутствующее место) как «эутопии» (eutopia – «хорошее место») отнюдь не механизмом своего возникновения, не познавательным смыслом, не своим отношением к науке, к социальному знанию вообще, и даже не своим оценочным, ценностным смыслом. Она отличается только направленностью, знаком оценки: утопия (или эутопия, или «розовая» утопия) имеет знак плюс, антиутопия (негативная утопия, дистопия, «черная» – в отличие от «розовой» – утопия) – знак минус.

²³ Обращаем внимание, что термин «утопия» здесь употребляется уже в более узком смысле: не как родовое, а как видовое понятие.

Как и в утопию осознание (вернее, ощущение) назревшего социального изменения необходимо входит в антиутопию, причем в той же достаточно смутной и превращенной форме. Но, либо, последствия такого изменения оцениваются негативно, либо, в общей совокупности назревших изменений усматриваются и раскрываются какие-либо опасные или нежелательные стороны, либо, ставится под сомнение сама возможность таких изменений и т.п. Во всех этих случаях оценка возможных, предположительных изменений (если бы их возможность безусловно отрицалась, не было бы предмета размышления и описания) в конечном счете негативна – во всем возможном диапазоне этого негативного: от легкого сомнения до яростного отрицания, сатиры, памфлета. На всем протяжении истории утопического сознания, истории Утопии (с большой буквы, т.е. утопии в широком, родовом смысле этого понятия) позитивная, «розовая» утопия (утопия с малой буквы, т.е. утопия в узком видовом смысле) развивалась в единстве и взаимосвязи с негативной, «черной» утопией, т.е. с антиутопией.

Идея того, что отрицание чего-то есть вместе с тем и форма утверждения чего-то, противоположного отрицаемому (хотя оно непосредственно не описывалось) – достаточно стара и достаточно банальна. Однако применение этой общей истины к утопии и антиутопии почему-то вызывает сомнения и напрасно. Утопия, утопическое сознание не отменяют никаких общих принципов освоения окружающего мира человеческим сознанием, не представляют особого исключения из этих правил.

Антиутопии (равно как и утопии) могут быть просоциалистическими и могут быть пробуржуазными. Здесь налицо качественное различие идеологий, но не различие конкретных способов отражения общественных явлений или литературных форм. И антиутопия социалистической, и буржуазной направленности может быть доведена до самых крайних форм, когда что-либо не просто отрицается, но и подвергается сатирическому осмеянию. Это – антиутопии типа памфлета. Но и среди позитивных утопий мы находим аналогичные приемы преувеличения достоинств ожидаемых и положительно оцениваемых изменений в обществе. Это – так называемые «розовые» утопии. Различие же, таким образом, оказывается лишь в направлении оценки, а не в способе подхода к реальному миру, не в методе его познания.

Идеал и вариант

Весьма жесткое разграничение утопии и антиутопии (даже при признании их общего корня, их принципиального противоречивого единства в Утопии: утопии с большой буквы) было все же до известной степени правомерно для утопии прежней, традиционной. Однако и здесь современность внесла свои коррективы.

Развитие социального знания в целом, широкое распространение идей диалектичности всех процессов в обществе (сознательное – в системе социалистического мировоззрения, стихийное – в системе буржуазного), практическое столкновение в быстро меняющемся мире с текучестью, относительностью всех социальных явлений, понятий, представлений – все это привело к существенному изменению в содержании утопического умозаключения.

Раньше Утопия прямо и непосредственно, без всякого вуалирования, опосредования, без всяких превращенных форм либо утверждала (утопия), либо ниспровергала (антиутопия) идеал. И для современной утопии проблема идеала остается одной из центральных: конкретная форма идеала выступает как отношение целей и устремлений того или иного социального класса, строя. Через эту форму в значительной мере реализуется идеологическая основа утопии. Однако в современной утопии (и особенно в ее литературном варианте – самом массовом и распространенном сейчас) идеал выступает по преимуществу лишь опосредованно, лишь в превращенных формах. Непосредственно же современная утопия исследует варианты общественного развития.

При этом сам выбор возможных вариантов, оценка того или иного варианта и т.п. осуществляются с позиций определенного класса или социального слоя. Утопия сейчас не менее (если не более) партийна, чем она была раньше. Но ее идеологическая подоплека (и в том числе проблема идеала: его утверждения или отрицания) реализуется теперь через форму, порожденную современным социальным знанием – через вариант. Вариантность исторического процесса (в том числе и в границах его закономерного хода, если таковая закономерность признана автором утопии), рассмотрение возможного хода общественного процесса в виде варианта развития, сравнение утопий как сравнение вариантов (в основе которых лежат различия мировоззрения, классовый позиции) – такова безусловно преобладающая сейчас особенность содержания современной Утопии.

Быстрое развитие науки, повышение ее роли во всех без исключения сторонах жизни общества, постепенное становление нового исторического типа сознания – научного не могло не отразиться на современной утопии. Одним из направлений этого влияния науки на утопию является тот факт, что современная утопия во всех случаях не может рассчитывать на слепое доверие, на то, что ее постулаты будут приняты на веру. Она необходимо усваивает внешний механизм, внешнюю (точнее: формальную) логику современной науки: она рассматривает, просчитывает и сопоставляет варианты. Порой ее идеологическая подоплека очевидна, но не менее часто она стремится скрыть эту подоплеку (это в первую очередь относится, конечно, к буржуазной утопии), замаскировать ее ширмой объективности, видимостью беспристрастного, математического исчисления вариантов.

А достаточно часто бывает и так, что автор сам не отдает себе полный отчет, с каких мировоззренческих позиций сотворена им утопия, какова вся (а не только им самим конкретно представленная) совокупность идеологических постулатов его же собственным сообщением созданной утопии. Не случайно ведь сама по себе проблематичность оценок социальных изменений стала сегодня одной из любимых тем Новой Утопии.

Для современной утопии характерно обычно такое переплетение формальных изобразительных средств, что попытки жесткой классификации рано или поздно неизбежно ставят исследователя в тупик: в одном и том же произведении оказываются и элементы «розовой» утопии, и просто утопии, и антиутопии, и памфлета... Все такого рода нюансы чрезвычайно трудно отделимы друг от друга: утопия постепенно осваивает диалектическое описание мира, диалектический подход к нему.

Утопия не может превратиться в строгую науку, не перестав быть собой, – именно утопией, со своим особым видением мира, своей его интерпретацией, своей методой его оценки. Но утопия может тяготеть к метафизическому методу: тогда она – сплошная утеха для любителей все разложить по полочкам с этикеточками. А может тяготеть к диалектическому методу: тогда наш классификатор хватается за голову. Но зато выигрывает главный для утопии человек – читатель. И это – самое главное.

Историческая ситуация и форма Утопии

Вопрос о связи между формами Утопии и социальными интересами классов не прост. Связь такая есть, хотя она далеко не столь прямолинейна, как это кажется тем, кто, не мудрствуя лукаво, приписывает все позитивные утопии «подымающемуся» классу, все антиутопии – «нисходящему». Сторонники такой точки зрения, улавливая наличие реальной тенденции, вместе с тем спрямляют, огрубляют ее, серьезно поступаясь истиной.

Позитивная утопия в идее, в концепции может быть свойственна и «нисходящему» классу и «восходящему». Трудно сделать здесь арифметическое сопоставление: считать идеи и концепции с высокой степенью точности пока никто не умеет. Однако даже пример современного капитализма наглядно показывает, что дело не в самом по себе отсутствии позитивных утопий. Теории «конвергенции», «постиндустриального общества», «научного общества» и т.п. – разве это не утопии со знаком «+»?

Суть дела в том, что на разных этапах истории того или иного класса меняется, как правило, литературная форма утопий. В таком способе выражения интересов, устремлений, чаяний класса как утопия, образная ее форма – наиболее популярная и доступная для самого широкого круга людей – оказывается в чем-то очень существенном много сложнее, если хотите, труднее, чем форма изложения непосредственно в виде концепции, наукообразного умозаключения и т.п. Требуется более полно, более наглядно и конкретно представлять себе изображаемое, более эмоционально к нему относиться.

Историческая закономерность неосознанно и неуправляемо проявляется в том, что у «нисходящего» класса (например, у буржуазии в наше время) попытки отрицания нового осуществляются с большим накалом эмоций, с большей обстоятельностью и видимой убедительностью, чем попытки утверждать и удерживать старое. Утопия ведь не может быть сведена к «чистой» логике: она всегда эмоциональна, по самой сути своей всегда выражает скорее желание, устремление, чем рассчитанное убеждение. Утопия поэтому во многих главных своих позициях отправляется не столько от логики мировоззрения, сколько от эмоции мироощущения, обусловленной общим, целостным восприятием текущей социальной реальности. Но в эпоху «нисхождения» того или иного класса общее мироощущение даже у

его адептов оказывается, в конечном счете, в конечном итоге в целом неблагоприятным. Видения Апокалипсиса стоят перед глазами чаще и убедительнее: историческая закономерность хотя бы в такой превращенной форме перевешивает в сознании собственные эгоистические симпатии авторов сочинений на утопические темы. Тем более, что у нового автора всегда много действительных, реальных слабостей, вдохновляющих авторов враждебных ему антиутопий.

Закономерность истории проявляется не в нехватке самих по себе позитивных утопий у «нисходящего» класса и избытке их у «восходящего». Сами по себе утопические идеи распределяются, скорее всего, более или менее равномерно. Дело, очевидно, в том, что класс «нисходящий» оказывается способным на максимум эмоций и максимум вдохновения именно в борьбе с новым. А потому его антиутопии более образны, доступнее и кажутся более убедительными, чем позитивные утопии. У «восходящего» же класса наоборот: большую часть пафоса он вкладывает в провидение своих грядущих побед...

Старая Утопия и «новая» Антиутопия

Вместе с тем прослеживается и определенное соотношение элементов Старой Утопии и Новой Утопии в связи с мировоззренческой позицией той или иной антиутопии.

Прогрессивная современная литературная утопия (не только та, которая непосредственно исходит из идей научного социализма, но и та, которая отражает вообще демократические тенденции в современном сознании) равно как в виде позитивной утопии, так и в виде антиутопии стремится не противопоставлять себя научному социальному знанию, не отрываться от него. Буржуазная же консервативная утопия в своей позитивной ветви, как мы уже отмечали, много менее тяготеет к литературно-художественной форме, а в своей антиутопической ветви вынужденно акцентирует скорее чисто эмоциональную сторону, чем логическую: как у идеологов всякого уходящего класса, ненависть к новому прогрессивному слепит глаза авторам консервативной буржуазной антиутопии. Именно в консервативной буржуазной антиутопии наиболее живучими оказались все основные элементы традиционного, «старого» утопизма: консерватизм содержания необходимо увлекает ее либо к консервативной же форме, далекой от науки, открыто утверждающей неподвижность социального мира, либо к иррационально-фантастической туман-

ной форме чисто эмоционального отрицания нового, маскирующей внутреннее утверждение незыблемости старого.

Антиутопии прогрессивного направления стремятся и в своем отрицании каких-то социальных тенденций опереться на логику, на какие-то послышки, уходящие в конечном счете корнями в научное понимание мира. Консервативная же буржуазная антиутопия, как правило, памфлет и только памфлет: эмоциональное отрицание, не тяготеющее особенно к глубокому логическому обоснованию своих антипатий.²⁴

Именно такого рода антиутопиями-памфлетами, в частности, – являются столь характерные произведения буржуазного консервативного утопизма, как «Мы» Евгения Замятина (1920 г.), «Отважный новый мир» Олдоса Хаксли (1932 г.), «1984» Джорджа Оруэлла (1949 г.). Авторы этих антиутопий в самом их контексте только отрицают. Перед нами застывшая, окрашенная в трагические тона, фотография неподвижного, по своей сути **мертвого** мира. У него нет цели, ему не свойственны движение, изменение, развитие. Этот мир призван только отталкивать, ибо в нем нет внутренней созидательной силы, в нем вообще нет каких-либо источников движения: в этом мире возможны лишь события (составляющие сюжет), но изменений в нем быть не может. Вот почему антиутопии этого рода по своему внутреннему смыслу, по своей внутренней механике ближе стоят к старой, традиционной утопии XVI-XVII вв., чем к современной литературной утопии в ее лучших образцах – произведениях Рэя Бредбери, Клиффорда Саймака, Станислава Лема, Роберта Мерля, Курта Воннегута, Ивана Ефремова, Аркадия и Бориса Стругацких...

И позитивная утопия и антиутопия не одинаковы даже по своей внутренней логике, по своей архитектонике, своей литературной форме, не говоря, конечно, уж о своем содержании, своей социальной направленности, своей роли. Литературная форма отнюдь не остается и в утопии безразличной к ее мировоззренческой основе, ее содержанию. Прогрессивное содержание утопии необходимо обуславливает в конечном счете ее тяготение и к более прогрессивным, более совре-

²⁴ Под этим углом зрения весьма любопытно проследить, как определяет само понятие антиутопии один из теоретиков и апологетов буржуазного, консервативного ее варианта Фред Полак: «Антиутопия не выворачивает этот мир наизнанку, заменяя его позитивные ценности негативными; она поступает так лишь с миром утопии. Антиутопия является карикатурой на утопию. Она пользуется специальными методами утопического мышления о будущем, чтобы прилагать их не к реальности, а к утопической литературе о будущем, с целью ее разрушения» (F.L. Polak. The Image of the Future, vol. 1-2; N.-Y.-Leiden, 1961. Vol. 2. P. 28-29).

менным формам. Различия в том или ином конкретном случае в степени талантливости авторов тех или иных конкретных произведений, и другие конкретные привходящие обстоятельства не должны заслонять для нас этой общей конечной тенденции.

Консервативная буржуазная антиутопия вынуждена трактовать противоречивость развития как порочность самой идеи развития; вариантность развития – как отсутствие закономерности в социальных изменениях; трудности роста, недостатки, ошибки становления нового – как невозможность какого-либо прогресса в социальных отношениях вообще; гибель старого, изжившего себя мира – как гибель человечества и цивилизации вообще. Консервативная буржуазная антиутопия даже в будущем видит лишь прошлое; она ищет разрешения противоречий общества не в его развитии, а в... его неподвижности. По самой своей сути она метафизична, антидиалектична. Максимум гибкости, на которую она способна, – это оборотная сторона метафизики: абсолютный и беспросветный релятивизм. Вот почему ее внутренняя конструкция, ее внутренняя механика, при всем поверхностном, иллюзорном антураже новаций, остается той же, что у «старой», донаучной (и «вместонаучной») утопии.

История сыграла с консервативной буржуазной утопией злую шутку. Пытаясь создать антиутопии, направленные по замыслу авторов главным образом против марксистского социализма, О. Хаксли, Евг. Замятин, Дж. Оруэлл фактически создали произведения, отрицающие прежде всего государственно-монополистический капитализм, фашистский тоталитаризм и так называемый «казарменный коммунизм». Как убедительно показала история, мир, изображенный Замятиным, Оруэллом, Хаксли, по существу своему ничего общего не имеет с настоящим научным коммунизмом. Налицо оказался характерный – и трагический для творцов консервативных антиутопий – парадокс подстановки: свои пороки они попытались выдать за наши пороки, свое будущее – за наше будущее...

Авторы современных буржуазных консервативных антиутопий попали в безвыходное положение по отношению к развитию мира и идейному осознанию этого развития: гибель капитализма так же настойчиво и столь же очевидно стучит в дверь, как когда-то гибель рабовладельчества в императорском Риме и гибель феодализма – во Франции Людовика XVI, но будущее – социалистическое будущее – ужасает консервативного буржуазного утописта, не менее, чем гибель вообще, не может уложиться в его сознании, отвергается им с порога.

§ 4. Утопия и социальное прогнозирование

*...Наука опережает время, когда ее
крылья раскованы фантазией.*

Майкл Фарадей

Понятие будущего не так уж старо, как это может показаться с первого взгляда.

**Социальное время
и идея будущего –
или был ли сэр Томас
Мор прогнозистом?**

Ощущение движения времени не только для себя лично (этого движения, увы, не заметить нельзя), но и для общества в целом, может появиться только тогда, когда в пределах индивидуальной жизни каждого поколения в этом обществе будут происходить какие-то существенные изменения, имеющие сколько-нибудь просматривающуюся тенденцию. Скорость существенных изменений в общественных отношениях должна в своей непосредственно наблюдаемой форме превысить какой-то определенный уровень, чтобы стать явной и в пределах индивидуальной жизни человека. Но такой скорости общественное развитие достигает лишь в эпоху разложения феодализма и начала быстрого развития буржуазных отношений.²⁵

Пока представления о движении исторического, социального времени не станут достаточно устойчивыми, нет достаточных оснований говорить и о попытках предвидения будущего. Идея Страшного суда в христианской религии, все идеи конца света и т.п. порождены тем, что у истории было зафиксировано начало, а, следовательно, соответственно сознанию того времени, должен был быть найден и конец. Здесь нет в полной мере прогностической идеи – идеи будущего – поскольку нет идеи развития. Общество не развивается по направлению к своему «концу», а по существу ждет этого «конца», оставаясь в принципе неподвижным. Все изменения в общественной жизни для создания этой эпохи представляют собой лишь следствие и итоговую

²⁵

К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» отмечали резкое ускорение хода истории с выступлением буржуазии на авансцену социального процесса. В частности, они пишут: «...Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» (Соч. Т. 4. С. 429).

сумму смены индивидуальных жизней, наложение друг на друга различных индивидуальных волей, характеров, судеб. Система, последовательность в этом изменении если и есть, то только такая, которая может быть сведена опять-таки к изменениям отдельных личностей: например, падение (или, наоборот, укрепление) нравов...

Суждение о «конце» света и есть в строгом и историческом смысле слова пророчество. Предметом пророчества является не изменения в движении общества, а какое-то конечное его состояние: то ли сгорит мир наш в адском пламени, то ли зальют его воды бесконечные, то ли придет Судья Верховный... Пророчество не содержало в себе движения по времени: содержанием его было определенное событие, предопределенное заранее свыше и теперь только угаданное по каким-то приметам. Тем более, что «верных» примет всегда хватало: то затмение, то наводнение, то сушь, то комета, то мальчик-уродец родился, то камень упал с неба, то саранча налетела...

Соответственно этим представлениям об историческом времени не только праутопии древности и средневековья, но и первые подлинные утопии – утопии Т. Мора, Т. Мюнцера, Т. Кампанеллы, Д. Уинстенли и др. – содержат в себе прогностический элемент еще только в зародышевой форме.

Признание существования Бога – единственного творца и вершителя судеб – предполагает отсутствие истории как развития, как закономерного процесса по отношению к которому позиция человека активна, действенна. В средневековой религиозной концепции Мира, коли уж признаны «начало» и «конец», протяженность между началом и концом не содержит в себе качественных изменений, развития (иначе ставилось бы под сомнение идея «конца», а если бы представление о «конце» абсолютизировалось, то деятельность людей лишалась бы общественного смысла). Время здесь по отношению к обществу не имеет протяженности, понимаемой как движение от одного качественного состояния к другому. Двигается только индивидуальное время: меняются состояния индивида. Общественное же время – это застывшее, «подвешенное» состояние.²⁶ И именно таково время в утопиях Т. Мора и Т. Кампанеллы.

²⁶ Средневековая концепция времени весьма обстоятельно описана в книге А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». М.: «Искусство», 1972.

Идеальные миры в их утопиях – это должное, это нравственное предназначение. Граница между реальным и должным пролегает в душе каждого отдельного индивида. А поскольку изображаемое в Утопии – невиданное и для окружающего мира мало реальное (чтобы не сказать прямо: нереальное), идеальное состояние многих (большинства или даже всех) людей, то приходится эту «воображаемую реальность» Утопии отделить от истинной реальности хотя бы в пространстве. Реальное отделено от утопического у самого Т. Мора не временем, а пространством (точнее, может быть: не столько временем, сколько пространством). Остров Утопия не нанесен прежде всего на географические карты и уже только как всякое должное, всегда предположительно реализуемое в будущем, отделен какой-то неопределенной дистанцией и от современного автору времени. Никаких конкретных параметров эта дистанция времени не имеет: не сроки сами по себе, а проявление совокупности индивидуальных устремлений и волевых усилий отделяет время Утопии от исходного времени. Иначе говоря, это – нравственная дистанция, а не разные времена истории.

Сэр Томас Мор не был и не считал себя пророком: содержание его «Утопии» требует действия, а не ожидания каких-то предначертанных свыше событий. Но он не мог считать себя и автором прогноза, т.к. самого понятия «прогноз» еще не существовало. Прогнозом «Утопия» может быть названа только сейчас, когда мы сегодняшние понятия и представления обращаем к далекому XVI веку. И все же, в конечном счете, т.е. с общеевропейской точки зрения, мы должны признать, что набожный Мор и фанатичный монах Кампанелла сделали, сами того не ведая и не желая, огромный шаг вперед от традиционного религиозного суждения о делах мирских: их утопии являются не попыткой предугадать Божью волю (т.е. не очередной попыткой пророчествовать), а предписанием реального человеческого действия. Утопия хотя и была «сконструирована» по нравственным идеям Божественного Провидения, но осуществить ее уже был призван сам человек. Нам здесь не предрекают неизбежность божьей благодати, а призывают делать историю: пусть пока еще во имя божье, но делать-то надо самим...

Поскольку утопия Томаса Мора является программой реального человеческого действия и предполагает активную социальную практику человека, она должна ретроспективно оцениваться нами не как пророчество, а как зародыш социального прогноза.

**Утопическое
прогнозирование и
прогнозирующая
утопия**

В XVIII в. прогнозирующий характер утопии проявляется уже в полной мере: идея линейности времени становится в эпоху буржуазных революций все более очевидной и утопия становится одной из основных форм выражения этой идеи. Утопия-программа (см. об этом выше) по своему содержанию необходимо ориентирована в будущее и прежде всего в будущее. Однако у прогнозирующей стороны этой утопии есть свои особенности, отражающие ее историческое место.

Будущее в утопии XVIII в. раскрывается не как закономерное состояние общества, которое необходимо должно наступить. Точных координат будущего в историческом времени у этой утопии все еще нет: прогнозируемое будущее может начаться через год, может – через столетие... Единственным безусловным критерием наступления желаемого и прогнозируемого будущего является сознательное принятие идеи этого будущего наиболее активной частью общества, способной привести в движение всю массу людей, подчинить их своей воле, своим целям. Основной сферой, явной и не явной, развертывания этой утопии уже является именно историческое время, а не пространство. В этом времени уже достаточно определились понятия прошлого, настоящего, будущего. Однако полноценной меры социального и исторического времени – закономерности его движения, его точного измерения, точного шкалирования – все еще нет. Утопия приобрела здесь явно выраженный прогнозирующий характер, но сама прогнозирование все еще представляет собой только утопию.

У классиков критического утопического социализма – А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна – методологические элементы прогнозирования получают дальнейшее развитие. Здесь впервые появляется понимание того, что существует определенная объективная историческая дистанция реализации прогнозируемого желанного будущего, и что эта дистанция вытекает из определенной закономерности развития общества (особенно четко эта идея проявилась в концепции стадий исторического прогресса Ш. Фурье). Сам ход исторического процесса трактуется еще идеалистически, еще слишком многое связывается с простым усвоением идей справедливого устройства общества, с возможностями «великих мира сего» и т.п. Но здесь уже налицо попытка

найти средства прогнозирования: закономерности связи исторических времен, обоснования достаточно строгой объективной детерминации будущего, объективные критерии для оценки исторической дистанции, отделяющей настоящее от прогнозируемого будущего. Все эти поиски пока ведутся на ниве утопии, но в них все явственнее проглядываются черты будущего научного подхода.

Утопия здесь – уже движение именно и только по оси исторического времени. Перемещение в пространстве (как, например, у Э.Кабэ в его «Путешествии в Икарию») является здесь совершенно явственным условным приемом, позволяющим создать образную модель будущего (т.е. «временного», а не «пространственного») состояния. Отныне и впредь – вплоть до сегодняшних дней – перемещение в пространстве выступает в утопии лишь в качестве средства исследовать изменения вследствие перемещения по оси социального и исторического времени.

В утопии этого периода уже вполне отчетливо выступает диалектическое единство ее прогностической стороны, призванной создать модель гипотетического будущего, и ретроспективной стороны, призванной оценить современность с точки зрения этого изображенного в утопии гипотетического будущего. В своем развитом виде утопия всегда и необходимо есть неразрывное и противоречивое единство этих двух сторон. Автор утопии сам может стремиться к решению только одной части задачи: или дать образ будущего, или подвергнуть оценке (зачастую оценке критической – вплоть до памфлета) настоящее. Однако решение одной части задачи необходимо вызывает к жизни, хотел того автор или нет, и вторую. Поскольку в утопиях конца XVIII – начала XIX в. сформировалась более или менее прогностическая сторона, достигла аналогичной степени развития и ретроспективная.

**Научное
прогнозирование и
современная утопия**

Переворот в социальном знании, совершенный К. Марксом и Ф. Энгельсом, превращение социализма из утопии в науку означают появление строго научной

методологии и теории социального прогнозирования.

Уже «Манифест коммунистической партии» (мы не говорим здесь о столь значительных, но в те годы оставшихся неопубликованными работах, как «Экономическо-философские» рукописи К. Маркса,

«Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса и др.) представляет собой гениальный образец строго научного социального прогнозирования, где узкие границы утопического прогнозирования преодолены полностью. В ряде других своих работ классики марксизма-ленинизма оставили нам образцы блестящего по обоснованию, глубине и масштабу прогнозируемых явлений долгосрочного социального прогноза. Здесь нет необходимости более подробно писать об этом: существует чрезвычайно обширная и весьма обстоятельная специальная литература. Мы же сосредоточим свое внимание на относительно мало исследованном и освещенном вопросе: соотношение современной научной социальной прогностики и прогностических элементов социальной утопии (преимущественно утопии III – литературно-художественной формы современной утопии).

Буржуазные критики марксизма, объявляющие его лишь разновидностью утопического социализма, улавливают (если говорить от гносеологических корней их нападок на марксизм) первостепенную роль самой идеи революционного преобразования общества в возникновении марксизма как цельного мировоззрения. Однако они не понимают, что суть марксизма никак не сводима к элементарной механической преемственности относительно идей утопического социализма, не понимают, что марксизм осуществил революционный переворот и в самой идее социализма, «посадив» ее на прочный фундамент современной науки. Сама по себе идея социализма в марксистском мировоззрении потеряла характер утопии – характер преимущественно ценностного, вероятностного, фантастического и интуитивного представления о будущем более справедливом устройстве общества. Сама по себе возможность социалистического будущего человечества стала теперь элементом научного знания, что как раз и остается скрытым для буржуазных критиков марксизма.

Однако означает ли это, что в системе научного мировоззрения и в научной прогностике, в частности, полностью и в принципе исключено наличие каких-то частных форм утопии? Нам кажется, что более справедливо обратное мнение: какие-то определенные (частные для мировоззрения в целом) элементы утопии в трансформированном виде неизбежно находят свое место и в системе социального прогнозирования, основанного на научном фундаменте. Место и роль этих частных утопических элементов специфичны, они по природе своей

иные, чем в мировоззрении, не опирающемся на научное знание об обществе. Но само наличие таких элементов не противоречит общему научному обоснованию прогнозирования.

Отдельные частные элементы утопических представлений необходимо сопутствуют научному в целом мировоззрению, научному прогнозу социального развития, как элементы интуитивного знания, как «предполье» науки, как предположительная, еще не доказанная гипотеза, опирающаяся на так называемую субъективную вероятность высказанного мнения.²⁷ Эти элементы утопии в принципе будут располагаться на периферии, на самых дальних «границах» данного научного знания о будущих состояниях общества, на его стыках с собственно ценностным восприятием мира.

В системе научного мировоззрения современная утопия потеряла, конечно, свою прежнюю монополию на создание образов будущего, на прогнозирование. Утопия не должна и не может заменить научный прогноз. Вместе с тем у научного прогноза есть ряд таких качеств, которые ограничивают его возможности (одновременно делая его, вместе с тем, достаточно строго научным), оставляя, если так можно выразиться, «поле деятельности» и для утопии.

Во-первых, научное предвидение начинается на достаточно высоком уровне накопления и переработки информации. Требования утопии не столь высоки и по существу тяготеют преимущественно лишь к требованию научности в самой логике развития своей темы и в самой общей методологии анализа, к требованию научности лишь наиболее фундаментальных, базовых посылок. Возможности использования в прогнозировании фантазии, опирающейся на научную интуицию, делают границы утопического прогнозирования несравненно более широкими, чем возможности одного только строгого научного прогноза. Поэтому утопия выполняет пионерные функции в исследовании многих социальных проблем и, в особенности, – проблем социального прогнозирования.

²⁷ Субъективная вероятность в «Философской энциклопедии» определяется следующим образом: «...мера субъективной уверенности, определяемой имеющейся в распоряжении данного человека информацией (или, наоборот) отсутствием сведений о каких-то обстоятельствах, существенно влияющих на наступление (или ненаступление) данного события), а также психологическими особенностями человека, играющими важную роль при оценке им правдоподобия того или иного события» (А.Яглом. Вероятность. «Философская энциклопедия». Т. 1. М., 1960. С. 244). «...Неподтвержденная гипотеза еще не является научным предложением» (Н.И. Кондаков. Введение в логику. М.: Наука, 1967. С.65).

Во-вторых, научное социальное прогнозирование представляет самостоятельную ветвь современной науки со всеми вытекающими отсюда последствиями: узко специализированным языком, особым понятийным аппаратом, своей символикой и т.п. Между тем сами проблемы социального прогнозирования представляют если еще и не всеобщий, то, во всяком случае, чрезвычайно широкий интерес. Для современной эпохи характерна возрастающая массовость социального творчества, возрастающая потребность активного в нем участия, независимо от профессиональной принадлежности, специального образования и т.п. Поэтому изложенное научным, узко специализированным языком должно быть переведено на общепонятное изложение общепотребительным языком. И кроме современной литературной утопии в облике научной фантастики выполнить эту функцию некому. Тем более что такая утопия фактически переводит на общепотребительный язык не только собственно конкретную научную информацию прогноза, но одновременно и более широкий круг других специальных и философских проблем. Современная научная фантастика (социальное и познавательное знание которой еще очень часто недооценивается нашей профессиональной философией) неразрывно связана с «фантастическими» идеями, опирающимися на научную методологию и, как правило, строит свои «фантастические» сюжеты на гипотетической базе современной науки.

В-третьих, научное социальное прогнозирование, имеющее дело с объектом, одним из главных свойств которого является вариантность состояний в очень широкой полосе вероятности, фактически не имеет иных способов моделирования различных вариантов, особенно в целостном виде, кроме как в образной форме. Однако образная модель абстрактной социально-философской идеи, образная модель гипотетического варианта социального состояния (к какому бы времени не относилось это гипотетическое состояние) суть не что иное, как утопия. Здесь утопия выступает как прямое продолжение и необходимый инструмент научного социального прогнозирования, как его необходимое дополнение, тем более, если прогнозирование понимать достаточно широко: как прогнозирование не только возможных вариантов будущего состояния общества, но и попросту любых гипотетически возможных социальных ситуаций. Образная же форма моделирования (т.е. форма литературной утопии в облике научной фантастики) позво-

ляет особенно выпукло представить себе и сравнить альтернативы развития состоявшихся ситуаций и, что особенно важно, тех ситуаций, которые еще могут или должны состояться.

Кроме того, социальное научное знание (как, впрочем, и всякое другое научное знание), само по себе почти лишено собственно эмоционального содержания, хотя всегда идеологично и содержит в себе ценностные аспекты истины. Поэтому строгое научное знание само по себе, по своему содержанию, способно лишь в минимальной степени вызывать эмоциональный отклик, воздействовать на эмоциональный мир индивида. Однако в условиях столкновения различных систем ценностей, различных систем и вариантов идеологий эффективность эмоционального воздействия знания имеет существенное значение и в его распространении, и в его усвоении. Современная утопия, тяготеющая к художественной литературной форме в облике научной фантастики, обеспечивает эмоциональное отношение массового читателя к той или иной доктрине, обеспечивает сопереживание с той или иной идеей через сопереживание с судьбами литературных персонажей. Этот эмоциональный эффект соответствует одному из наиболее существенных элементов современного мироощущения – чувству причастности к глобальным социальным процессам, свойственному широкой массе людей в развитом современном обществе. Чувство это может реализовываться в весьма различных конкретных формах, оно может быть пассивным и активным, оно может искусственно приглушаться или, наоборот, стимулироваться социоинженерными средствами, – но во всех случаях оно отражает все возрастающую тесноту связей в современном обществе.

В системе научного прогнозирования элементы утопии проявляются чаще всего в следующих основных видах:

а) предполагаемые варианты (или один вариант) будущего не безусловны; хотя все развитие многовариантно, в последствии реализуется лишь один какой-либо вариант;

б) нет строгой возможности точно обосновать сроки реализации предвидимых вариантов, даже если безусловная реализуемость какого-либо одного данного варианта уже в принципе доказана;

в) предвидимое состояние настолько отдалено от существующего состояния и качественно от него отлично, что неизбежно эмоционально субъективно окрашивается (позитивно или негативно); при

этом критерии оценки будущего состояния черпаются в иной – современной – социальной действительности;

г) качественное различие предвидимого состояния и существующей ситуации, при вполне научно обоснованной возможности предположить основное направление развития будущего состояния, не дает, однако, возможности достаточно строго вскрыть внутреннюю противоречивость, внутреннюю динамичность предполагаемого состояния.

В приведенном выше перечне возможных в научном мировоззрении проявлений элементов утопии нами сделан акцент на объективные гносеологические причины, способствующие их появлению. Однако есть еще и субъективные причины, когда «...субъективный рассудок, жизненные условия, объем познания и степень развития мышления»²⁸ данного исследователя плюс его формальный или неформальный авторитет в обществе могут способствовать появлению элементов утопии в научной социальной теории при отсутствии какой-либо объективной необходимости в этом.

Можно предположить, что субъективные причины появления элементов утопии элементов в научном прогнозировании, которые надо считать рецидивами донаучной стадии в прогнозировании общественных процессов, со временем по мере развития и совершенствования научного прогнозирования, по мере укрепления его общетеоретической, мировоззренческой базы постепенно будут сходиться на нет. Но главные объективные причины закономерного и устойчивого появления элементов утопии в научном прогнозировании остаются. Мало того, растущая потребность в осуществлении все более разностороннего и долгосрочного социального прогнозирования как основания для решения текущих проблем создает необходимость расширения круга случаев применения форм литературной утопии на «пограничной полосе» долгосрочных социальных прогнозов.

Наличие таких частных утопических элементов в научном социальном прогнозировании в «нормальной» пропорции и на своем месте – в частности, на его границе, на «периферии» его научного основания – не только не вредит научному мировоззрению как целому, но и является одним из «ферментов», стимулирующих его развитие, поскольку эти

²⁸ Этими признаками (помимо, конечно, объективно-исторических) Ф. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» характеризует вариантность утопических идей у того или иного социалиста-утописта (см.: Соч. Т. 19. С. 201).

утопические элементы требуют полной мобилизации неотъемлемой от всякого научного знания фантазии.²⁹ По существу всякое гипотетическое суждение в области общественных отношений содержит в себе какие-то элементы не просто предсказательного характера, но и преднаучные (утопические, фантастические по своей форме). Процесс переработки гипотезы (а чаще, целой совокупности гипотез) в теорию необходимо сопровождается выявлением этих утопических, преднаучных вкраплений, размещавшихся на самой границе поисков нового знания. Однако без такого рода «пограничных» допущений вообще не был бы возможен поиск нового, осмысление новых явлений в общественном развитии, прогностический поиск социальной науки.

**Социальная интуиция
и ее мировоззренческая
основа**

У социального прогнозирования есть своя именно для него специфическая методика построения моделей будущего. Три основных способа, тесно друг с другом связанных и взаимообусловленных, образуют ядро этой методики: продолжение основных тенденций развития прошлого и настоящего в будущее (метод экстраполяции), построение моделей будущего в соответствии со сходными явлениями в прошлом и настоящем (метод аналогии), построение гипотетической модели будущего без прямой и видимой логической процедуры, по «озарению», т.е. путем непосредственного внутреннего созерцания гипотетического состояния общества (метод интуиции).³⁰ Необходимой основой для всех этих методов является общесоциологическая теория, непосредственно входящая в мировоззрение и органически единая с идеологической позицией данной личности, социальной группы, класса. Накопление знания всеми науками (и гуманитарными в первую очередь, поскольку речь идет о

²⁹ «...Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке» (В.И. Ленин. Философские тетради. Соч. Т. 29. Изд. 5-е. С. 330). «...Разумная фантазия правомерна в области, которая лежит вне границ применимости уже установленных законов... Она является основой научных гипотез, еще не имеющих фундамента последовательной теории. Поле для таких гипотез часто возникает в связи с выяснением границ применимости известных законов..., и, особенно, причин появления этих границ...» (И.М. Лившиц. «Невозможное» и «невероятное» (В сб.: «Симпозиум «Творчество и современный научный прогресс». Тез. и аннотации. Л., 1966. С. 22).

³⁰ По методологии и методике социальных прогнозов существует обширная специальная и научно-популярная литература как отечественная, так и зарубежная (многое из которой переведено на русский язык в 1950-70-е гг.).

социальном прогнозировании) образует «строительный материал» для выработки социальных прогнозов.

В зависимости от прогнозируемой перспективы меняется и роль тех или иных методов прогнозирования в построении картины предполагаемого будущего. Строится ли та картина действительно с прогностической целью: описать и оценить гипотетическое будущее, либо конечной целью является ретроспективный анализ современности (когда гипотетическое будущее служит не более чем средством для оценки современных нам тенденций и явлений), – применение основных методов прогнозирования не меняется.

Краткосрочный социальный прогноз: существенные изменения в общественных отношениях сравнительно невелики и центр тяжести изменений лежит в области техники производства, торговли, быта, в области частных сторон организации труда и быта. Основным методом прогнозирования – экстраполяция; значение метода аналогии существенно меньше, а метода интуиции – и вовсе незначительно.

Среднесрочный социальный прогноз: изменяются существенные элементы общественных отношений, но социальная система в целом в главном остается в границах прежнего исторического качества. Основным методом прогнозирования остается экстраполяция; роль методов аналогии и интуиции при этом существенно возрастает, но они остаются на вторых ролях.

Долгосрочный социальный прогноз: качественно меняется сама сущность данной социальной системы, все основные ее главные черты. Социальная система здесь оказывается на какой-то существенно иной ступени своего исторического развития. Изменения в науке и технике могут прогнозироваться только по своим конечным прикладным результатам, но не по средствам их осуществления. Основным методом прогнозирования – интуиция; второстепенный – аналогия. Роль экстраполяции незначительна.

По мере развития научного социального прогнозирования оно все больше и больше оттесняет утопию (как средство моделирования и исследования гипотетических состояний общества) в области именно долгосрочных социальных прогнозов.

То, что составляет содержание краткосрочного прогноза не составляет практически ничего существенного для воображения и фантазии, необходимо сопутствующих утопии. Все основные изменения

укладываются в логику простой экстраполяции, не требуют каких-либо мер по своей популяризации, не нуждаются в специальном эмоциональном «подкреплении», т.е., короче говоря, не нуждаются в утопии и ее особых средствах изображения гипотетического будущего.

Несколько шире поле деятельности утопии в области среднесрочных прогнозов. Однако и здесь, – поскольку логически наиболее строгая, выверенная и проверяемая экстраполяция остается главным методом прогноза, – утопия может преимущественно выполнять лишь функцию иллюстрации в образах тенденций социального развития, но не функцию самостоятельного и существенного исследовательского средства.

И только там, где экстраполяция становится почти бессильной, уступая пальму первенства среди методов построения гипотетического будущего интуиции, роль утопии качественно возрастает. Именно родство главного метода предвидения, метода построения модели гипотетического мира – метода интуиции – объединяет и сближает в этой области социальной прогнозирования литературную утопию и собственно научное прогнозирование. Родство методов обуславливает неизбежно и определенную близость конечных результатов: достоверным в прогнозе может быть лишь общий его стержень, лишь самые главные черты гипотетического будущего, лишь предсказание относительно основного направления развития.³¹

Интуиция, как известно, возникает и строится не на пустом месте. Ее основанием является вся совокупность полученной ранее социальной информации, организованной в соответствии с общими мировоззренческими позициями автора утопии, его идеологическими симпатиями и антипатиями. Интуиция обуславливает суждения безусловно и преимущественно ценностного характера, суждения, которые в

31 «...Предвидеть означает лишь правильно видеть настоящее и прошлое как находящееся в движении; правильно видеть означает точно определять основные и постоянно существующие элементы процесса. Но абсурдно думать о чисто «объективном» предвидении. У того, кто выступает с предвидением в действительности есть определенная «программа», победы которой он желает, и предвидение является именно элементом этой победы... Поэтому мнение, что определенное мировоззрение заключает в самом себе наивысшую способность к предвидению является ошибкой, порожденной невежеством и легкомыслием...

...Обычно думают, что любой опыт предвидения предполагает выявление постоянно действующих законов, подобных законам естественных наук. Но эти законы не существуют в предполагаемом абсолютном или механическом смысле» (Антонио Грамши. Избранные произведения. Т. III. М.: Иноиздат, 1959. С. 158-159).

наименьшей степени можно было бы назвать беспристрастными. Вот почему именно в долгосрочном прогнозе социальная и идеологическая позиция автора реализуется наиболее полно, отчетливо, ярко, причем реализуется независимо от собственных намерений автора. Отсюда вытекают несколько весьма любопытных и характерных парадоксов моделирования гипотетического будущего в социальной утопии (из коих мы упомянем лишь три).

Предвидение, опирающееся на интуицию, неизбежно вызывает так называемое «смещение социальных целей». Мы определяем цели социального процесса, руководствуясь ценностями своего времени, а при реализации эти цели выступают уже в иной социальной системе, в других системах «измерения» и «отсчета» (оценки) социальных отношений. Налицо не просто историческое изменение, а парадокс развития – возникновение принципиально нового качества будущего. Поэтому то, что представляется сегодня главным в этом предстоящем будущем (и выдвигается сегодня как социальная цель, конечный идеал и т.п.), в самом этом наступившем будущем будет выглядеть совсем не так, как это представлялось нам сегодня, и главным в самой системе этого будущего являться, скорее всего, не будет (а если и будет, то не в той конкретной форме, в какой это сегодня нам представляется). Прошедшая история полна таких парадоксов.

Модель гипотетического социального будущего в утопии (или антиутопии) выступает одним из наиболее точных и верных индикаторов породившей ее системы мировоззрения, идеологической позиции. Анализ утопий с позиций марксистско-ленинского социального знания позволяет установить все самые тонкие нюансы в идеологической системе, которая лежит в основании этой утопии, все основные тенденции, свойственные идеологии. Утопия оказывается самым идеологичным (во всех смыслах и оттенках этого понятия) элементом любого мировоззрения. Именно в силу такой гипертрофированной идеологичности в утопии и по сегодняшний день сохраняется (очевидно, это – ее сущностное свойство) какой-то элемент пророчества: в социальный прогноз предвидения утопии необходимо примешивается больший или меньший оттенок пророчества. Утопия тяготеет к конечным – финальным (хотя бы относительно) состояниям, а не к переходным; в утопии всегда велик (если не доминирует) элемент субъективной вероятности; в утопии позитивное и объективное необходимо подчинено ценностному: объектив-

но историческое в утопии выступает как исторически закономерно обусловленное содержание ее ценностные оснований; утопия никогда не может быть столь безликой, столь всеобщей и усредненной по форме постулирования своих идей, как строгая и объективная научная истина, как последовательный и строгий научный социальный прогноз: утопия обязательно органически неразрывно соединяет с объективно всеобщим сугубо индивидуальные черты своего автора, его эмоциональную уникальность. Все это – сродни пророчеству.

Однако утопия всегда более содержательна, всегда шире и гибче, чем породившая ее идеология. Любопытно, что, например, претендующая на строгую научность современная буржуазная прогностика в области долгосрочных социальных прогнозов ошибается глубже, настойчивее и грубее, чем известная часть (не все конечно) порожденных в системе буржуазного же мировоззрения утопий. Невольные признания буржуазной утопии зачастую невольно опровергают идеологические постулаты буржуазной же идеологии, высказанные в наукоподобной форме. Причем такого рода опровержения осуществляются зачастую против воли автора: очень плохо поддающаяся целенаправленному контролю и проверочным процедурам социальная интуиция здесь играет с автором злую шутку, выводя на всеобщее обозрение то, что сам за собой он не числит и не видит, но что объективный ход истории «контрабандой» подкинул ему в социальное самосознание через социальную практику и ее наблюдение.³²

Таковы некоторые парадоксы, порождаемые социальной интуицией в прогностической деятельности современной утопии.

³² Типичный пример серьезного и глубокого анализа такой ситуации мы находим в статье В.П. Шестакова «Социальная антиутопия Олдоса Хаксли – миф и реальность». Журн. «Новый мир». 1969. № 7.

Глава II

МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА

...Философы предпочитают пользоваться формулой «мыслю, следовательно, я человек», однако, именно воображение... скорее делает нас людьми, нежели мысль...

Жерар Мандель

...Ритм стихов переходит в ритм времени и поэтам куда легче понять язык будущего.

Илья Эренбург

...Здесь не мистика, а логика, но только логика более дерзкая, более дальнбойная, чем обычно.

Евгений Замятин

§ 1. Образная форма в утопическом сознании

...Высшая сила воображения... отбрасывает случайные и произвольные обстоятельства наличного бытия, выдвигает внутреннюю и существенную его сторону и придает ей образную форму.

Гегель

Поиски формы

Утопические представления в обществе существуют в самых различных формах. Являясь необходимым элементом мировоззрения, утопия влетает, проникает в той или иной мере во все формы общественного сознания, составляя их органический элемент. Однако лишь на определенных участках общественного сознания утопия концентрируется, приобретает самостоятельную форму, выступает в целом как утопия. Нас здесь как раз и интересует одна из главных форм обособления утопии – утопия в образной форме литературно-художественного произведения.

Историческое развитие утопии – это не только смена и вариации в содержании, но и поиски формы. Однако и эти поиски не бессистемны.

Синкретизм мышления в древнем мире, нерасчлененность мировоззрения и мироощущения, нерасчлененность словесных форм философского раздумья и образного повествования, и, самое главное – то, что утопическое сознание еще не обособилось в общей системе осмысления мира, – обуславливают такую же неопределенность, невыделенность литературной формы утопии. В средние века эта неопределенность формы утопии сохраняется: к образной форме тяготеют и официальные священные книги религиозных культов и народная утопия (в виде фольклора), и утопические идеи ученых людей (иногда в форме полухудожественных повествований, иногда – в виде богословского трактата или церковной проповеди).

Поэтому об атомной структуре физических тел – поэму, не только и столько выразившую эмоции человека по поводу атомистики, сколько

излагавшую саму суть теории микрочастиц, можно было написать только тогда, когда, во-первых, естествознание, философия и искусство были еще неразделимы, а во-вторых, когда знание об атомах было столь неполным, умозрительным и недоступным эксперименту, что оно вполне правомерно могло быть выражено в столь нестрогой форме. По аналогии можно сказать, что поэма Лукреция «О природе вещей» – своеобразная «физическая утопия» эпохи ранней зари науки физики.

Возрождение завершило процесс освобождения искусства от монополии религиозных форм. Этот же процесс происходит и с утопией: светские утопии эпохи зарождавшегося капитализма ищут свою, особую форму, способную вобрать в себя и ярко выразить как само содержание этих утопий, так и реализовать их пропагандистское назначение.

В «Утопии» Томаса Мора светская утопия эпохи зарождавшегося капитализма нашла, наконец, форму наиболее соответствующую ее содержанию: особую форму художественного произведения – полуромана-полутрактата. Наверное, еще и поэтому именно здесь родилось само родовое название утопии: произошло, как говорится, конституирование образа.

Несколько странная, особая форма художественности у утопических трактатов была замечена достаточно давно. Плодом этих наблюдений стали весьма любопытные термины «государственный роман» или «утопический роман». Формула построения такого «романа» внутренне противоречива – в ней соединены противоположные способы осмысления социального мира: логическая (научная) и образная (художественная). Но именно эта внутренняя противоречивость, органическая, но странная пограничность, и составляют, по нашему мнению, характерную для утопии и наиболее оптимальную для нее форму изложения.

Что собой представляет «Утопия» Томаса Мора и ее многочисленные традиционные аналогии до «Взгляда назад» Эдуарда Беллами и «Вестей ниоткуда» Уильяма Морриса? Ученый трактат, стройную систему логических аргументов? Что-то от этого здесь безусловно есть, но до научной строгости, хотя бы только по логической структуре, только по форме изложения, всем этим утопиям еще далеко. Да многие из них и вовсе совершенно неприкрыто претендуют прежде всего быть художественными произведениями. Так что, тогда они – обыкновенный роман? Но, увы, уж очень бросается в глаза несоответствие с точки зрения критериев эстетического, критериев художественности таких сосуществующих в одном историческом времени про-

изведений одинаково именуемых романами как «Утопия» Т. Мора и «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Путешествие в Икарию» Э. Кабэ и «Красное и черное» Стендаля.

Герой этого странного романа – обычно рассказчик, передающий нам «своими словами» от первого лица идеи автора. В самом лучшем случае (с точки зрения художественности) герой (или несколько героев) – довольно все же схематичная персонификация идеи романа, персонификация состояния общества как целого. Истинный герой такого романа – сама по себе идея, социальное устройство, социальная ситуация, но не сам по себе персонаж. А вместе с тем, – это все-таки роман: нам здесь скорее показывают в образах гипотетические миры, чем строго логически доказывают правомерность (или неправомочность) их существования, их организации, их внутреннего содержания, наконец, их реальной осуществимости.

Трудно подозревать авторов «государственных романов» в такой исключительной несамокритичности, чтобы они совершенно не осознавали художественной особенности (а может быть и слабости?..) своих творений. Трудно подозревать читателя в такой странной неразборчивости в чтении: столь несовершенные, казалось бы, в художественном отношении утопические («государственные») романы распространялись с быстротой и успехом, которым могли бы позавидовать и А. Дюма-отец и Вальтер Скотт. Более того, весьма любопытно, что те «государственные романы», где утопическая идея облекалась в очень уж хорошее художественное обличье, «растворялись» в психологии и приключениях героев, зачастую долгое время оставались нераспознанными в качестве утопий и котировались просто как занимательное чтение. Такая судьба постигла, например, в свое время «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, а позднее – «Таинственный остров» Жюль Верна и «Книгу Джунглей» (рассказы о Маугли) Редьярда Киплинга. Ситуация, как мы видим, была весьма парадоксальной.

Возникновение научной теории общественного развития – марксизма – привело (хотя и не сразу) к вполне четкому размежеванию по форме изложения социальных идей между литературной утопией и научной (или, во всяком случае, претендующей на научность) теорией. Появилось осознание того факта, что развитое и полное осознание общественным человеком своего места в истории должно носить форму научной теории. Теперь всякие обобщающие и универсальные

теории общества излагают, прежде всего, и главным образом, в строго логической, рациональной форме научного трактата. И, наоборот, какая-то часть социальных представлений, сразу задуманная в виде утопии, обнаруживает тенденцию обязательно воплотиться в художественной форме. Окончательное выделение социального прогнозирования в качестве самостоятельной науки еще крепче связало утопические гипотезы социального развития с художественно-литературной формой – с современной научной фантастикой.

Эмоции, информация и образность
--

Эмоции являются, как считают представители одного из перспективных направлений их изучения в современной психологии (см. работы П.В. Симонова), следствием неполноты информации о ком-то или чем-то, с чем / с кем мы входим в непосредственный контакт.

Общее отношение – позитивное или негативное – к этому явлению налицо, однако, уровень информации ниже, чем необходимо для последовательно и строго логически организованного действия, строго планомерной реакции. Реакция организма, получившего какую-то дозу информации, какой-то толчок извне, остается в основном скрытой внутри организма: реакция в силу неполноты информации лишена организующего начала. Действие же, если оно и имеет место, не носит характер планомерно ориентированного и управляемого.

Однако «неполноту информации» надо понимать не только в том смысле, что ее просто мало по количеству. Возможен – и тем более в социальной жизни – и такой вариант, когда самой по себе информации чрезвычайно много, однако, она остается аморфной, неопределенной, несистематизированной, неорганизованной. При всем видимом обилии социальной информации может быть (и в долгосрочных прогнозах обычно бывает), что существует последовательно логическое, строгое и точное представление о целом, т.е. фактически отсутствует код данной информации, ключ к ней. В этом случае целое может быть себе представлено только в виде образной, «действующей» модели, т.е. с помощью литературной утопии в облике научной фантастики.

Следует помнить, что вообще образное отражение мира характеризуется неполнотой информации: образ дает картину целого за счет потери (временного «опущения») какой-то части информации о соста-

ве, структуре, элементах объекта познания. Процесс синтеза целого из элементов необходимо сопровождается потерей какой-то части информации об элементах. Очевидно, поэтому образная информация всегда эмоциональна, всегда воздействует не только (а порой и не столько) на разум, на логическое восприятие, но прежде всего на чувства, обуславливая сопереживание с героем художественного, образного произведения.

Авторская идея, воплощенная в образную форму, персонифицированная и драматизированная, усваивается теми, кому она адресована лишь через сопереживание, лишь на основе этого сопереживания, на основе отождествления себя с героями произведения. Признание идеи художественного произведения носит форму сопереживания и идентификации с персонажем. Интуитивная готовность индивида воспринять ту или иную идею (причем эта готовность обусловлена социальным положением индивида, характером его социального самосознания и т.п.) встречается при восприятии такого произведения искусства с теми или иными персонажами, являющимися «живыми» носителями этой идеи, ее воплощением. Если это произведение вызвало сопереживание, отождествление читателя с героями, то оно достигло цели: передало идеи автора читателю. Прежде всего через эмоцию «вторая реальность» искусства получает общественное признание, становится «правдой жизни».

Принципиально важное значение имеет тот факт, относится ли наша оценка каких-либо представлений в качестве утопии к системе этих представлений в целом, либо только к их совершенно определенной и конкретной – «пограничной», как мы ее называли ранее, – части. Изложение какой-либо концепции в целом не может сейчас тяготеть непосредственно к образной, художественной форме. Образная форма тут всегда играет подчиненную (хотя и значительную) роль: она иллюстрирует идею, пропагандирует ее, «оживляет» и т.п. Однако основой остается рационально-логическая, наукообразная, по манере, доктринальная форма изложения.

Другое дело, когда характер утопии носят лишь «пограничные» гипотезы данной системы взглядов. Для них именно образная, художественная форма составляет наиболее типичную, наиболее соответствующую самой их сущности форму изложения.

Наука – это не только (а может быть и не столько) сама по себе дополнительная информация, но еще и особый способ организации этой информации. Можно сказать, что наука по степени жесткости

организации информации стоит на качественно более высоком уровне, чем искусство. А иной уровень – это качественно иные все системные свойства, а не только выборочно некоторые. Поэтому утопия, предметом рассмотрения которой является социальная гипотетическая вероятность с существенной неполнотой информации, вполне закономерно тяготеет именно к образной форме. Даже если это не «обычная», а особая форма образного воспроизведения реальности («государственный роман», например), в чем-то более близкая к науке по сравнению с так называемыми традиционными формами искусства, то и тогда это – в основном, в решающем все-таки искусство, а не наука.

Познавательные возможности искусства в области социального знания иной раз склонны недооценивать. Искусству отводится роль преимущественно популяризации или детализации «крупных» идей, пропаганды этих идей и т.п. Если и признают исследовательскую функцию искусства, то относят ее преимущественно к сфере социальной психологии. Однако, пожалуй, более правомерно предположить возможности и непосредственного самостоятельного исследования средствами искусства больших социальных (и собственно социологических и т.п.) проблем. У искусства здесь только должны быть выделены свои особые аспекты объекта исследования и соответствующие специфические методы такого исследования. При этом важно не только помнить отличие искусства от науки, но и в данной особой области социального знания выделить то общее, что объединяет, роднит искусство и науку.

**Образность утопии
как инструмент
исследования**

Можно вполне обоснованно утверждать, что в современной утопии мы находим реализацию исследовательской функции искусства, адекватную и по

форме и по содержанию.

Образная форма утопии обладает рядом свойств, позволяющих ей – и только ей! – исследовать некоторые социальные проблемы, недоступные другим формам исследования.

1. Утопия всегда опирается на интуитивное знание. Однако некоторая нестрогость этого знания (знания, где логическая нить отнюдь не непрерывна) в субъективном восприятии человека успешно восполняется эмоциональным впечатлением, которое обеспечивает образная форма. Образность и обусловленная ею эмоциональность восприятия служат своего рода компенсирующим фактором по отноше-

нию к неполноте знания. Именно там, где одна логика еще (или уже?) бессильна, образность, воздействуя на эмоции, позволяет дополнить, «скрыть» пробелы и «продолжить» аргументы логики.

2. Утопия как художественное произведение является специфической для социальной жизни, как целого, формой, во-первых, моделирования, во-вторых, экспериментирования. Фактически всякое художественное произведение содержит в себе и элементы моделирования социальных ситуаций и какие-то элементы социального экспериментирования (поскольку оно ставит действующих лиц в воображаемые, гипотетические ситуации, да и образы самих персонажей формирует по рецепту типического, т.е. с определенной дозой обобщения и воображения).

Конечно, художественное произведение, и в частности, утопический роман, – это лишь мысленный, воображаемый эксперимент. Однако специфика социальной жизни, имеющей «память», такова, что сколько-нибудь крупномасштабные (а тем более – глобальные) социальные изменения, как правило, в полном объеме необратимы. Кроме того, эти изменения не так уж легко претворить в жизнь, а любые эксперименты в области социальных отношений чаще всего представляют собой в конечном счете необратимые изменения судеб людей. Любая ошибка здесь может быть не только необратимой, но еще и привести к ужасным, трагическим последствиям. Поэтому единственно реальным методом многовариантного «экспериментирования», всегда доступным для мыслителя, единственно реальным методом предварительной проверки, предварительного сравнения и «проигрывания» вариантов глобальных социальных сдвигов (глобальных в том смысле, что изменения затрагивают не отдельные частные явления в социальной жизни, а всю или почти всю систему социальных отношений) может являться только мысленный, воображаемый, гипотетический «модельный» эксперимент. Этот мысленный, воображаемый эксперимент как раз и осуществляется с помощью системы художественных образов в литературно-художественном произведении. Конечно, мысленный эксперимент применяется широко и в естествознании. Но там он, как правило, сосуществует с практическим, «физическим» экспериментом. Здесь же мысленный эксперимент, моделирование гипотетических социальных ситуаций в образной форме является единственной возможностью проверки глобальных вариантов предполагаемых крупных социальных изменений.

Отдельные, частные стороны социальной жизни могут быть промоделированы и иными, более научными, путями: например, с помощью математических моделей. Частные стороны социальной жизни доступны и прямому экспериментированию на относительно небольших группах людей (хотя и здесь возможности прямого экспериментирования ограничены). Однако эксперименты глобального масштаба без неоднозначных необратимых социальных последствий пока возможны лишь в форме художественного произведения.

У подавляющего большинства современных утопических романов их внутренним содержанием как раз и является тот или иной гипотетический глобальный социальный эксперимент, модель принципиально гипотетически возможного вероятностного, вариантного социального изменения. Целостная, охватывающая общество в его главных чертах, художественная (т.е. приведенная в состояние «действия») модель гипотетического состояния и есть литературно-художественная утопия. Она имеет свою самостоятельную функцию в познании социального мира, выполняя либо функцию поиска какого-то другого пути развития общества, либо функцию проверки ряда вариантов возможного социального изменения.

3. Очень существенным основанием, предопределяющим развитие современной утопии предпочтительно в образной форме, является ее преобразующая, действенная направленность. Утопия – это сублимация исторического нетерпения. Утопия – не только умозрительная проверка варианта, не только доказательство правды, но и призыв к действию. Утопия, образно говоря, – это полководец, ищущий свою армию. Автор утопии **не может** не быть страстным пропагандистом и агитатором. Отсюда – поиски формы, которая, во-первых, была бы наиболее доступна и понятна широкой массе читателей, во-вторых, воздействовала бы не только на разум, но и на чувства, в-третьих, как всякая пропаганда, подавала бы пропагандируемую идею в выгодном свете, тем более, когда в обосновании этой идее еще пока закономерно имеются логические пробелы.

Характерно, что, например, почти целиком фурьеристская книга Этьена Кабэ «Путешествие в Икарию», имела несравненно больший успех, чем работы самого Шарля Фурье, весьма трудные для понимания даже специалиста.

Можно вспомнить и огромный (причем, именно пропагандистский) читательский успех «Взгляда назад» Эдуарда Беллами, тогда как пересказанные в его романе оригинальные труды мелкобуржуазных утопистов-социалистов XIX в. – в большинстве своем современников Беллами – были известны и доступны лишь весьма и весьма ограниченному кругу читателей.

Проигрывая в логической аргументации – причем, этот проигрыш во многом является вынужденным из-за необходимой неполноты интуитивного знания – автор утопии-романа всегда выигрывает в эмоциональном эффекте, выигрывает в массовости распространения своих взглядов, в их доступности, выигрывает, наконец, в собственно пропагандистской направленности. Вот почему даже безусловно уверенная в себе, в своих аргументах научная теория общественного развития (или, во всяком случае, теория безусловно претендующая на законченную научность с субъективной точки зрения ее творцов и сторонников) всегда находит своих адептов образности, готовых изложить целевые установки теории, и особенно ее «ударные» места – ее прогностические аспекты – в виде художественного произведения – утопического романа.

Надо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на неизбежное, вытекающее из самой природы утопии, наличие в ней элементов пропаганды, она ни в коем случае не может быть сведена только и исключительно к популяризации или к пропаганде. Художественная форма в ней также отнюдь не сводима только к поискам максимального пропагандистского эффекта. К сожалению, на практике мы здесь нередко сталкиваемся с непониманием этой казалось бы элементарной идеи не только многими литературными критиками (и не только литературными), но даже и некоторыми авторами самих утопий.

Социальная утопия в литературно-художественной форме выступает как перевод социальной философии и социологии с языка жрецов и посвященных на язык масс. Абстрактная идея здесь не просто популяризуется, но драматизируется: ее не изрекают в бесплотной, неосязаемой форме абстракции,³³ а разыгрывают в «драме идей». Персонажи в этой «драме идей» – лишь призраки, но их бес-

³³ «...Абстрактные объекты не имеют независимого онтологического существования наряду с реальными вещами, а являются лишь средством говорить о реальных вещах» (А.Т. Артюх. О природе абстрактных объектов и способах их построения. В кн.: Логика и методология науки. М.: Наука, 1967. С. 162).

плотность прикрыта одеждой, а дистанция между образом и зрителем не позволяет рукой, наощупь, установить пустоту под маской и хитомом. На подмостках сцены литературной утопии такого рода персонаж-призрак вполне успешно выполняет роли истинных персонажей – не только в идее, но и во плоти... Философский и социологический язык не только специалистов, а всех заинтересованных (т.е. практически просто всех), философский и социологический язык реальной жизни в ее полноте (а не только ее относительно узкой части – абстрактного теоретизирования) – вот что такое литературно-художественная утопия.³⁴

4. Иллюзорное, психологическое удовлетворение каких-то социальных потребностей с помощью утопии опять-таки необходимо требует художественной формы. Именно через художественную, образную форму воспроизведения какой-либо идеи можно обеспечить эффект идентификации, эффект сопереживания, на котором основано иллюзорное, умозрительное, чисто психологическое разрешение социального конфликта, иллюзорное, психологическое удовлетворение потребности в каком-то социальном изменении. Иллюзия всегда имеет в своем основании эмоцию. Психологическое удовлетворение потребностей может быть своеобразным «опережением истории», мобилизующим дух и волю людей на активные действия во имя какой-либо исторически прогрессивной идеи. Оно играет весьма важную роль в создании круга лиц, для которых эта идея будущего становится частью мировоззрения и мироощущения: иллюзорное присутствие в воображаемом идеальном и желательном социальном мире будущего создает стремление к практической быстрой реализации этого мира. Однако психологическое, иллюзорное удовлетворение какой-либо социальной потребности также может быть и своеобразным социальным наркотиком, подменяющим иллюзией, беспочвенной и бесплотной мечтой реальную жизнь и реальное действие, отвлекающим от реального действия. И та, и другая сторона иллюзорного, часто психологического

³⁴ Весьма характерно высказывание одного из опрошенных рабочих во время конкретно-социологического исследования проблем культуры, где один из вопросов выяснял отношение к научной фантастике: «...Фантастика – наиболее приемлемая форма изложения философских взглядов писателя на происходящее. В ней, как нигде, широки для философии рамки сюжета» (Слесарь-ремонтник Пермского нефтеперерабатывающего комбината им. XXIII съезда КПСС; из учительской семьи, образование среднее). Мат-лы лаб. социологии Пермского политехнического института; сектор культуры; исследование на ПНПК в 1965 г.

удовлетворения социальных потребностей неразрывно связана с литературно-художественной формой социальной утопии.

Образная форма несет в утопии, таким образом, всегда сложную и многостороннюю «нагрузку». Недооценка образной (и в первую очередь литературно-художественной) утопии как самостоятельного метода активного познания социального мира восходит к известной общей недооценке образного восприятия мира, получившей в наше время распространение в связи с искаженным преувеличением (и даже абсолютизацией, к которой особенно тяготеют все варианты позитивизма) роли науки в познании мира, в связи с непониманием диалектического единства рационального и образного восприятия в процессе познания.³⁵ Изменение роли одной из сторон познания влечет и развитие другой его стороны: сознание, также как и большинство социальных объектов носит системный характер.

Наука и искусство в социальных отношениях выясняют разные истины: разные по типу, по своему содержанию, по форме их постулирования, а не только по «отраслевой» принадлежности. У науки и искусства разные критерии истинности, и подход к различению этих критериев отнюдь еще не до конца уложился в общественном сознании. О причинах такого положения, связанных с методологией и навыком познания, мы уже сказали выше. Социальные же корни такого непонимания диалектического единства науки и искусства в познании мира и социальном самопознании мы видим в так называемой «воспроизводственной» жизни, в системе которой искусство приравнено лишь к развлечению и ему присвоен весьма низкий ранг в общей структуре познавательной деятельности.

Образная форма утопии не остается неизменной в историческом процессе. Меняется место, роль и содержание утопии в системе общественного сознания, меняется сама по себе художественная, образная система отражения и познания мира, меняется тип культуры, тип сознания личности, социальных классов, общества в целом... Литературно-художественная утопия, существуя в изменяющемся мире, изменяется вместе с ним и сама...

³⁵ См., например, кн. Славина А.В. Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971.

§ 2. От «Острова Утопии» до «Туманности Андромеды»

*...Не сти, не сти, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.*

Б. Пастернак

Фантастические образы утопических идей

Литературно-художественная утопия в наше время нашла образную форму, наиболее полно соответствующую ее сущности, в научной фантастике. Если обратить внимание прежде всего на роль современной научной фантастики в обществе, на родовые признаки ее литературной формы, мы неизбежно должны будем признавать ее генетическое родство с традиционным утопическим романом XVI-XVII вв., а также признать органическое единство современной социальной фантастики и современной утопии.

Научная фантастика конца XIX – начала XX вв. и возникла сразу с совершенно очевидными признаками законченной, полноценной современной утопии в своем содержании. Романы Жюль Верна и Г. Уэллса – типичные современные социальные утопии (хотя несколько различных направлений). В тех и других налицо все общие родовые признаки утопии: неполное, опирающееся на интуицию, знание, вариантность социальных или технических решений, выбор какого-либо варианта прежде всего с позиций ценностных суждений автора (т.к. не может быть безусловных логических доказательств в пользу того или иного варианта), единство прогностических и ретроспективных сторон основной идеи и т.д. В них (особенно у Г. Уэллса) налицо уже и новые характерные черты, к которым тяготеет именно современная утопия: единство позитивного и негативного в основной проблеме утопии, диалектические превращения идей, острый сюжет, органическое включение читателя в изображаемое действие и выработку оценок изображаемых вариантов социального бытия.

Традиционные формы утопического романа в XX в. оказались недостаточно емкими, чтобы во всей полноте отразить характер про-

исходящих революционных перемен в социальной жизни, их глубокую историческую противоречивость, их скачкообразный характер, их неравномерность. Не под силу оказались все эти перемены и фантастике «старого», доуэллсовского типа. Отображение современного революционного процесса общественного развития не могло ограничиваться только статичными, сюжетно спокойными, механистическими по своему восприятию идеи развития, традиционными утопиями или антиутопиями, только беллетризованными научно-техническими прогнозами, только чисто философской, очень условной и часто далекой от науки фантастикой. Соответствующим современной эпохе оказался синтез всех этих художественных форм осмысливания и переосмысливания качественно меняющегося мира в новом типе художественной литературы – в современной научной фантастике с ее главной и стержневой ветвью – фантастикой непосредственно социально философской, социально-утопической. Ее рационализм (даже там, где научный антураж по существу лишь формален и фантазия писателя уходит очень далеко от строгой научности), ее социологичность и философичность, ее способность органически соединять самую абстрактную социальную идею с конкретным и ярким художественным образом, ее ясно выраженный историзм (вплоть до таких формальных примеров, как свободное и быстрое перемещение по времени, как совмещение различных исторических времен в описываемом действии), ее способность соединять пока не соединяемое в жизни, убедительно создавать ситуации не только реально имевшие место, но и предполагаемые, гипотетичные и т.п. – все это оказалось наиболее подходящим для того, чтобы сделать современную научную фантастику «удобным» и гибким обликом современной утопии.

Современная научная фантастика представляет собой многоплановое явление. В ней есть и направление, тяготеющее к научной популяризации (хотя и не тождественное собственно популяризации), в ней и направление, тяготеющее к приключенческой и детективной литературе и др. Однако в целом современная фантастика представляет собой во всех своих проявлениях художественно-литературное воплощение современной утопии. Наиболее прямо и открыто идеи современной утопии выражает так называемая социально-философская фантастика. Но и всем другим ее видам в определенной мере и в определенной форме свойственны воплощения существенных сторон утопического сознания.

В истории утопии можно видеть, что найденные в прошлом формы не просто отрицались и отбрасывались, а на их базе возникали или проявлялись, выдвигались новые ее типы, новые направления. Иногда они вбирали в себя предшествующие формы, иногда – вписывались в них, иногда попросту сосуществовали с ними. Как правило, имело место не столько простое отрицание прошлых типов утопии, сколько совмещение, наложение и в содержании, и в форме ее исторических вариантов. Но вместе с тем возникали и качественно новые требования к литературной утопии.

Современное сознание, с одной стороны, гораздо более рационалистично, чем прежде, качественно возрос уровень знания, расширился кругозор широких масс людей. Система аргументов литературной утопии должна быть, соответственно, либо более весомой, что, кстати сказать, вынужденно стимулирует более узкую специализацию произведений современной утопии: такие глобальные утопии, как у Мора, Кампанеллы, Кабэ, Беллами, теперь относительно редки. Неполнота аргументации необходимо должна быть компенсирована в гораздо большей степени, чем прежде, более высоким эмоциональным воздействием утопии. Современная утопия не только более узко специализирована, но она необходимо все в большей степени подчиняется специфическим требованиям художественного творчества. Современная утопия не просто тяготеет к форме романа, но и по своему художественному уровню в гораздо более высокой степени является романом, чем традиционная. Обогащая и углубляя свою идейную сущность, все более основательно черпая свою аргументацию в современном научном социальном знании, современная литературная утопия все в большей степени развивает и свою эстетическую форму. Размежевание между идеей в форме научного постулата и утопическим романом становится все более и более глубоким. Вот почему современная утопия в облике современного научно-фантастического романа так непохожа по своей литературной форме не только на «Утопию» Мора, но и на «Взгляд назад» Беллами.

С другой стороны, XX век настолько ускорил темп жизни, настолько увеличил смену жизненных впечатлений и житейских обстоятельств, настолько расширил информацию о мире, поступающую по самым различным каналам массовой коммуникации к индивиду, что у современного человека произошло неизбежное повышение порога

эмоциональной восприимчивости. Современная утопия, чтобы произвести эмоциональное впечатление, должна также и из этих соображений гораздо больше уделять внимания своей эстетической форме, чем ее предшественницы, – утопии прежних веков.

Наконец, есть и еще одно немаловажное обстоятельство, существенно стимулировавшее становление органического единства современной утопии и современной научной фантастики.

Утопия класса и утопия индивида
--

В связи с проблемой иллюзорного, психологического удовлетворения литературной утопией каких-то социальных потребностей в условиях нашего времени особенно остро проявилось такое явление в системе утопического сознания, которое по его сущности правильнее всего было бы назвать «индивидуальной утопией». (Возможно, что это – не самый удачный термин, но другого пока нет. Реальное его содержание мы раскрываем ниже.)

Традиционная утопия Мора и Кампанеллы была, если так можно выразиться, прежде всего утопией класса, слоя (сами авторы относили ее к обществу в целом), но лишь в минимальной степени – утопией индивида, отдельной личности. Общественное положение индивида было весьма и весьма жестко регламентировано, причем регламентация носила прямой характер и была освящена именем сверхъестественного существа – именем бога. Религиозное мировоззрение само по себе предоставляло человеку относительную (и тоже весьма малую) свободу действия лишь в нравственной сфере (выбор: угодное богу или угодное дьяволу). Против сословной структуры общества отдельный индивид был практически бессилен и его положение здесь было раз и практически навсегда предопределено самим рождением. (Не случайно и в народных бунтах, и в борьбе группировок и клик наиболее типичное внешнее обличие лидера – или самозванец или религиозный реформатор: надо было либо показать свою принадлежность к «властвующему» сословию, либо реформировать саму «систему отсчета».) Утопия в этих условиях призвана была прежде всего дать программу и вызвать общее изменение социальных отношений, тем более, что считалось вполне возможным такие изменения осуществлять чисто волевым актом и в самые минимальные исторические сроки: можно сказать мгновенно. Менее всего эта утопия предназначалась

для иллюзорной самореализации индивида, для того, чтобы дать ему возможность умозрительного, иллюзорного перевоплощения в утопический персонаж.

В условиях современности положение качественно меняется. С одной стороны, идея закономерного развития общества становится сейчас все более массовой и тривиальной (как бы различно не трактовалась сама суть этой закономерности). Поэтому социальная утопия (тем более вообще оттесненная, как мы уже отмечали выше, преимущественно в область долгосрочных прогнозов или вообще оценочных по идее моделей гипотетических ситуаций), описывающая изменения общества в целом, воспринимается индивидом скорее как умозрительная перспектива: будущее зависит от него, создается им, но предназначено не для него – как правило, историческая перспектива далеко выходит за пределы индивидуальной жизни. С другой стороны, качественно возросла вариативность самой индивидуальной жизни, реальные или кажущиеся (но формально не противоречащие укладу жизни) возможности индивида в современных условиях выглядят неограниченными.

Литературная утопия выступает в этих условиях как двуединое средство: один ее аспект – общественная перспектива, оценка тенденций общественного развития и т.п., другой – иллюзорное удовлетворение потребности индивида в самореализации на основе его формальных потенциальных возможностей. Противоречие между неограниченностью формальных возможностей индивида и весьма высокой и жесткой их реальной ограниченностью постепенно, медленно и трудно разрешается реальным развитием общества (речь может идти о качественных революционных преобразованиях) и очень быстро, легко, увлекательно и красиво разрешается иллюзорно средствами «индивидуальной утопии». Современная литературная утопия необходимо сочетает в себе оба аспекта – адресованный обществу и адресованный индивиду. И так как усвоение индивидом утопического подтекста произведения может произойти только и исключительно через сопереживание с образами этой утопии, через отождествление читателя с персонажами произведения, через мысленно включение читателя в действие и гипотетическую ситуацию, описываемую в литературно-художественной утопии,³⁶ то соб-

³⁶ «Людям доставляет такое наслаждение видеть на сцене человека, который делает то, чего они не решаются сделать в жизни» (Макс Фиш. Дон Жуан или любовь к геометрии. М.: Искусство, 1967. С. 76).

ственно литературно-художественные требования к современной утопии неизбежно возрастают. При всей специфике метода построения своих образов, специфике соотношения идей произведения, его сюжета и его персонажей, специфике поэтики литературно-художественной утопии, она должна – не может не быть – полноценным художественным произведением, явлением прежде всего искусства.

Так называемая утопия индивида существенно отличается от утопии класса, социального слоя или группы. Позитивная утопия индивида – его идеализированные представления о самом себе, об условиях своего положения и жизни в обществе, развитые вплоть до создания идеализированных иллюзорных миров; негативная – преувеличение и аллегории для себя лично в своем собственном социальном бытии. В какой-то мере – как и всякая утопия – эти представления исходят из реального бытия и отражают его. Они содержат в себе зерна истины, зерна прозорливого прогноза, но в существенной и значительной мере являются фантазиями, дающими лишь иллюзорное, фантастическое ощущение удовлетворения какой-либо внутренней потребности социального бытия индивида. Однако даже и рациональное в такой утопии всегда выступает в превращенном (а то и прямо фантастическом) виде.

Содержание этой утопии индивида обусловлено его классовым, групповым и собственно индивидуальным положением в обществе, его мировоззрением, общим характером и индивидуальными особенностями социализации и т.п. Здесь относительно утопического сознания индивида действует общая формула о бытии, определяющем сознание, хотя действие этой формулы в процедуре объективного обусловливания утопического сознания индивида имеет свои весьма специфические особенности.

Отдельному человеку свойственна как причастность к утопии своего класса, своей социальной группы, так и наличие своей сугубо индивидуальной утопии, отражающей, с одной стороны, его принадлежность к данному классу, слою, группе, а с другой – его индивидуальное особое положение в системе своего класса, своей социальной группы, а также особенности его мировоззрения, особенности его конкретной индивидуальности.

**Фантастическое «Я»
индивида и
литературная утопия**

В психологической структуре личности индивидуальная утопия служит средством умозрительной иллюзорной реализации того представления индивида о себе, которое М. Розенберг, американский психолог и социолог, назвал фантастическим «Я» (т.е. образом такой личности, какой индивид хотел бы быть, если бы все было возможно).³⁷ Конкретные формы, в которых стремится воплотиться этот образ, как раз и обуславливаются прежде всего социальным самосознанием личности, ее общественными идеалами, ее мировоззрением.

Элементы индивидуальной утопии развиты в искусстве в целом, во всех его формах. Помимо познавательной и других своих функций искусство (и литература, в частности) через систему сопереживания и идентификации со своими персонажами формирует фантастическое «Я», насыщает потребность в его реализации системой образов-эталонов, отождествление с которыми соответствует ценностям, идеалам и социальным представлениям данного человека. Формирование позитивного идеала данного индивида (каким бы реально этот идеал ни был), идет в значительной степени через отождествление самого себя с образом-эталоном для фантастического «Я», созданным с помощью искусства.

Во всех своих видах, типах и жанрах художественная литература имеет прямое отношение к формированию образов-эталонов для фантастического «Я». Однако особенно сконцентрирована эта функция в так называемой «литературе действия»: мемуарах, документальной прозе, приключениях, детективе, некоторых ветвях фантастики. Последнюю – так называемую приключенческую и детективную фантастику – надо здесь выделить особо.

Каждому типу общества, каждому классу свойственны свои основные варианты, свои типичные и особые по содержанию индивидуальные утопии. Классовый антагонизм, коренная противоположность буржуазной и социалистической культуры в полной мере отразились и в сфере индивидуальных утопий. Каждому человеку свойственна потребность в индивидуальной утопии, но реализуется она по-разному в соответствии со всеми базовыми различиями его места, роли и поведения в обществе, различиями его мировоззренческих позиций, на

³⁷ См.: Кон И.О. Социология личности. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 65.

которые, наконец, потом накладываются в известной форме и его собственно индивидуальные черты.

Индивидуалисту, стоящему на позициях любого из вариантов собственно буржуазного мировоззрения, представляющему на современном капиталистическом Западе тот социальный тип, который печать обычно именует «маленьким человеком», нужна, например, не «коллективистская» традиционная утопия того или иного исторического социального класса в целом с ее глобальными социальными проблемами, а преимущественно утопия только для одного человека, утопия замкнутого в себе одиночки. Его неразвитому уму не нужна слишком сложная, абстрактная и непонятная утопия людей (а тем более, диалектических идей). Его потребность – элементарная утопия действия, поступка, утопия понятых ему и обычных для его мира, для его кругозора самых простых форм жизнедеятельности.

Литературный вариант утопии «маленького человека» буржуазного мира возник не на пустом месте. Герои фольклорных и полужанровых произведений, послужившие прямыми предшественниками героев такой литературно оформленной утопии «маленького человека», обладали пудовыми кулаками, верным глазом и молниеносной реакцией, могли пить, не пьянея, были неотразимы для женщин и т.п. Литературный вариант этой утопии лишь подхватил идеи фольклора пивных, задних дворов и подъездов доходных домов, подворотен большого города и возвратил эти же идеи обратно в перелицованном и приукрашенном, фантастическом виде их первооткрывателю и носителю – «маленькому человеку», – но уже в новой литературной форме «массового» фантастического романа.

Утопии Уэллса, Беллами, Бульвер-Литтона, Степльдона, Бредбери, Саймака, Буля, Шекли для такого читателя мало пригодны. Во-первых, это (при всех их различиях по классовой принадлежности и идейной направленности) – «коллективистские», если так можно выразиться, утопии, т.к. в них речь идет о судьбах общества в целом, класса в целом, о вариантности социального процесса в целом, тогда как наш маленький искатель своей собственной утопии – закоренелый солипсист, вполне убежденный в своей аполитичности. Во-вторых, это и по форме уж слишком сложные и слишком абстрактные утопии для неразвитого социального самосознания потребителя и адепта «массовой культуры», являющегося в том числе и

через индивидуальную утопию объектом идеологического манипулирования в буржуазном мире.

Высокая культура нашла родоначальников своей Новой Утопии в лице Ж. Верна, Г. Уэллса, «массовая» – в лице Э.Р. Берроуза и с ним иже. Ибо так называемые «космическая опера», «жукоглазые», «сумасшедший ученый» и вся подобная остальная, примыкавшая к ним и продолжающая эту линию сейчас, фантастика, по нашему мнению, по своей идейной сущности является ни чем иным, как достаточно точным и полным литературным воплощением утопии «маленького человека».

Люди, находящиеся в сфере буржуазной «массовой культуры», как правило, не осмысливают процессов социальной динамики в целом, поскольку не в состоянии это сделать по объективному уровню своего развития. По своей идеологической функции буржуазная «массовая культура», в свою очередь, активно старается увести их подальше от попыток анализа глобальных социальных проблем, т.к. видит в этом опасный для себя путь к идеям несостоятельности буржуазного строя. «Натуральный» эгоцентризм «маленького человека», порожденный его социальным положением в буржуазном обществе и социальным самосознанием, соответствующим этому положению, дополняется и подкрепляется здесь индивидуалистической ориентацией собственно буржуазной культуры в целом – во всех ее вариантах.

В свое время Антонио Грамши, анализируя истоки современной массовой культуры, показал, что увлечение необыкновенными приключениями и т.п. героя так называемой «народной литературы» связано не со стабильностью жизни «маленького человека», а, наоборот, с ее неустойчивостью.³⁸ Индивидуалистская утопия массовой культуры, нашедшая себя исторически прежде всего в «космической опере», как раз и создает образ человека, который именно в этой зыбкой обстановке чувствует себя уверенно и спокойно, – в противовес реальному мироощущению своего читателя. Во всех своих духовных личностных качествах копирующий «маленького человека», но при этом – типичный супермен, весело и победно шествующий через гипертрофированную в обстановке космоса авантюренность повседневного

³⁸ «...Большинство людей страдают именно от того, что человечество одержимо навязчивой идеей о «неизвестности завтрашнего дня», страдает от ненадежности своей обыденной жизни, то есть от чрезмерно больших возможностей для авантур» (Грамши А. Указ. соч. Т. III. С. 534).

бытия – вот герой и персонификация утопии «маленького человека». Социальные устои буржуазного общества здесь незыблемы, – но тем авантюрнее повседневная жизнь и тем очевиднее удачливость (с точки зрения критериев того же буржуазного общества) ее героя.

Потребитель утопии «маленького человека» весьма безразлично относится к ее литературным достоинствам этого вида массовой культуры. Подчеркнем, что самоценность эстетического вообще не воспринимается (или почти не воспринимается) на уровне массовой культуры. Искусство в ее сфере отнюдь не относится к главным формам человеческого бытия. В человеческой жизнедеятельности оно рассматривается лишь в качестве второстепенного явления, предназначенного для развлечения или отдыха. В литературе и других видах искусства в сфере массовой культуры эстетическая форма целиком подчинена содержанию, растворена в нем. Кроме того, в утопии, по самой ее сущности и на любом уровне культуры, на первом плане находится непосредственно сама идея, а герой, персонаж утопического художественного произведения рассматривается только как носитель и воплощение этой утопической идеи. Поэтому в утопии «маленького человека» приоритет идеи зачастую доводится уже до полного абсурда, до почти полного пренебрежения художественностью. Герой здесь вообще свободно и охотно отделяется от своей литературной почвы и приобретает иллюзорную самостоятельность, иллюзорную реальность.³⁹

К сожалению, социология литературы и литературная критика, в свое время, как нам кажется, не сумели в полной мере оценить «космическую оперу», «жукоглазых», серию «сумасшедшего ученого», современные варианты этого рода фантастики как специфические формы утопии. Отсюда вытекает и известное недопонимание природы массового успеха этих видов научной фантастики при их крайней литературной неприглядности. Делались даже попытки эту литературную неприглядность объявить всеобщим нормальным свойством вообще всякой научной фантастики (так же как и детектива), что, в связи с быстрым ростом

³⁹ «...Герои произведений народной литературы, войдя в сферу интеллектуальной жизни народа, отрываются от своих «литературных корней» и приобретают значение исторического персонажа» (Там же. С. 546). И далее А. Грамши подробно анализирует как этот эффект получает свое развитие в неослабевающем интересе такого рода читателей к бесконечным продолжениям завоевавшего популярность романа, в интересе к семье героя и т.п. – вплоть до смерти самого героя и его ближайших родственников. Литературный герой здесь отождествляется с реально живущими людьми.

популярности фантастики порождало (а до известной степени и сегодня еще порождает) закономерное беспокойство о судьбах литературы.

Мутный поток лихих приключений в космосе и на других планетах, сексуальных авантюр с обитателями и обитательницами всех возможных миров, извечных коллизий супермена-сыщика и злодея-недочеловека, шпионажа, войн и грабежей в масштабах Галактик и т.п. – все это буржуазная фантастика с воистину «космическим» размахом выливает на голову такого «маленького человека» – потребителя массовой утопии. Было бы ошибочно недооценивать роль этой литературы в формировании индивидуализма, культа грубой силы, культа бездуховности, безмыслия и жестокости.⁴⁰

В противоположность этому для читателя, стоящего на позициях социалистического мировоззрения, как правило, характерна тенденция сближения и даже отождествления героев «коллективистской» утопии и «индивидуальной» утопии. Герои «Туманности Андромеды» И.А. Ефремова, «Трудно быть богом», «Возвращения», «Стажеров» А. и Б. Стругацких, «Плеска звездных морей» Е. Войскунского и И. Лукодянова, многих произведений Ст. Лема и др. не только олицетворяют собой и персонифицируют значительные, позитивно расцениваемые читателем гипотетические социальные сдвиги, значительные социальные проблемы, но и выступают в качестве образов-эталонов для фантастического «Я» своих читателей. Диалектическое неантагонистическое единство общественного и личного в социалистическом мировоззрении, органический коллективизм собственно социалистического сознания сводят к минимуму эффект расхождения социальной («коллективистской») и «индивидуальной» утопий.

Сам образ-эталон фантастического «Я» наделен здесь принципиально иными качествами: ему свойственны высокий гуманизм, чувство товарищества и коллективизма, глубокое уважение к знанию, к творчеству, критическое отношение к догматическому строю мышления и умение самостоятельно ориентироваться в социальных коллизиях, самостоятельно выработать критерии оценки окружающего мира и т.п. Воспитательная функция такого образа-эталона в литературной утопии социалистического направления прямо про-

⁴⁰ Об этом же явлении на примерах зарубежного кино, на примерах детектива (и в особенности серии приключений Джеймса Бонда) пишет М. Туровская в книге «Герои «безгеройного времени» (М.: Искусство, 1971).

тивоположна его антиподу в буржуазной индивидуалистической утопии «маленького человека».

Надо, однако, отметить, что и в литературной утопии социалистического направления порой появляются произведения, схематизирующие и упрощающие (вплоть до явного и очевидного оглупления) своего героя. Читателю навязывают по сути дела тот же образ бездумного бодрого робота-супермена, только выкрашенного не в черно-коричневую, а в розовую краску. Здесь налицо, фактически, та же индивидуалистская, мелкобуржуазная психология личности, которую авторы, однако, пытаются как-то совместить с социалистическим мировоззрением.

Творцы утопического псевдосоциалистического супермена не понимают того, что смена социальных систем, смена капитализма социализмом не сводится к тому, чтобы один знак перед комплексом свойств целей и идеалов бодрого супермена чисто механически сменил другой: буржуазный супермен – знак минус, социалистический (лишь в представлении автора, ибо на самом деле он лишь псевдосоциалистический) супермен – знак плюс. В ходе смены одного строя другим должна фактически неизбежно измениться и сама сущность человека: критерии оценки его личностных качеств и его поступков, характер и смысл его жизнедеятельности, мотивации и цели его поведения. Авторы и творцы псевдосоциалистического супермена не понимают того, что сам культ сверхчеловека по природе своей чужд коммунистическому мировоззрению, как это неоднократно подчеркивали К. Маркс и В.И. Ленин; что все словесные филиппики творцов такого псевдосоциалистического супермена против мещанства находятся в антагонизме с внутренней «мещанностью» их собственного литературного героя. Стремление создать антикапиталистически направленную индивидуальную утопию здесь очевидно, однако, сами средства идеологической борьбы с капитализмом заимствованы в его же собственном арсенале.⁴¹

Мы видим, таким образом, что становление современной литературной формы утопии – научно-фантастического романа, повести, рассказа, быстро растущая популярность этого вида литературы имеет свои

⁴¹ Что касается применения в борьбе с буржуазией (включая и идеологическую борьбу) ее же приемов и методов, то В.И. Ленин весьма четко говорил об этом еще в самом начале своей революционной деятельности: «...Отличительная и основная черта мелкого буржуа – воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества» («Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». ПСС. Т. I. С. 462).

глубокие корни в социальных процессах современности. Здесь налицо влияние и многих других факторов, однако, в основе всего в конечном счете лежит процесс развития материального производства, современная научно-техническая революция и обусловленные ею революционные сдвиги в социальных отношениях, культуре, сознании.

Новая (современная) литературная утопия оказалась, в конечном счете, весьма существенно отличающейся от утопии «старой», традиционной по целому ряду своих сущностных и формальных свойств. Эти новые свойства распределены в ее произведениях весьма неравномерно. В прогрессивной, по своим социально-классовым позициям, утопии элементов нового заметно больше. Однако и здесь мы встречаемся со следами прямого наследия утопии традиционной. В утопии буржуазной, консервативной тяготение к формам традиционной утопии более заметно и ощутимо. Однако и она не осталась абсолютно невосприимчивой к урокам истории.

Отметим кратко некоторые наиболее характерные свойства новой (современной) литературной утопии.

Человек постоянно и неизбежно изменяется с изменением условий своей жизни: меняется не только социальный строй жизни, не только быт, не только темп жизни и т.п. – меняется смысл социального действия, смысл жизни, меняются цели, меняются ценности. Рассматривая изменения общественных условий, какие-то гипотетические варианты общественного устройства и т.п., современная литературная утопия не может подходить к этой предполагаемой жизни только с точки зрения современного человека. Изменившейся реальности должен соответствовать и изменившийся человек.

Освоение этой идеи чрезвычайно раздвинуло границы утопии, однако, оно породило для нее и огромные трудности: перед современной утопией встала проблема критериев оценки предполагаемого ею того или иного гипотетического мира. Понятия Добра и Зла, Хорошего и Плохого, Нравственного и Безнравственного оказались текучими, подвижными – вплоть до взаимного диалектического перехода в свою противоположность. Отсюда – тот повышенный интерес, который современная литературная утопия проявляет к «вечным» вопросам о смысле жизни, о смысле деятельности, о смысле нравственности и т.п.

Современная прогрессивная литературная утопия, как правило, в той или иной форме усваивает идею развития, идею истории как

внутренне противоречивого процесса: детерминированного и индетерминированного, закономерного и вариантного – одновременно. Все в меньшей степени современная прогрессивная литературная утопия умозрительно строит целостные неподвижные идиллические миры и во все большей степени занимается конструированием и сравнением возможных вариантов социального развития.

Это отнюдь не облегчило участь современной литературной утопии, – ибо она в каждом отдельном случае неизбежно должна выбрать, должна предложить нам какой-то один вариант. Причем далеко не всегда сам автор уверенно может выбрать то или другое решение: зачастую читателю приходится самому решать эту главную проблему утопии вместо автора. Сама по себе проблематичность системы оценок – стала сегодня одной из излюбленных тем Новой Утопии.

Какое-то состояние общества, осуществления которого может добиваться человечество, является целью только до тех пор, пока оно не реализовано. Как только цель стала реальностью, мы сталкиваемся с тем, что перед нами диалектический процесс развития данного нового состояния, а не застывшее, покоящееся идеальное совершенство, служившее ранее целью человеческой деятельности. Современная литературная утопия рисует нам чаще всего не конечные состояния, не финал истории, а лишь какой-то момент ее бесконечного движения. Естественное свойство традиционной утопии – ее фотографическая статичность⁴² – пришло в конфликт с необходимостью выражения динамического состояния любого, самого идеального с сегодняшней точки зрения, общественного устройства.

Современной литературной утопии, не только в ее консервативном, но и в ее прогрессивном варианте пришлось отказаться от традиционной для себя односторонней абсолютизации идеи прогресса. Если буржуазная консервативная утопия пришла при этом к полному отрицанию правомерности прогресса, то прогрессивная утопия вынуждена теперь его трактовать как явление относительное, противоречивое, способное легко превратиться в свою противоположность. Современная прогрессивная литературная утопия столкнулась с необходимостью органически усвоить и отразить эту диалектику абсолютного и относительного в понятии прогресса, диалектическую игру и теку-

честь его критериев. Современной литературной утопии (и особенно ее прогрессивному направлению) пришлось отказаться от былой аксиоматичности, от характеристики каких-то своих главных посылок в качестве «священных», незыблемых, необсуждаемых. В современной утопии все подвижно, изменчиво, все нуждается в доказательствах, и даже идеалы ее выступают в качестве обычных и обыденных явлений, подлежащих и оценке, и критике.

Как общий строй современной утопии, так и в особенности это последнее обстоятельство, качественно сократили в современной литературной утопии дистанцию между читателем и автором, весьма значительную в утопии «старой», традиционной, втянули читателя в процесс разрешения поставленных утопией проблем, сделав совершенно невозможной даже видимость стороннего наблюдения и незаинтересованного выбора со стороны читателя. Современная литературная утопия попросту не существует без самого интенсивного сопереживания читателя с ее идеями и персонажами.

Таким образом, именно усвоение идеи диалектики, причем реальной диалектики общественного состояния и развития, создало современную прогрессивную литературную утопию – в отличие от буржуазной консервативной утопии. Идиллический застывший мир старой утопии разрушился – противоречивость развития должна была найти отражение в прогрессивной литературной утопии, должна была проникнуть в самое ее нутро: в круг изображаемых ею вариантов человеческого бытия, в круг ее идей, ценностей и идеалов, перекроив при этом и ее литературную форму. Весьма характерно в отношении формы, что современная литературная утопия, как правило, еще и остросюжетна. Однако не столько приключения ее героев, ее персонажей самих по себе, а диалектические приключения ее главных идей, воплощенные в данных персонажах, образуют сюжетную основу современной утопии.⁴³

Весьма любопытные и в известной мере парадоксальные изменения претерпела литературно-художественная форма утопии в наше время в связи с выделением и обособлением самостоятельной функции «утопии индивида».

⁴² «...Утопия – всегда статична, утопия – всегда описание» (Замятин Евг. Герберт Уэллс, Петроград: Эпоха, 1922. С. 43).

⁴³ «...Приключения развивающегося интеллекта относятся к числу самых острых, полнокровных приключений» (Лем Ст. Журн. «Техника – молодежи». 1971. № 1. С. 47).

В современной литературно-художественной утопии фантастическое «Я» индивида обрело для себя созданный профессиональным писательским воображением, проверенный массовым тиражом на популярность, на общепризнанность, эталон для иллюзий, осуществляемой в самых сокровенных местах самореализации. Общая грамотность, доступность дешевых изданий (плюс к этому – качественный скачок в развитии средств массовой коммуникации вообще), общее для современных городов, условий труда и отдыха оттеснение интимного в жизни «вглубь» человека – в его психику, по преимуществу способствовали тому, что эталоны для «индивидуальной утопии» стали производиться столь же поточным и массовым способом, как бритвенные лезвия, носки, автомобили, моющие средства...

Если в «государственном романе» вполне достаточно было предложить читателю привлекательную идею, то в современной литературной утопии оказалось необходимым дополнить эту идею, воплотить ее в достаточно привлекательный (или, соответственно, отталкивающий) образ, персонаж. Для «государственного романа» это было бы излишеством: утопия адресовалась обществу, классу, социальному слою, но не индивиду. Читатель как индивидуальность не интересовал здесь автора утопий: он был лишь частичкой адресата. Для современной же литературно-художественной утопии читатель представляет собой и частичку коллективного адресата (класса, социальной группы и т.п.) и цельного индивидуального потребителя своей лично «индивидуальной утопии». А потому последняя является сейчас необходимой и неотъемлемой частью «утопии социальной». В современной литературной утопии прямой приоритет идеи еще остается ее характерным свойством, однако, при этом роль персонажа, роль литературного героя, образа для усвоения этой идеи, для достижения согласия с ней качественно возросла.

Это и является одной из главных предпосылок эволюции «государственного романа» в современную литературно-художественную утопию – научно-фантастические произведения (роман, повесть, рассказ).

Реализм в литературной утопии и утопическое в реализме

Утопия, конечно, может быть выражена в литературно-художественной форме не только в научной фантастике, но и в форме обычного «реалистического» произ-

ведения. Однако, одно дело – наличие каких-то утопических идей, более или менее поднятых в данном реалистическом произведении, и совсем другое – современная утопия, как внутренний смысл, центральная идея всякого собственно научно-фантастического произведения.

Достаточно большой и весомый груз утопических элементов несет в себе, например, такого рода реалистическое произведение, как известный в свое время роман С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды». Утопизм его состоит не в описании каких-то конкретных житейских ситуаций, не в отборе каких-то персонажей и их черт. Сами по себе все эти элементы повествования могут быть названы реалистическими. Утопией здесь является попытка исключительные обстоятельства и героические персонажи представить в виде повседневных и обыденных, безусловно и безоговорочно частное для описываемого социального времени представить в виде типичного, массовидного. Представленное в виде героического, исключительного, частного оно могло бы играть роль мобилизующего примера (к чему и стремится социалистический реализм), но его изображение в виде обыденного, повседневного, всеобщего способно лишь воплощать иллюзорно снятое жизненное противоречие, т.е. играть роль (точнее одну из ролей) социальной утопии, фактически ею не являясь по своим собственно литературным критериям.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – не утопия, сколько бы не было в нем иносказаний, фантастики, философии. Смысл и суть романа М.А. Булгакова – отображение реально существующего, осмысление конкретного путем сведения его к обобщенно-абстрактному, сопоставления его с воображаемым и обобщенно-абстрактным, осмысление преходящего путем сведения его к условно и воображаемо вечному, сопоставления с этим вечным. Философский ли это роман? Да, конечно. Утопический? Нет, ни в коем случае. Миры этого романа фантастичны, но они заведомо условны, они не являются и не могут явиться вероятностными вариантами действительного мира. История у Булгакова пересмысливается, но не перестраивается. Фантазия автора вызывает из тьмы веков псевдоисторическую параллель для оценки и осмысления реальности, но она не создает какого-то нового, иного, воображаемо-реального мира для ретроспективной оценки действительно существующего. Булгаков не прогнозирует, не проектирует, а лишь интерпре-

тирует, тогда как утопия (даже если она оглядывается на прошлое) – всегда описывает вероятностный «проект».

Все это, конечно, не противоречит наличию каких-то (и немалых) элементов утопизма и в романе Булгакова, занимающих в нем, однако, в конечном счете, безусловно, второстепенные позиции.

Другое дело – скажем, Алексей Толстой с его «Аэлитой» и «Гиперболоидом инженера Гарина». (Причем различие самой личности А.Н. Толстого и личностных качеств М.А. Булгакова здесь ничего не объясняет.)

Идея «Аэлиты» – это по сути и по происхождению своему идея литературной утопии. Перед нами размышления писателя о том, насколько неотвратима революция, насколько можно и насколько нельзя уйти от нее индивиду – даже когда очень хочется уйти; насколько трудна революция для тех (для целого социального слоя, который представляет инженер Лось), кто, принимая ее умом, соглашаясь с ней в умозрительном плане, долго не может воспринять ее как «свое дело», как часть своей собственной личности. И изощренность фантазии А. Толстого во внешнем облике романа, и детективная острота его сюжета свидетельствуют главным образом о том, насколько не просты были по своей сущности идеи «Аэлиты» для самого ее автора, насколько глубоко он хотел спрятать их в форму утопии – спрятать, может быть, в какой-то мере и от самого себя.

«Гиперболоид инженера Гарина» (особенно в его первом варианте, напечатанном в журнале «Красная Новь» за 1925 и 1926 гг.) – осмысление средствами утопии самой сути только поднимавшегося тогда фашизма, его социальной демагогии, его политических средств и методов, его деления людей на «сверхчеловеков» и «недочеловеков-унтерменшей»/... Кредо Гарина («Красная Новь», 1926, № 8, с. 90-91) можно было бы принять за пародирование «Майн кампф», если бы... «Майн кампф» не появилась в свет одновременно с «Гиперболоидом инженера Гарина» (1-ая часть «Майн Кампф» в 1925 г., 2-ая – в 1926 г.). Духовное родство индивидуализма и фашизма раскрыто в «Гиперболоиде инженера Гарина» с высокой степенью убедительности. Квалифицируя взгляды Гарина, Шельга совершенно точно формулирует: «...фашистский утопизм...» (там же, с. 91).

В «Аэлите» гипотетический, «параллельный» Земле мир воображаемого Марса служил эталоном для ретроспективной оценки, для

переосмысливания недавнего и не переставшего быть актуальным прошлого: социалистической революции в России. В «Гиперболоиде инженера Гарина» гипотетический, опирающийся и на социальное знание, и на социальную интуицию, и на социальное воображение прогноз служил средством осмысления уходящих в будущее, грозных и опасных тенденций настоящего. И тот и другой романы – типичные современные социальные литературно-художественные утопии, по своему типу много более современные, чем, например, наша художественная фантастика 40-х годов, чем многие, более поздние по времени варианты зарубежной фантастики.

В «Мастере и Маргарите» перед нами реальный, повседневно фактически существующий мир, лишь осмысливаемый и оцениваемый с помощью фантазии.

В «Аэлите» перед нами вариантный, созданный методом утопической прогностики, фантастический, вероятностный мир. Это – мир литературной утопии.

В одном случае, у М. Булгакова – ирреальное, как антипод реального, позволяющее в развертывании их противоположности осмыслить именно реальность.

В другом, у А. Толстого – вероятностное, вариантное, как продолжение, как гипертрофия реального и «очищение» его от побочного и случайного. Это вероятностное в единстве и прогностично, и ретроспективно. Будь оно ирреальным, оно потеряло бы ту свою рациональную логическую основу, которая позволяет вариантному и вероятностному миру быть шкалой, системой координат для оценки повседневного, оценки реального и конкретного сегодняшнего мира.

В конечном счете, конечно, здесь присутствует известная общность результата: оценка и осмысление реальности. Однако они ведутся принципиально разными методами. Это различие методов и важно прежде всего с позиций нашего анализа. В одном случае – это метод реализма, хотя бы он содержал в себе элементы необузданной фантазии. В другом – метод научной фантастики.

**Научная фантастика
как литературная
утопия**

Какое бы произведение современной научной фантастики мы бы не взяли, в нем неизбежно находят отражение проблемы вариантности общественного бытия, вари-

антности не реализованных еще потенциалов личности, вариантности научно-технического прогресса и его последствий, вариантности взаимоотношений человека с природой и т.п. Но сама идея вариантности бытия и развития общества и личности есть типичнейшая и характернейшая черта утопии. Эта идея вариантности мира обязательно занимает большее или меньшее место в каждом конкретном произведении современной научной фантастики, ибо без этой идеи нет и самой по себе научной фантастики. Это – один из ее родовых признаков.⁴⁴

Несколько обстоятельств, как нам кажется, затрудняют понимание органического единства современной научной фантастики и утопии.

а) Над представлением об утопии чересчур упорно витает ее традиционный образ. Стремление противопоставить и безусловно отделить друг от друга позитивную утопию и антиутопию, рассматривать самую утопию с точки зрения чересчур конкретных, чересчур узких и не меняющихся признаков, свойственно даже таким серьезным современным ее исследователям, как А.Л. Мортон, Ф. Полак, Ю. Кагарлицкий, Е. Брандис и В. Дмитриевский др.

б) До сих пор в научной литературе совершенно недостаточно места занимает анализ изменений, которые претерпела утопия в связи со становлением и развитием научного социального знания, в связи с историческими изменениями и под влиянием уроков истории, под влиянием выдвижения на авансцену новых социальных групп. В литературе доминируют идеи, что утопия, якобы, связана только и исключительно с буржуазным мировоззрением (А.Л. Мортон); что она в наше время отмерла, переродилась и т.п. в связи с осознанием ее неосуществимости (Н. Бердяев, Ф. Полак); что она антагонистически противоположна антиутопии и свойственна только прогрессивным классам, тогда как отмирающим – свойственна лишь антиутопия (Е. Брандис и В. Дмитриевский и др.) и т.д. и т.п. Однако это не так, ибо утопия в конкретно-исторической форме и каждый раз в специфической функции свойственна вообще идеологическому осмыслению человеком своего собственного общественного бытия на всем протяжении истории после того как общество отделилось от природы и противопоставило себя ей.

⁴⁴ «Научная фантастика – это такой класс повествующей прозы, которая описывает ситуации, не появляющиеся в известном нам мире, но гипотетически возможные на основе новых открытий науки и технологии (или псевдо-науки и псевдо-технологии) человеческого или внеземного происхождения» (Kingsley Amis. *New maps of Hell*. N-Y, 1960. P. 63).

в) С трудом осознается (и до сих пор остается в специальной литературе теоретически не объясненной) возможность сосуществования каких-то особых форм утопии с научным представлением о законах общественного развития. Причиной этого во многом является тот факт, что упрощение, механистическое восприятие исторического материализма еще далеко не полностью преодолено. Да и вообще взаимоотношения современной утопии с современной общественной наукой, место современной утопии в современном мировоззрении остаются пока для исследователей утопии в основном terra incognita.

г) Наконец, есть и еще одно немаловажное обстоятельство, затрудняющее выяснение органических связей современной утопии и современной научной фантастики.

Идет быстрый процесс развития каждой науки (в том числе, конечно, и социальных наук), сопровождающийся лавинообразным ростом информации, развитием в системе каждой науки своего специфического понятийного и логического аппарата. Энциклопедизм ученых, писателей, философов, утопистов XVIII века в наше время невозможен. Дилетантизм же в социальных проблемах сегодня не более продуктивен, чем, например, в физике, биохимии или конструировании ракетных устройств. Возможно, когда-нибудь, на новой научно-технической основе мы и вернемся к универсализму, но, во всяком случае, это произойдет не сегодня, не завтра и даже не послезавтра.

Современный писатель, работающий в области литературной утопии, попадает в трудное положение: по необходимости он чаще всего – дилетант в социальных науках, но предмет трудов его праведных требует не только знания уже существующего, но и выхода в социальных идеях своих произведений за его пределы. Иногда это ему удается, достаточно часто – не удается, но не только в этом дело. Улавливая именно как писатель, т.е. в основном интуитивно, «шестым чувством», лишь через самодвижение образов, какие-то тенденции общественного развития и перенося их в свои произведения, автор современной утопии – современного научно-фантастического произведения – далеко не всегда сколько-нибудь полно осознает действительные глубинные корни своих идей и их утопические аспекты. Он пишет утопии, сам очень часто не подозревая об этом. В лучшем случае он осознает отдельные утопические аспекты своих произведений в относительно узком диапазоне, тогда как реальный их смысл может

быть много шире и много глубже. Логика образа, логика повествования уводит автора литературной утопии значительно дальше его собственного осмысления своего же собственного творчества. Это – общий закон художественного творчества. Но в современной литературной утопии – современной научной фантастике, – где приоритет по самой сути литературного метода непосредственно принадлежит идее, лишь персонифицирующейся в герое, в личности, уже не логика поведения этого героя-персонажа, а логика развития героя-идеи далеко уходит из под прямого авторского контроля.

Кроме таких случаев бесспорной утопии, как, например, «Туманность Андромеды», автор современной утопии зачастую осознает социально-исторический смысл написанного им не с большей полнотой, чем Бальзак и Лев Толстой, не с большей полнотой, чем сэр Томас Мор и преподобный Томазо Кампанелла...

Все эти перечисленные выше и вместе взятые обстоятельства и сыграли, по нашему мнению, свою роль в том, что само наличие современной утопии и связь ее литературных форм с современной научной фантастикой до сих пор остаются предметом острой дискуссии.

По нашему мнению, в итоге рассмотрения проблемы внутренней связи современной литературной утопии и научной фантастики мы неизбежно приходим к выводу, что современная утопия нашла свое наиболее полное, наиболее отвечающее ее сущности литературное воплощение в научной фантастике.

Логикой вещей современное социальное знание должно быть наукой, является ли оно ею на самом деле (социалистическое мировоззрение) или в состоянии только казаться наукой (буржуазное мировоззрение). Научность социального знания и заставляет современную утопию – гипотетическое суждение о гипотетических социальных явлениях – необходимо обратиться к образной, литературно-художественной форме.

§ 3. «Новые миры» современной утопии

...Животное приковано к своему «здесь» и «сейчас» всеми своими чувствами, а человек будто бы способен освободиться от этого, вспоминать, сочувствовать другим, представлять себе их состояние, их чувства – но, к счастью, все это лишь иллюзия. Такие попытки псевдovoплощения, псевдопереселения в других мы только воображаем – туманно, неясно. Что стало бы с нами, умей мы на самом деле сочувствовать другим, переживать то же, что они, страдать вместе с ними?..

Ст. Лем

Когда речь идет о социальной проблематике научной фантастики, то нашей задачей является отнюдь не составление простого перечня каких-то тем или сюжетов, как это имеет место во многих собственно литературоведческих обзорах. Нашей задачей является анализ того, как характерные черты современного общества и динамики его развития преломились в содержании социальной научной фантастики и каким образом осуществляется это преломление, какова его «механика».

Искусство, литература отражают не все без исключения явления жизни. Избирательность – неотъемлемое свойство искусства. Соответственно этому и фантастика выбирает в современной жизни только наиболее ей близкие, важные и острые проблемы, проблемы, в решении которых ясного зачастую меньше, чем неясного. Вместе с тем, эти проблемы имеют самое прямое, самое непосредственное значение для существования и развития личности, для общества. В научной фантастике, конструирующей особую «фантастическую» реальность, мы поэтому имеем дело с особой художественной формой отражения и осмысления реальных социальных проблем. Отбор этих проблем предопределяется в том числе и литературной формой фантастики, сближающей ее с современной социальной литературной утопией.

Научность фантастики и фантастичность науки

Создавая картину гипотетического состояния общества (в том числе и гипотетического будущего), научная фантастика, воплощающая в себе литературную утопию, всегда исходит из каких-то реальных сторон и тенденций современности. Фантазия (в полном соответствии со своей принципиальной сущностью) «усиливает», гипертрофирует взятое явление, его социальные роли и значение, углубляет и расширяет его социальные следствия, элиминирует побочные моменты и, наконец, создав гипотетическое состояние общества, позволяет оценить не только его, но и то реальное явление, которое было использовано для построения гипотетического состояния общества, т.е. позволяет существенно усилить исторический аспект анализа. Отбор этих явлений и способ их гипертрофирования, как правило, обусловлен мировоззренческой позицией автора. В зависимости от этой позиции одно и то же явление может оказаться в одном случае предметом утверждения, основанием для позитивной утопии, в другом – отрицания, основанием для антиутопии.

Целью художественного произведения (особенно в условиях развитого научного знания) является не описание изменения роли науки и техники в жизни общества, не самого по себе возросшего могущество человеческого знания и уж тем более не самого по себе позитивного содержания новых научных идей или новых социальных отношений. Предметом – универсальным и единственным – художественного творчества является человек во всей его конкретно-исторической и индивидуальной определенности и вместе с тем во всей его родовой всеобщности. Чем полнее, конкретнее, глубже отражает литература историческую и индивидуальную конкретность человека, чем глубже проникает она в его родовую сущность, тем глубже она раскрывает нам сущность и характер коренных социальных изменений, смысл и особенности того или иного исторического периода, тем более существенным становится ее непреходящее общеисторическое и общесоциальное значение. Научные знания и общественные отношения литература, в том числе и фантастика, отражает единственно доступным ей путем: через образное отображение человеческого поведения, человеческой деятельности, человеческих страстей.

Художественная литература – не отрасль научного знания. Именно поэтому современной научной фантастики (или литературной

утопии в ее обличии) отнюдь не свойственно строгое воспроизведение духа и буквы социальной науки. Однако художественное творчество – образное отражение мира – не может быть воспроизведением только какой-либо одной стороны человеческого осознания окружающего мира: ни только ценностного его восприятия, ни только рационально-позитивного отражения. Художественное литературное творчество по самой своей природе (как отрасль искусства) синкретично: в нем проявления обыденного сознания переплетены с проявлениями сознания теоретического, эмоциональное органически слито с рациональным, ценностное – с позитивно-логическим. Искусство – и в том числе художественная литература – отражает мир в его непосредственной, неразделяемой целостности: в этом его особенность, его функция, его назначение. Именно поэтому любая односторонность всегда во вред художественному отображению мира.

Искусство по природе своей представляет единство рационального и эмоционального. Сплав фантазии и строгого отображения реальности образует живую ткань искусства, – столь выразительную и столь же сложную. Именно синкретичность искусства, его образная природа позволяет ему воздействовать на своего читателя, зрителя, слушателя так, как не в состоянии воздействовать никакая наука: с помощью эффекта сопереживания.⁴⁵ Только целостное отражение жизни, воспроизведенной и вместе с тем преобразованной в произведении искусства, может вызвать иллюзию реальности, обуславливающую эмоциональное мысленное «включение» читателя художественного произведения во внутреннее содержание самого произведения, в его коллизии, в мир его чувств. Поэтому не само по себе формальное присутствие более или менее строгого научного материала, не скрупулезная точность фактов, формулировок, цифровых выкладок, а научность как способ и тип мышления, как основа мышления, как общее мировоззрение и общая методология подхода к миру, обществу и человеку образует специфическую форму научности художественного творчества и научной достоверности самого произведения.

Возможно, что из всех имеющихся в распоряжении человечества неточных (не адекватных) терминов, один из самых неудачных – «научная фантастика», ибо по самой своей природе она не может быть

⁴⁵ См.: Выготский А.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.

строго научной («строго научна» лишь научно-популярная литература – самостоятельная и также очень современная форма творчества на стыке науки и искусства). Использование же фантазии также отнюдь не является монополией только так называемой научной фантастики, ибо все художественное творчество основано на фантазии. Да и научная фантастика (как форма литературной утопии) – отнюдь не разновидность научно-популярной литературы, где художественные средства играют подчиненную роль, а полноправный вид образного, художественного творчества.

В современных дискуссиях о грани между научной популяризацией и научной фантастикой, о взаимоотношениях между наукой и научной фантастикой высказано много тех или иных крайних мнений: одни практически отождествляют научную популяризацию и научную фантастику, требуют от последней строгой и точной научности в каждой мелочи, другие вообще считают, что надо говорить о фантастике, а понятие «научная фантастика» сейчас – не более чем пережиток. И та и другая крайности неправомерны. Первые не понимают различия науки и искусства, вторые – исторического смысла и особенностей так называемого научного сознания, свойственного все более широкому (и быстро расширяющемуся) кругу наших современников.

«...Если задача науки – сделать мышление человека более критичным, – писал Эрих Фромм («Иностранная литература». – 1965. – № 5. – С. 244), – то задача искусства – обострить у человека чувственное восприятие явлений». Специфика научной фантастики (ее научность) состоит в том, что она сочетает оба эти направления человеческой мысли. В ней абстрактное не только раскрывается через конкретное, но и выступает одновременно с этим непосредственно как абстрактное. Соотношение логического и образного, конкретного и абстрактного в ней иное, чем в традиционной реалистической (или романтической) художественной литературе.

Фантазия (воображение) – неотъемлемый атрибут любого произведения искусства. Но направление ее различно. В обычном реалистическом произведении воображение (отталкиваясь, конечно, от реальной практики) рисует прежде всего образы, сюжетные ходы, конкретные формы поведения героев, их психологические особенности и т.п. В романтическом произведении фантазия приподнимает героя и обстоятельства его действий над повседневностью бытия, искусствен-

но концентрирует возвышенные (или низменные) стороны жизни и человеческие черты. В так называемом «научно-фантастическом» произведении фантазия этим не ограничивается: она касается также и научных основ мира, коренных социальных и философских проблем, общего хода человеческой истории. Она и здесь отправляется, оттачивается от данных научной и общесоциальной практики, от строгой научной теории, от научных гипотез (естественнонаучных, технических и социальных). Используя в качестве «строительного материала» данные реальной научной и общесоциальной практики, автор создает воображаемые миры, условные ситуации, гипотетические состояния. Однако фантазия в этих областях имеет свои особенности и свои критерии реальности. Одно дело – фантазия относительно индивидуальных свойств персонажа, конкретных форм его поведения, его жизненных обстоятельств и условий и т.п., другое – относительно исторического времени, социального устройства в целом, систем жизненных ценностей в обществе и т.п. Основным направлением фантазирования в традиционно реалистическом произведении является гипотетическая изменчивость, разнообразие социального пространства; в научно-фантастическом – преимущественно изменения, размещающиеся по вектору социального времени, поскольку новое состояние общества всегда появляется в будущем (относительно старого – сегодняшнего состояния). Понятие реалистичности для научно-фантастического произведения не может ограничиться относительным и общим соответствием изображаемого своему времени, его ходу, его обстоятельствам и т.п. Здесь – соответственно направлению художественного фантазирования – реалистичность связана с наличием последовательно научных отправных посылок для развертывания идеи, темы и сюжета повествования. Изображаемое должно быть соотнесено не только с «правдой жизни», но и с «правдой науки», но соотнесено, в конечном счете, только как всегда и во всех случаях художественного изображения жизни.

В оценке тех или иных явлений и тенденций современности, которые служат отправными точками для литературной утопии в облике научной фантастики, наиболее глубоко и полно проявляется мировоззренческая и социальная позиция автора. Из огромного множества явлений и вариантов интуитивно отобрать главные, коренные, наиболее вероятные можно только исходя из прогрессивных взглядов на общественное решение. Мера прогрессивности этих взглядов автора,

мера научности его посылок при оценке явлений общественной жизни и тенденций ее развития и есть внутренняя мера достоверности интуитивно выдвинутых им гипотез.

Произведения литературной утопии в облике научной фантастики научны не с точки зрения самой по себе строгой, пунктуальной (вплоть до мелочей) обоснованности по самому содержанию этих решений, а научны лишь по своим посылкам, лишь методологически:

а) в них нет места действительно сверхъестественному, т.е. не допускается никакая религиозно-мистическая аргументация, даже когда изображают заведомо невозможное (например, перемещение по времени Саула Репнина в «Попытке к бегству» А. и Б. Стругацких);

б) они строго логичны в рамках сделанных допущений;

в) по возможности и чаще всего допущения делаются на основе хотя бы гипотетически, хотя бы в принципе возможного (возможно-го, – т.е. принципиально не противоречащего материальности мира, его законам: в том числе и за пределами нынешнего знания, когда какое-то новое знание, опять-таки материалистическое по содержанию и по методологии, еще только предполагается);

г) допущения заведомо нереальные, объясняемые и необъяснимые, всегда носят условный характер: автор и читатель соглашаются на такое допущение как на заведомо условный, чисто литературный прием, сам по себе не решающий основной проблемы повествования.

Научность методологии принципиально отграничивает научную фантастику также и от сказки или мифа (однако, проблема границ и «пограничные парадоксы» и здесь достаточно часты). Стоит, наверное, подсказать ревнителям строгой буквальной научности научной фантастики, что их, скорее всего, попросту гипнотизирует прилагательное «научная». Научный образ мышления, научность методологии, характерные для научной фантастики, они смешивают со строгой научностью самих по себе ее предположений, ситуаций, что, конечно, совсем не одно и то же.⁴⁶

⁴⁶ «...Современная фантастика не обязательно должна отражать научные факты, она должна стоять на позициях современного «научного мировоззрения» (Кабо Абэ. Журн. «Иностранная литература». 1967. № 1. С. 264).

Современная научная социальная фантастика сцементировала глобальность, социологичность, философичность и историзм современной литературной утопии в совершенно новое качество. Использование научной методологии обуславливает ее достоверность, адекватность теоретическому знанию и практике. Образность позволяет показать не просто сами по себе сухие, оголенные идеи, но отобразить драму идей, их реальное человеческое содержание, их значение для человека, создает эффект присутствия в гипотетической, воображаемой социальной среде, в гипотетических обстоятельствах, обеспечивает эффект сопереживания с гипотетическими героями.⁴⁷

Современная фантастика в совершенстве отработала методы научно-художественного, образного и логически правомерного моделирования характерных для современной литературной утопии гипотетических ситуаций, порожденных весьма гипотетическими обстоятельствами социальной жизни. Абстрактные, сами по себе сухие, научные, философские или социологические гипотезы, выражающие отдельные важные, а то и коренные тенденции и проблемы развития человека и общества, не только воспринимаются читателем в научно-фантастическом произведении через систему отношений, через поведение и психологию тех или иных действующих лиц, – они сами предстают перед ним как самостоятельные и полнокровные художественные образы. Скелетоподобная логическая схема-связь категорий и понятий гипотезы облекается здесь в плоть и кровь, обрастает мясом и кожей, становится образом – чем-то непосредственно воспринимаемым и осязаемым. Для социальных явлений (реальных или гипотетических) такая форма «живых» образных моделей вообще является необходимым дополнением моделей логических, математических и т.п.

Такая гипотетическая модель может быть построена также и для оценки или переоценки какого-либо явления прошлого, и для характеристики какого-либо гипотетического, «параллельного» реальному, варианта социального развития, и для оценки гипотетических последствий развития каких-либо частных социальных тенденций, сегодня еще скрытых, еще не проявивших себя сколько-нибудь заметно, и,

⁴⁷ «Наиболее значительное употребление (научной фантастики – З.Ф.), смею утверждать, состоит в драматизации социальных проблем, поскольку только с помощью фантазии ведущие культурные тенденции могут быть выделены и оценены (Kingsley Amis. *New maps of Hell*. N-Y, 1960. P. 63).

наконец, для оценки гипотетического будущего, как целого, как генеральной тенденции социального развития, развития личности. Подобное моделирование социальной идеи, гипотезы путем построения системы образов, связанных между собой сюжетом, является характерной чертой научной фантастики в целом как художественного метода.

Образная, художественная форма резко усиливает эффект моделирования, является необходимым условием построения не просто обнаженной и сухой логической структуры, а именно действующего и наглядного, целостного и непосредственно зримого воспроизведения социальной ситуации. Для социальных теорий (и особенно гипотез) такие «живые» модели являются необходимым дополнением моделирования математического и логического.

Прежде всего, образная форма позволяет создать так называемый «эффект» реальности воображаемой ситуации, воплотившей в себе центральную идею утопии. Последняя либо реализуется разумными существами, поведенчески принципиально не отличающимися от человека, либо другим земным человеком, принципиально не отличающимся от нас. Образ реального человека и является тем «мостиком», который связывает в нашем сознании ощущение реальности происходящего с изображаемой фантастической ситуацией или гипотетической идеей утопии.

Во-вторых, образная форма создает так называемый «эффект присутствия». Она позволяет показать не просто сами по себе сухие, оголенные идеи утопии, до конца понятые только специалисту, но драму идей, их эмоциональное восприятие, их значение для каждого человека, порождает эффект сопереживания с героями, поставленными в гипотетические обстоятельства. Очень важно, что этот «эффект присутствия», эффект сопереживания и идентификации здесь может быть обеспечен и с воображаемыми героями в заведомо фантастических обстоятельствах. Существует специальная и специфическая «технология» литературного творчества в фантастике, позволяющая достичь этого эффекта.⁴⁸

В-третьих, образность создает чрезвычайно важный (особенно для умозрительно предполагаемых социальных ситуаций литературных утопий) «эффект целостности». В научной фантастике интересное автора явление рассматривается не односторонне, не обособленно, а как всеобщий по своему влиянию, по своей роли элемент

⁴⁸ См., например, об этом статью Тамарченко Е.Д. «Мир без дистанций» в журн. «Вопросы литературы». 1968. № 11.

единого и целостного гипотетического мира. Научный анализ вскрывает структуру происходящих изменений, взаимосвязи элементов, раскрывает процесс на всю возможную глубину. Однако он не в состоянии дать целостную, «живую» картину всего изменения, всего сдвига, всей гипотетической ситуации как целого. Глубина достигается ценой потери широты, ценой потери наглядности, потери целостности. Традиционный реалистический роман в состоянии лишь выделить в реальной жизни такие тенденции, которые ведут в будущее. Но построить целостную картину будущего, а тем более, какой-либо гипотетической ситуации, он не мог бы, да и не может ставить таких целей. В итоге «эффект целостности» в описании гипотетических ситуаций (и в том числе возможного будущего), – хотя бы ценой определенных потерь в глубине и логической стройности анализа, неизбежных потерь в точности конкретных деталей по сравнению со строго научным изложением, – остается именно за научной фантастикой.

**«Действительность
наоборот» или логика
знания?**

Существенным для понимания научной фантастики как литературной утопии является вопрос: как же она собственно «строит», «конструирует» свои «новые миры»? Если относительно ее предтеч – Томаса Мора и его современников – вопрос этот не вызывает сомнений и неясностей, то с современной литературной утопией дело обстоит сложнее.

Метод, по которому строили свои утопические миры Томас Мор и иже с ним, был, с нашей точки зрения, весьма прост: современная автору действительность «выворачивается наизнанку». Частной собственности противопоставлялась НЕ частная (т.е. общественная), делению на богатых и бедных – имущественное равенство всех и т.д. Мир утопии был «действительностью наоборот», описываемой под углом зрения авторской оценки: положительной или негативной. Угол оценки придавал произведению либо статус позитивной утопии, либо антиутопии. Откровенно говоря, самой по себе фантазии здесь отводилось не так уж много места, если речь шла об идейной сердцевине произведения. Основной выход фантазии давала «инструментальная» часть литературной утопии: ее гипотетическая география (во времени и в пространстве), конкретные детали и частности, возможные варианты общих предположений, сюжетные ходы, облик и характер персонажей и т.п.

Однако внешняя простота, с которой строились утопические миры Томаса Мора, была обманчивой, ибо скрывала внутреннюю многозначительность. Утопия уже отделила естественное (реальное, гипотетически реальное и несбыточно реальное) от сверхъестественного,⁴⁹ закрыв последнему дорогу в «механику» справедливого переустройства мира. Реальность, даже в весьма превращенных формах, стала отныне основой и отправной точкой «конструирования» «новых миров» утопии. Исторически первым методом реалистического конструирования утопии и была «действительность наоборот».

В современных условиях конструирование «новых миров» литературной утопии стало много сложнее и разнообразнее. Сама реальность как основание и предпосылка такого конструирования выступает не столько в виде «реальности конкретного факта», сколько в виде «реальной логики и методологии существования мира». Современная литературная утопия порой очень вольно обращается с отдельными частными конкретными фактами (сошлемся, например, на «Марсианские хроники» Р. Бредбери, «Попытку к бегству» А. и Б. Стругацких, многие произведения К. Саймака и др.). Однако, в целом, конструируя свой воображаемый мир как систему, как целостность, современная литературная утопия стремится весьма последовательно руководствоваться научной логикой (как бы тот или иной ее автор не понимал сам по себе критерии научности). И здесь-то общая мировоззренческая позиция автора сразу дает себя знать. Ошибочность методологии конструирования проявляется в разрушении эффекта достоверности фантастического произведения.⁵⁰

Идеологическая позиция автора проявляется явно и очевидно, если он поставил целью утверждение или отрицание гипотетического будущего. Однако она может проявиться и не столь очевидно. Тогда

⁴⁹ Сверхъестественное тоже отталкивается в конечном счете от реальности. Однако, во-первых, сами сочетания элементов реальности осуществляются здесь по субъективно произвольным правилам; во-вторых, элементы реального выступают в столь превращенных формах, что практически узнать их очень трудно, а порой почти невозможно даже с позиций современного знания, не говоря уже о знании того времени.

⁵⁰ Весьма любопытно, что пишет И.А. Ефремов о необходимости утопии и о роли научного мировоззрения для современной утопии: «...Воспевать с полной искренностью и силой можно природу, общество же, как далеко еще несовершенная организация справедливости и людского счастья, будет возбуждать желание переустроить его к лучшему. Писатель в этом случае счастливее других, потому, что он может попытаться создать воображаемое общество по своему вкусу – утопию. Однако при идейно-философской незрелости у художника не получится убедительной картины утопического будущего» (Предисл. к кн. Поола Ф. и Корнблата С.М. Операция «Венера» (Торговцы космосом). М.: Мир, 1965. С. 9-10).

общий подход к социальной проблеме проявляется в том, как решаются какие-то частные проблемы, как выбираются, описываются и оцениваются какие-то детали, частности. Например, в бесчисленном множестве рассказов, повестей и романов писателей-фантастов, стоящих на позициях буржуазного мировоззрения, наряду с достижениями высочайшей техники, «нуль-транспортировкой» (перемещение предметов в пространстве путем передачи их информационного кода), путешествиями во времени и т.п. (т.е. наряду с научно-техническими достижениями, обеспечивающими неограниченное практически изобилие, устранение ручного физического труда и т.п.) изображены все те же алчность, уничтожающая все и вся конкуренция за обладание вещным богатством, разделение общества на бедных и богатых и т.д. и т.п. Изображаемый гипотетический мир оказывается логически абсурдным, не «замкнутым» в целостную систему. Антагонизмы современного буржуазного мира переносятся в такие условия, где им не могло бы найтись места, где они полностью и абсолютно были бы лишены исторического смысла.

В такого рода случаях разрывается прогностическое и ретроспективное содержание фантастики – литературной утопии, т.е. фактически разрушается сама ее предпосылка, ее основа. Произведения такого рода выглядят обычно натянутыми, прямолинейно декларативными, идея их оказывается оголенной, ибо основа художественного метода – фантастика – выглядит здесь как чрезвычайно условный и сомнительный прием.

Современная литературная утопия существует на своеобразном научном основании, и последовательность в соблюдении каких-то условий связи ее с научной методологией выступает необходимым элементом ее успеха. Ее фантастические предположения либо должны быть хоть в какой-то степени, какой-то плоскости возможными, либо должны быть заведомо и намеренно (по молчаливой обоюдной «договоренности» читателя и автора) восприняты в качестве условных. Доминирование возможного дает основания различать «научную фантастику» (science fiction) от просто «фантастики» (fantasy).

Однако проблема той роли и того места, которое научная фантастика в качестве главной формы современной литературной утопии занимает в сегодняшнем чтении, не сводится только к вопросам ее способности моделировать какие-то ситуации, ее связи с наукой и т.п. Надо

ответить на вопрос, почему именно этот способ описания гипотетических социальных проблем является столь популярным, столь массовым?

**Читатель
и фантастика**

В свое время мы уже приводили в печати данные, свидетельствующие о широкой популярности фантастики.⁵¹

Приведем еще некоторые данные, подтверждающие на более широком материале те же зависимости и дополняющие положения ранее опубликованных работ.

Значительное большинство обследованных нами читателей широкого круга социальных групп населения (обследовались рабочие промышленных предприятий, ИТР, служащие, сотрудники научных и проектных организаций, студенты, учителя средних школ и т.п.) относится к научной фантастике безусловно положительно: от 1/2 до 3/4 читающих. Негативное отношение к фантастике определили не более чем 2,5-5% читающих. Удельный вес читающих фантастику постоянно и систематически, конечно, несколько ниже, чем удельный вес давших ей общую положительную оценку, однако, и он достаточно высок. У рабочих постоянно читали фантастику 23,9% опрошенных, причем по проявляемому к ней интересу она стояла на 2-ом месте (после художественной литературы вообще); у служащих промышленных предприятий, соответственно 16,6% (2-ое место: после художественной вообще); у ИТР промышленных предприятий – 30,2% (3-е место: после художественной и специальной); у учителей средних школ – 19,8% (7-ое место: после художественной, учебной, специальной по профилю предмета, научно-популярной, общественно-политической, мемуарно-документальной); у сотрудников научных и проектных учреждений – 43,7% (4-ое место: после художественной, специальной, детективно-приключенческой); у студентов технического вуза – 56,8% (4-ое место: после учебной, художественной, детективно-приключенческой). Характерно, что студенты педагогического вуза читали фантастику весьма интенсивно: на 1-ом курсе – 32,3%, на IV – 37,3%. Это дает основания предполагать, что относительно низкий удельный вес постоянно читающих фантастику среди учителей объясняется, скорее всего, возрастной структурой этой

⁵¹ См.: Файнбург З.И. Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. 1967. № 6.

социальной группы на момент обследования. Данные об интересе к фантастике говорят сами за себя.

Однако особенно интересны мотивы, по которым фантастика привлекает внимание широкого круга читателей. Не менее 50-60% постоянно читающих научную фантастику трактуют ее прежде всего как источник информации о будущем. С эти согласуются данные другого обследования, когда предметом опроса были представления о будущем студентов технического вуза и слушателей вечернего университета марксизма-ленинизма. Среди студентов назвали научную фантастику одним из основных источников представлений о будущем 39,5% опрошенных, среди слушателей вечернего университета, людей немолодежного возраста, имевших в большинстве своем высшее образование и т.п., – 17,5% опрошенных.⁵² Такое понимание сущности научной фантастики свидетельствует о ее восприятии прежде всего в качестве литературной утопии.

Безусловно также и то, что фантастика – обычно остросюжетная литература – связана с так называемым игровым эффектом. Она представляет собой специфический вид логической, умственной игры (особенно это игровое свойство характерно для детектива и приключенческой литературы). Однако и сам игровой сюжет у значительной части произведений фантастики представляет собой скорее непосредственно осуществляемую игру идей, чем игровые приключения персонажей.⁵³ Можно сказать, что игровые элементы сюжета научно-фантастического произведения не самоцельны (как в детективе, например), а подчинены его функции воплощения литературной утопии. Тем более к особой ветви литературной утопии, где игровой эффект особенно очевиден, должен быть отнесен такой вариант сюжета научной фантастики, когда в свете какой-то новой информации или новой методологии осмысления исторических фактов трактуется в новом, гипотетическом

⁵² Исследования проводились в 1966-70 гг. лабораторией социологии Пермского политехнического института в рамках общего исследования по проблемам культуры, а также и более узко по целевой проблематике. Охват исследованием: рабочих – 5731 чел., служащих – 720 чел., ИТР – 1516 чел., учителей – 622 чел., сотрудников НИИ и КБ – 713 чел., студентов технического вуза (политехнический институт) – 883 чел., студенты педагогического вуза – 698 чел., слушателей ВУМЛа – 528 чел. Выборка: либо районированная в сочетании со сплошной, либо сплошная. Инструмент опроса – анкета.

⁵³ «...Приключения развивающегося интеллекта относятся к числу самых острых, полнокровных приключений. Ведь каждое научное открытие – это своеобразный детектив...» (Лем Ст. Журн. «Техника молодежи». 1971. № 1. С. 47).

плане историческое событие прошлого. Сюда же должна быть отнесена фантастика, рассматривающая в качестве возможного какой-либо гипотетический вариант близкого будущего современной нам истории (типичным и широко известным примером такой фантастики мог бы служить роман Невилла Шюта «На берегу», вышедший в свет в 1958 г. и экранизированный в 1959 г. Стенли Крамером).

Популярность фантастики у читателя, по нашему мнению, объясняется прежде всего именно этим фактом: она есть наиболее полное и точное воплощение в образах современной утопической мысли. Кроме того, гипотезы строгой науки столь же строго ограничены. Строгость есть главное достоинство науки, но она же – и ее главное ограничение. Наука логична, строга, но очень уж суха, очень уж «надчеловечна». И ее гипотезы – ее мечты и устремления – становятся осязаемыми и живыми, наглядными и достигаемыми в образах и персонажах современной литературной утопии... Еще раз мы убеждаемся в том, что современная строгая наука и современная литературная утопия противоположны – и неразделимы в современном сознании...

Для современного человека характерна известная конфликтность его сознания, порожденная достаточно существенным расхождением уровней освоения им естественнонаучного и социальнонаучного знания. Степень освоения первого для значительной части людей пока заметно выше. С одной стороны, такое положение неизбежно вытекает из необходимости естественнонаучных знаний для выполнения той или иной работы, сохраняющихся пока еще форм разделения труда, тяготеющих к относительно узкой специализации в одной из отраслей деятельности. С другой – этому способствует «ненужность» социального знания для ведения обыденной жизни, закрепляемая сознательно в ходе идеологической борьбы.

В буржуазном мире весьма развито общее негативное отношение к широким теоретическим социальным обобщениям, к социальной философии как абстрактному, но действительному знанию. Аполитичность специалистов в области естественных наук, технических специалистов, объективно выгодна правящей элите, а потому поддерживается и насаждается ею.

В социалистическом обществе созданы необходимые исходные предпосылки к тому, чтобы в конечном счете было снято имевшее ранее место неравноправность освоения специальными (естественно-

научными, техническими) и социальными знаниями. Однако процесс снятия этой неравноправности идет сравнительно медленно и еще пока не завершен.

Определенная неравноправность (даже разрыв) в освоении естественнонаучного и социального знания способствует росту популярности научной фантастики. Насыщенная прежде всего социальной проблематикой, ставящая в завлекательной, зачастую неожиданной и вместе с тем в общедоступной форме самые острые, самые актуальные социальные проблемы, научная фантастика до известной степени смягчает неравноправность освоения естественнонаучного и социального знания, компенсирует неполноту социального знания.

**Литературная утопия
и проблема критериев
художественности**

Одной из существеннейших проблем современной литературной утопии (в облике современной научной фантастики) является выявление критериев ее художественности. Ее принадлежность к художественной литературе вообще не вызывает сейчас уже сомнений. Однако попыток классифицировать фантастику (также как детектив и некоторые другие виды литературы) в качестве литературы второстепенной, неполноценной, так называемой «паралитературы»⁵⁴ и т.п. пока еще более, чем достаточно. Уроки истории, когда в свое время «неполноценной» литературой называли произведения Д. Свифта, Э. По, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского не пошли впрок современному литературоведению, и оно по-прежнему никак не может отграничить новое и непри-
вычное от просто плохого. Сама по себе попытка трактовать жанровую принадлежность того или иного произведения в качестве критерия его художественности уже не выдерживает критики. У каждого жанра, каждого литературно-художественного метода свои критерии художественности, своя поэтика, свои особенности формы. Форма и содержание художественного произведения неразделимы – это азбучная истина теории искусства. Но литературная утопия в облике научной фантастики – это и особое содержание, и особое назначение, а, соответственно, и особая литературная форма.

⁵⁴ См. кн. *Entrétiens sur la paralittérature*. Paris, 1970 (Обзор содержания этой книги дан в ст. Мильдона В.И. Беседы о паралитературе. Журн. «Вопросы философии». 1972. № 1. С. 147-154).

У социально-утопической, социально-фантастической литературы весьма велики различия в художественных приемах не только с традиционно реалистической (или романтической) литературой, но и внутри своего собственного направления. Историзм общества раскрыт в «Робинзоне Крузо» Д. Дефо с помощью так сказать «горизонтально-го» разреза: путешествуя, герой переезжает не только из страны в страну, но и через различные в разных странах исторические социальные эпохи. В «Утопии» Т. Мора гипотетическое, идеально устроенное общество вынесено за пределы пространства, известного человечеству, и тем самым формально вынесено и за пределы реальных координат времени. В «Машине времени» Г. Уэллса историзм общественного развития раскрыт через прямое сравнение реального настоящего и гипотетического будущего, т.е. путем буквального перемещения наших современников по времени, путем непосредственного совмещения разных времен. Утопический характер «Города Солнца» Т. Кампанеллы не прикрыт ничем, а в «Таинственном острове» Ж. Верна утопия глубоко замаскирована приключенческим сюжетом, робинзонадой. Так называемые антиутопические мотивы в «Путешествии Гулливера» Д. Свифта или «Книге Джунглей» Р. Киплинга глубоко скрыты сказочным сюжетом, но зато они нарочито и подчеркнута выпячены у Олдоса Хаксли в «Отважном новом мире», у Евгения Замятина в «Мы» или у Джорджа Оруэлла в «1984».

Изменились эпохи, изменился характер исторических и социальных потрясений – изменилась и литература, предвосхищающая социальные изменения. Следы предшественников не изгладились, однако, полностью в современной литературной утопии: мы видим в ней не только произведения, но и целые направления, тяготеющие то к Свифту, то к Мору, то к Жюлью Верну, то к Уэллсу. Однако во всех вариантах ей свойственна общая социально-философская проблематика, общие художественные черты.

Современная научная фантастика и по своим собственно литературным характеристикам представляет собой сложное и многоплановое явление. В ней есть ветвь, во многом тяготеющая к научной популяризации, хотя отнюдь не тождественная обычной популяризации; в ней есть ветвь, тяготеющая к приключенческой и детективной литературе, но имеющая, однако, свою философскую специфику; в ней есть ветвь, где преимущественно переосмысливается прошлое,

переосмысливается история; в ней есть откровенно прогностическое направление, где проблемы социальной утопии отражены наиболее прямо и непосредственно; в ней есть ветви, где в центре внимания прямо и непосредственно поставлены социальные проблемы именно нашего времени, проблемы современности, причем средства выражения и здесь чрезвычайно разнообразны: от романа нравов до откровенных и злых памфлетов. Современная фантастика, реализующая в конечном счете проблематику литературной утопии, как литературное явление использует все средства литературно-художественного творчества, однако, использует их всегда по-своему, преломляя их все через особенности своего неповторимого видения мира, его отображения и его оценки. По нашему глубокому убеждению, правы те (А. Громова, Р. Нудельман и др.), кто склонен находить в фантастике черты особого самостоятельного литературного метода.

Если попытаться классифицировать виды художественной литературы по соотношению идей и образности, то фантастика окажется на одном из крайних полюсов: конечный приоритет идейного содержания перед формальными сторонами литературно-художественного творчества реализуется в ней наиболее прямо, наиболее откровенно, наиболее ощутимо. Она в этом отношении располагается где-то на грани между наукой и искусством и в какой-то мере представляет собой синтез этих двух противоположностей.

Здесь, конечно, невозможно подробно останавливаться на литературно-художественной специфике научной фантастики.⁵⁵ Однако несколько общих замечаний сделать все же необходимо.

Задача раскрытия, развертывания в научно-фантастическом произведении глобальных мировоззренческих, социологических идей, постановка общих гипотетических проблем развития общества и его истории не позволяет оперировать точно теми же образными средствами, опираться на детали, на частности, подходить к обрисовке персонажей точно в таких же формах, как в традиционном реалистическом произведении. Для научной фантастики характерен не только более явный приоритет идеи перед образом, но, – как следствие это-

⁵⁵ Только в СССР этой стороне научной фантастики посвящены работы целого ряда авторов: Е. Брандиса, А. Бритикова, А. Громовой, В. Дмитриевского, И. Ефремова, Ю. Кагарлицкого, Р. Нудельмана, В. Ревича, Ю. Рюрикова, Е. Тамарченко, Л. Урбана, Н. Черной и др.

го, – приоритет действия (т.е. сюжета) перед диалогом, монолога – перед диалогом, смысла речи – над индивидуализацией лексики героев, приоритет общих картин – перед деталями. У фантастики во многом иные соотношения между содержанием, сюжетом, образом, словом, во многом иные формы, иные возможности выражения содержания через образ, иная мера и иная форма тенденциозности, идейной направленности, во многом даже иное содержание самого понятия «типическое» и т.д. и т.п. Различия эти не выходят за рамки общего родового целого: художественной литературы, – но они очевидны и ощутимы. Достаточно сравнить научно-фантастические и традиционно реалистические произведения одних и тех же авторов – будь то Герберт Уэллс, Алексей Толстой или Станислав Лем, – чтобы увидеть ясно и отчетливо степень этих принципиальных различий.

Если проанализировать родственные связи научной фантастики с тем или другим литературным жанром, то мы окажемся перед весьма парадоксальным явлением: научная фантастика – безусловная проза по форме – по очень многим основным литературным признакам и по своему психологическому строю ближе всего к драматургии, как ее трактовал Л.С. Выготский. Вспомним ключевую фразу Аристотеля (процитированную Л.С. Выготским в его «Психологии искусства») о специфике драматургии: «...фабула есть основа и как бы душа трагедии, а за нею уже следуют характеры».⁵⁶ Обратим внимание на то, что в научно-фантастическом произведении – по аналогии с драмой, – автор строит фон, обстановку, декорации из воображаемых элементов, руководствуясь научно-фантастическими идеями, гипотезами, предположениями, и выводит на авансцену определенные, заданные и сами по себе не слишком подвижные, заданные характеры. Характеры эти зачастую относительно слабо индивидуализированы и порой в известном смысле банальны. Но именно такие характеры преимущественно и свойственны драматическому произведению. В научной фантастике – опять-таки по аналогии с драмой – проследить изменение характеров очень трудно, а зачастую и невозможно. Движение гипотетического мира изображается художественными средствами литературной утопии не прямо, как непрерывный процесс, а в виде последовательной смены нескольких статичных картин, статичных состояний. Одно

⁵⁶ Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 60.

статичное состояние отличается от другого – в этом отличии и отражена идея развития. Драма ведь тоже отражает развитие ситуации и развитие характеров через последовательное изображение нескольких сменяющих друг друга срезов ситуации.

Драматическое произведение (в своей собственно литературной форме – пьесы) более всего подобно научно-фантастическому произведению. Драма «оживает», приобретает завершенность, полноту только в самом сценическом воплощении: в литературной форме она неизбежно неполна, ее образный «заряд» намечен, но еще не реализован. Научно-фантастическое произведение, как и пьеса, ждет своего сценического воплощения, однако, это – пьеса не для обычного театра, а для «театра души» одного лица, в котором сосредоточена и персонифицирована и актеры, и зрители, – для читателя, воображение которого театрализует научно-фантастическое произведение. Оно «оживает», его образный строй реализуется в полной мере только и исключительно тогда, когда воображение читателя начнет строить перед своим внутренним зрением модели и миражи современной литературной утопии.

На «сцене» научно-фантастического романа разыгрывается драма идей, драма предполагаемых тенденций. Разыгрывают ее довольно бегло очерченные и относительно банальные персонажи. Но зато накал действия, его драматизм доведен почти до предела.

**Литературная утопия и
идеологические
границы**

Одной из важнейших проблем понимания существа и общественной роли современной литературной утопии в обличье современной научной фантастики является вопрос о критериях ее идеологической направленности, о ее истинном идейном содержании.

И здесь можно вспомнить острую дискуссию, разгоревшуюся вокруг фантастического романа А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» (1966-68 гг.). «Улитка на склоне» – острсюжетное, ярко написанное фантастическое произведение, где с помощью средств литературной утопии последовательно изобличается антигуманный характер буржуазного сознания, буржуазной идеологии, буржуазного понимания целей и средств общественного развития, ролей и судеб человека в этом развитии.

Споры, разгоревшиеся вокруг «Улитки на склоне» А. и Б. Стругацких, не случайны. Не случайно и резкое расхождение во мнениях

спорящих, доходившее до ожесточения. «Улитка...» – наиболее полное и последовательное воплощение литературно-художественных свойств современной литературной утопии – социально-философской научной фантастики, где средствами художественной литературы непосредственно воспроизводятся и исследуются в их конкретном образном «очеловеченном» воплощении абстрактные идеи, широкая обобщающая социальная концепция.

Для произведений такого рода особенно сложно и специфично стоит проблема соотношения типа и прототипа, проблема соотношения идеологической, мировоззренческой и так сказать непосредственно географической адресности. В литературной утопии эти собственно литературно-структурные проблемы решаются не только своеобразно, но еще при том и в некоторых отношениях прямо противоположно их решению в традиционно реалистической художественной прозе. Конкретные прототипы, конкретная географическая привязанность сюжета и т.п. (да и вообще все элементы определенной конкретной пространственно-временной адресности) зачастую только мешают наиболее полной реализации в литературной утопии ее подлинной адресности: адресности мировоззренческой и идеологической. Мировоззренческая и идеологическая адресность литературной утопии только тогда реализуется в наибольшей полноте, когда на первый план наиболее прямо и отчетливо может выступить, не затеняемая никакими элементами формального, внешнего сходства, буквального внешнего географического, этнического и т.п. подобия, социальная или социально-философская идея сама по себе, принимаемая или отвергаемая автором. По существу, о чересчур уж конкретных прототипах в литературной утопии вообще трудно говорить, ибо речь может идти не столько о персонажах-прототипах или о странах-прототипах и т.п., сколько о какой-то современной идее-прототипе, о какой-то существующей сегодня форме общественного сознания или еще каком-либо социальном феномене в качестве «прототипа», в качестве основы для создания данного произведения.

Автор литературной утопии неизбежно сталкивается с серьезным внутренним противоречием образной архитектоники такого произведения, когда он вынужден искать для исследуемой им идеи какие-то формы, – обстоятельства реальной жизни, персонажи, детали быта и повседневного поведения своих героев, наконец, какую-то определенную точку пространства (космическую или географическую), – в

которые в научно-фантастическом художественном произведении должна быть «одета» эта идея. Без этих аксессуаров облачение абстрактной идеи в форму «действующих», движущихся художественных образов, драматизация абстрактной идеи невозможна. А с другой стороны, чем больше в литературной утопии элементов такой «приземленности», чем явственнее будут проглядывать в ней неизбежные реальные прототипы (ибо образы никогда не возникают на совершенно пустом месте: их основанием всегда является жизненный опыт писателя, его жизненные впечатления, как бы они не были сознательно или бессознательно изменены, деформированы и дополнены воображением), тем в большей степени буквальное подобие прототипов и персонажей литературной утопии будет заслонять собой центральную идею произведения, будет мешать ее развертыванию по собственным внутренним законам. Необходимо каждый раз искать и находить в литературной утопии оптимальное сочетание абстрактного и конкретного, уберегать фантастическое произведение и от излишней прозрачности и конкретности прототипов, отвлекающей читателя от главного в произведении, и от чрезмерной абстрактности, чрезмерной прямой оголенности идей, способной существенно уменьшить собственно художественный эффект произведения, уменьшить (если не вовсе снять) эмоциональную реакцию читателя.

В «Улитке...» нет внешних признаков какой-либо географической и т.п. адресности описываемых событий: ни пространство, ни время повести не имеют «внешних» координат. Только косвенно, через сам характер действий людей, через детали и т.п. мы утверждаемся в представлении, что речь идет о нашем времени и не нашем обществе. И это – не недостаток романа, а его достоинство: в художественном произведении этого жанра – в литературной утопии социально-философского характера – обязательно должна быть адресность только одного плана: мировоззренческая, идеологическая. И уж эта-то адресность не вызывает сомнения: мы имеем дело с последовательным обличением буржуазности во всех ее проявлениях и буржуазности сознания – прежде всего. В этой единственной здесь адресности заложена вся география и вся этнография, вся конкретизация пространства и времени «Улитки...» Средства социально-философской фантастики позволяют задать событиям повествования одну главную координату: мировоззренческую, идеологическую определенность изображаемого.

Преимущества формы литературной утопии проявляются здесь в том, что иными изобразительными средствами было бы практически невозможно настолько сконцентрировать идеологическую адресность произведения, настолько непосредственно воплотить столь широкую мировоззренческую концепцию в конкретные художественные образы.

Постулируя необходимость борьбы с буржуазным сознанием, буржуазной идеологией, В.И. Ленин в ряде своих произведений подчеркивал, что есть два фронта этой борьбы: один – более очевидный – проходит там, где полосатые пограничные столбы делят надвое географическое пространство, другой – более трудный, гораздо менее очевидный, но уж никак не менее важный, – пролегает внутри нас, внутри нашего собственного сознания, где мировоззренческие и идеологические границы столбиками не обозначаются, однако, от этого не становятся менее реальными и менее значительными.

Не география названий, речевых оборотов, имен, деталей быта и т.п. определяет идейную направленность той или иной художественно-литературной утопии, а социально-классовая принадлежность самих идей, их конечная классовая ориентация.

Социально-философская фантастика самой мировоззренческой логикой этого жанра устремлена в будущее. Ее проблемы обретают смысл только как проблемы движения к будущему, завоевания этого будущего, оценки этого будущего. Хотя само повествование может и не содержать в себе четкого подразделения времен, четкой ориентации именно в будущее, а лишь анализировать в лучших традициях сэра Томаса Мора соотношение реального и должного (что мы и находим во многих литературных утопиях нашего времени), но именно формула должного является здесь, по аналогии с тем, как когда-то у Т. Мора и Т. Кампанеллы, подлинным раскрытием будущего. Различие в том, что понятие «должного» было у Т. Мора и Т. Кампанеллы лишь развитием моральной догмы, тогда как в современном социально-фантастическом романе должное опирается не только на эмоции, но в решающей степени на научное социальное знание.

Всякая общая, абстрактная идея, поставленная в центр повествования подобного рода, уже в силу своей гипотетичности неизбежно смотрит в будущее. Гипотетическая идея всегда закономерно более свободно перемещается во времени, чем в пространстве. Любая идея всегда четырехмерна: кроме параметров пространства она всегда зада-

на и параметром времени. Гипотетическая же идея прежде всегда задана именно и обязательно в параметрах времени. Это и делает произведения современной литературной утопии, произведения научно-фантастические в какой-то мере обязательно и прогностическими. Возможность свободного движения идеи во времени, а не сами по себе технико-научные вымыслы и домыслы, придают прогностическое звучание художественной литературе подобного рода. Эта ориентированность в будущее – свойство не только и не столько самой по себе литературной формы, но прежде всего свойство идеи, поставленной в центр повествования и подчинившей себе его литературную форму.

Литературно-художественные особенности научной фантастики, внутренние критерии ее художественности и мировоззренческой направленности, по которым можно было бы отличить истинную «классику» от сиюминутных и кратковременных сенсаций, само содержание понятия «классика» применительно к этому методу литературного творчества и т.п. – все эти проблемы еще ждут своего исследования. Серьезное, научное литературоведение в вопросах исследования новых явлений в литературно-художественном творчестве (и особенно в исследовании расцвета документально-мемуарного жанра, детектива, фантастики) проявило пока лишь такую приверженность к старому, привычному, традиционному, которая более присуща толкователям священных писаний, чем адептам современной науки. Однако время делает свое, и идея о том, что «новое время – новые песни», прокладывает себе дорогу и в отношении литературно-художественного воплощения современной утопии в облике современной научной фантастики.

Глава III

МОДЕЛИ И МИРАЖИ СОВРЕМЕННОЙ УТОПИИ

...И вот мы посылаем разведчика... исследователя... У разума нет массы, и на такое путешествие не нужно времени. Разведчик сообщает, что и как.

Джон Уиндем

...За последние 30 лет в десятках тысяч рассказов и романов исследованы все мыслимые варианты будущего – и большая часть немислимых тоже...

Артур Кларк

...Реальность принялась подражать моим книгам и готова меня заменить...

Герберт Уэллс

Основными функциями утопии, как мы уже писали выше, являются сплетенные воедино ретроспекция и прогноз. Приступая к непосредственному исследованию созданных утопией моделей и миражей общественного устройства, нам необходимо оговорить несколько частных особенностей реализации функций ретроспекции и прогноза в современной литературной утопии в облике научной фантастики.

Задачи прогноза выполнялись традиционной утопией, как мы уже писали выше, весьма условно. Автор утопии скорее писал о должном состоянии общества, чем о действительно предполагаемом будущем. Конечно, должное – это, в известном смысле, всегда будущее. Но только в известном – и весьма ограниченном – смысле. Ретроспективная оценка современности фактически доминировала в традиционной утопии, даже когда она весьма подробно изображала будущее: и в этом случае предполагаемое будущее служило прежде всего для нахождения отправных точек оценки настоящего.

В современной научной фантастике значение прогностической функции изменилось. Дело в том, что построение научных долгосрочных социальных прогнозов сегодня является объективной необходимостью. Человечество настолько вплотную подошло к необходимости планомерного управления социальным развитием, что отсутствие строгого научного долгосрочного социального прогнозирования могло бы сейчас составить угрозу самому существованию рода человеческого. Поэтому функция синкретического прогноза и интуитивного прогнозирования на грани возможностей науки должна сейчас считаться одной из основных функций научной фантастики.

Было бы, однако, неверно переоценивать прогностическую функцию научной фантастики. Чаще всего основанием для прогноза служит либо интуитивное и неполное знание перспектив развития, либо выбор (зачастую весьма произвольный) автором одного из многих возможных вариантов развития. И хотя ценность самостоятельных прогнозов научной фантастики качественно возросла, она сохранила диалектическое единство прогноза и ретроспекции, оставшееся ей в наследство от литературной утопии. Однако столь же ошибочно было бы и недооценивать ее прогностических возможностей. Эффект целостности, как мы уже писали ранее, обеспечивает относительную ус-

пешность интуитивного воспроизведения неизвестного (в том числе и будущего), при научно обоснованных отправных точках реально существующих тенденций.⁵⁷

Среди безбрежного океана современных произведений научной фантастики, о которых тот же Артур Кларк очень образно сказал, что за последние десятилетия ими «...исследованы все мыслимые варианты будущего – и большая часть немислимых тоже» (Указ. соч. С. 19), мы выбрали для анализа лишь немногие, наиболее характерные с точки зрения исследуемых нами вопросов.

Субъективные целевые установки авторов рассматриваемых произведений нам при этом сравнительно безразличны. Логика какого-либо предмета обычно далеко уводит своего исследователя от его субъективных исходных посылок. В утопии это тем более часто имеет место: достаточно вспомнить сэра Томаса Мора и преподобного Томазо Кампанеллу: если они никогда и не помышляли, так это о титулах отцов утопического прогнозирования и, в чем-то, утопического социализма. Это ни в какой мере не уменьшает их достоинства и не снижает их великих исторических заслуг. Скорее, наоборот. Попросту перед нами разительный пример закономерного хода истории, необходимо «выбирающей» в нужный момент исполнителя своих законов, но «забывающей» обычно разъяснить своему «избраннику» смысл его великой исторической миссии...

⁵⁷ «Я вовсе не собираюсь утверждать, что среди читателей научной фантастики найдется больше 1% людей, способных стать пророками, заслуживающими доверия; но я действительно считаю, что среди таких пророков почти 100% окажутся либо читателями научной фантастики, либо писателями-фантастами» (Кларк А. Черты будущего. М.: Мир, 1966. С. 19). Кларк далее очень резонно говорит о роли фантастики в «расшатывании» застойных, традиционных представлений, как о необходимой психологической подготовке успешного осмысления нового, успешной прогностической деятельности (Там же. С. 40-41).

§ 1. «Общество благоденствия»

в зеркале утопии

...Хотя в основе всех утопий лежит благоденствие человечества, все они значительно отличаются друг от друга...

Герберт Уэллс

...А после этого мы, ничего так не жаждавшие, как покоя, увидев нашу мечту идеально осуществленной, тут же почувствовали к ней отвращение. Кажется Платон сказал: «Несчастный – он получил то, к чему стремился».

Ст. Лем

Проблема «общества благоденствия» – центральная проблема всякой, в том числе и современной, утопии. Об «обществе благоденствия» в традиционной утопии специалистами разных наук написаны горы книг, и нам нет необходимости здесь писать об этом более подробно. Другое дело – современная литературная утопия. Анализ «общества благоденствия» в современной литературной утопии практически пока был отдан на откуп литературоведам на том лишь основании, что современная литературная утопия воплощена в научной фантастике.

Изобилие как цель в утопии

Традиционная утопия (включая утопии XIX века и даже часть утопий начала XX-го) либо искала пути подхода к «обществу благоденствия», либо описывала его в качестве цели социального развития, социального действия. Не говоря уже о «Красной Звезде» А. Богданова (1908 г.), в 20-е и 30-е гг. литературная утопия даже в СССР все еще изображала «общество благоденствия» – коммунистическое общество – как состояние изобилия мате-

риальных благ прежде всего. В какой-то мере материальное изобилие превращается в литературных утопиях того времени (Б. Никольского, Э. Земковича, Я. Окунева, Я. Ларри, А. Беляева и др.) в самоцель. Достигнув состояния материального изобилия, общество прямо и непосредственно противостоит природе – и только природе. Внутрисоциальные проблемы попросту сами собой устраняются, коли уж достигнуто материальное изобилие.

Если Мор и Кампанелла считали, что основой «общества благоденствия» должны быть «духовные» нормы справедливости и морального совершенства прежде всего, то затем, в последующем развитии традиционной утопии, понятие «благоденствия» прочно отождествилось с понятием изобилия основных предметов потребления. Изобилие стало восприниматься как единственная предпосылка само собой, автоматически развивающегося из нее абсолютного социального и нравственного совершенства.

Весьма любопытно, что буржуазная антиутопия («Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла и др.), демонстрируя свое негативное отношение к идеям социализма, фактически на первый план выдвинула принципиальную недостижимость изобилия в общественном производстве. Все прочие – политические, идеологические, моральные – негативные, с их точки зрения, свойства социалистического общества авторы этих антиутопий выводят из недостижимости общего высокого благосостояния. У Е. Замятина речь идет об абсолютизированной рационализации, у Дж. Оруэлла – об иррациональности общественных отношений социализма, но оба эти варианта негативного устройства общества (сами по себе противоположные друг другу, что уже свидетельствует отнюдь не в пользу общих концепций авторов этих антиутопий) исходят в конечном счете из невозможности, якобы, разрешить в его условиях такого общества экономические проблемы.

Успехи социалистического строительства в СССР и других странах социалистического лагеря, быстрое развертывание научно-технической революции, становление в СССР зрелого социалистического общества осветили по-новому проблему достижения изобилия материальных благ. Из отдаленной, общесоциальной цели она стала для стран социализма конкретной, прикладной собственно экономической задачей. В условиях же современного буржуазного общества рост производства материальных благ лишь обострил его социальные кон-

фликты, поставил это общество перед еще более острыми, чем прежде, и практически до конца не разрешимыми в рамках этого общества противоречиями. Общественная оценка проблемы благосостояния как необходимого атрибута «общества благоденствия» приобрела, соответственно, ряд новых смысловых оттенков.

Создание производственных возможностей обеспечения изобилия – не самоцель, но лишь средство. Изобилие материальных благ в условиях коммунистического общества составляет предпосылку, базис, исходный пункт последовательного развития и разрешения всех существующих и вновь возникающих на его основе социальных проблем. Однако представление о том, что на базе изобилия материальных благ все социальные проблемы решаются сами собой, чисто автоматически, а новые возникнуть попросту не могут, заведомо ложно.

Что же касается буржуазного общества, то чем выше в нем уровень производства материальных благ, тем острее проблема коренной и неустранимой неравномерности распределения материального богатства, тем очевиднее несовместимость самого типа общественных производительных сил с определением социального положения и социальных ролей личности по ее имущественному статусу, тем очевиднее несостоятельность буржуазных ценностей жизни, ставящих сам по себе материальный достаток и материальный интерес отныне и во веки, во главу угла, абсолютизирующих его.

Изобилие как социальная проблема

Развитие материального производства, потенциально способное обеспечить изобилие потребительских благ, создает целый ряд не только производственных проблем, которые непосредственно в самой сфере производства и одними только средствами производства и научно-технического прогресса не могут быть решены.

Существование общества в условиях всеобщего изобилия требует вполне определенной социальной системы – коммунистической, – ибо в границах какой-либо другой социальной системы оно просто не может существовать как таковое в своем наиболее полно реализованном виде. В буржуазном обществе проблемы, порождаемые потенциально назревающим изобилием (которое могла бы дать сама по себе техника), оказываются в рамках старых социальных отношений неразрешимыми и вызывают лишь предельное обострение соци-

альных конфликтов. Это обострение социальных конфликтов отнюдь не одинаково отображается в творчестве различных авторов. Но хотя бы они того или нет, в конечном счете, все они сходятся в одном: изобилие порождает известного рода тупик, ибо теряется цель социальной активности индивида, социального движения и социального развития общества. Вещественное богатство в качестве самоцели враждебно духовной жизни человека; оно низводит духовную жизнь человека лишь к роли средства его достижения, переворачивая тем самым истинное соотношение вещей с ног на голову. Эту (по сути временную) тупиковую ситуацию может преодолеть, освободив обществу путь для дальнейшего развития, только социалистическая революция.

Прогрессивная литературная утопия Запада достаточно остро ставит проблему смысла человеческого существования в условиях предельного развития производства, которое потенциально способно обеспечить материальное изобилие, но не способно само по себе, без коренного изменения социальных отношений, придать жизни истинный глубокий смысл, разрешить социальные антагонизмы буржуазного мира, выдвинуть новые, более высокие, чем простая сытость, жизненные идеалы и ценности.

«451° по Фаренгейту» Рея Бредбери: чем выше техника, тем жестче и свирепей диктатура безмыслия, бездушия, слепого повиновения государственно-монополистической верхушке и военщине, задающим цели функционирования этого опустошенного, расчеловеченного мира. Удержать это лишенное внутреннего смысла общества в повиновении можно лишь отняв у него источники какой-либо серьезной информации, лишив его стимулов к мышлению, подавив крайней жестокостью самые робкие попытки задуматься над судьбами человеческого существования, над проблемами устройства этого общества. Его естественный конец – гибель под бомбами в бессмысленной, развязанной во имя каких-то иррациональных целей войне.

«Потребители» Маргарет Сент-Клер: ярко раскрашенный потребительский «рай», не более осмысленный, чем общество, о котором пишет Бредбери в «451° по Фаренгейту», но более красивый внешне, с лучше замаскированной (хотя отнюдь не менее жесткой) тиранией, направленной, правда, не на подготовку к войне, а на стимулирование пусть бессмысленного, но максимального потребления.

Иначе – без этого потребления, ставшего в погоне за прибылями самоцелью, – все существование нарисованного Сент-Клер общества изобилия потеряло бы смысл.

«Сделай сам» Клиффорда Саймака: вырвавшаяся в мире конкуренции (и именно из-за конкуренции) из-под контроля автоматическая техника, наделенная искусственным разумом, делает фактически бессмысленным существование человека, ибо он превращается в куклу в руках у роботов. Это – нежно любимая кукла. Все усилия роботов направлены на заботу о ней, но она – только кукла для оживших вещей, только объект забот автоматов.

«Утопия 14» Курта Воннегута-младшего: повесть о том, как в условиях государственно-монополистического капитализма был доведен до логического завершения процесс автоматизации и кибернетизации общественного производства, и как в результате этого для человека не осталось места на Земле.⁵⁸ Дело не в том, что не хватает средств к существованию: они есть и их можно было бы производить еще больше, если бы не стремление сохранить в распределении потребительских благ различия между технократическо-бюрократической верхушкой и широких масс людей, не находящихся себе дела, занятия, целей жизни. Дело именно в потере смысла жизни, ее духовного содержания, ее человеческих целей.

В этих и в множестве других неупомянутых нами научно-фантастических произведений сквозит отчетливая идея, что те целевые функции, под воздействием которых развивается производство и техника при капитализме, неизбежно приводят общество в тупик, приводят к потере главных ценностей, которые человечество завоевало с огромными жертвами и которые, в конечном счете, собственно-то и поднимают людей над миром животных.

В западной научной фантастике прогрессивного направления четко доминирует ретроспективный аспект оценки настоящего: абсолютизация богатства, абсолютизация материальных ценностей, возведение потребления в ранг идеологии, в ранг смысла жизни, порожденные капиталистическим строем, неизбежно ведут к деградации человека и человеческого. Прогноз во всех этих направлениях

⁵⁸ Дословная формулировка идеи романа, взятая из предисловия И.В. Бестужева-Лады к его изданию в СССР. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 14; Биб-ка современной фантастики. Т. 12.

занимает лишь безусловно подчиненное по отношению к ретроспекции положение.⁵⁹

Современная научная фантастика социалистического направления рассматривает материальное изобилие лишь как средство дальнейшего социального и духовного развития человечества, дальнейшего социального совершенствования, а не как самоцель. А пути достижения материального изобилия сегодня являются для социалистического мира объектом конкретного и реального экономического и социального планирования, а не предметом утопий.

Мы не найдем ни одного сколько-нибудь значительного научно-фантастического (социалистического направления) романа 60-70-х годов, где бы рассматривались именно и только пути достижения изобилия или изображение изобилия было бы самоцелью. Если же само достижение изобилия все же и рассматривается в качестве проблемы, то только лишь в свете какого-нибудь гипотетического социального (или научно-технического) решения, способного либо ускорить, либо замедлить наступление материального изобилия.

Однако стремление ограничиться проблемой изобилия, стремление освещать достижение изобилия как истинный и полный финал человеческих устремлений и социальной истории еще не изжито до конца в научной фантастике социалистического направления. Однако такое общество выступает перед читателем как мир неподвижной и застывшей идиллии. В нем нет вообще никаких противоречий – и никакого движения вперед: двигаться и некуда, и источника движения нет...

Такого рода научная фантастика по своему истинному содержанию содержит не столько попытку образного моделирования гипотетических проблем, дополняющую научные представления о развитии общества, сколько как попросту ненаучную и соответственно мировоззренчески иллюзорную концепцию социального развития, для которой нет никаких оснований. Фактически, в такого рода случаях, мы сталкиваемся с прямыми рецидивами донаучных, домарксистских представлений об обществе, давно пройденных в историческом становлении нашего научного мировоззрения.

59

«...Лучшие художники Запада отчетливо видят и отражают недостатки и трагедии окружающего их общества, но вторая конструктивная половина творческого созидания закрыта для большинства из них, особенно в научной фантастике, вследствие непонимания марксистско-диалектических закономерностей общественного развития» (Ефремов И.А. Предисл. к кн. Стругацких А. и Б. «Хищные вещи века». М.: Молодая гвардия, 1965. С. 5).

К сожалению, отдельные вкрапления такого подхода пока встречаются, как мы уже отмечали выше, еще довольно часто в научной фантастике. Они имели место даже в творчестве столь тяготеющего к безусловной научности, глубокого и серьезного автора, как И.А. Ефремов. Но в некоторых случаях мы имеем дело с произведениями, которые практически уже целиком базируются непоследовательных и неправомερных в системе нашего научного марксистского мировоззрения посылок. При этом их авторы субъективно, конечно, могут руководствоваться самыми лучшими намерениями, однако, объективные результаты их творчества по своему истинному идейному содержанию оказываются в своих существенных аспектах принципиально ошибочными. В качестве характерного примера такого произведения можно привести повесть С. Жемайтиса «Вечный ветер» (М.: Детская литература, 1970). Книга эта – типичный пример откровенно и прямолинейно идиллической утопии. Фактически предметом изображения служит идеальное (вернее, идеализированное) настоящее, продолженное вперед по оси времени по методу простейшей линейной экстраполяции, простого переноса. В будущем, каким его изобразил С. Жемайтис, решены все наши социальные проблемы, сняты все противоречия нашего времени и не возникли, да по идее автора и не должны, не могут возникнуть, новые. Любовные коллизии – единственное обстоятельство, осложняющие жизнь в этом утопически-идиллическом будущем, – вряд ли могут быть отнесены к особым чертам именно будущего или к разряду новых социальных проблем, тем более, что даже в изображении любовных отношений автор всячески стремится уйти от конфликтов. Книга весьма обстоятельно рисует картины моря, они в ней интересны и поэтичны, но социальное будущее низведено в книге до роли лишь литературного антуража для описания все того же моря.

Будущее в книге С. Жемайтиса – не более, чем фон, причем фон окрашенный в совершенно ровные, абсолютно и безусловно розовые тона. Возможно, это могло бы показаться терпимым читателю, совершенно неискушенному в современных идеологических проблемах, однако, по нашему мнению, столь упрощенно идиллическая трактовка проблемы будущего как раз именно с идеологических позиций отнюдь сейчас не настолько невинна, как это могло бы показаться.

Будущее в настоящее время – объект не только достаточно реальных и глубоких научных изысканий, но и объект самой острой, самой ожесточенной идеологической борьбы. Современный человек, как мы уже отмечали выше, с помощью изображаемого и в научной литературе, и в научной фантастике гипотетического предвидимого будущего прежде всего ретроспективно оценивает настоящее. Только уж очень наивный и несведущий в социальной проблематике читатель мог бы серьезно воспринять изображение будущего в тонах абсолютно розовой гармонии и идиллии. Нельзя сказать, чтобы таких читателей уже совсем не осталось: пока они еще не столь уж редки. Однако по мере роста социального знания и социального самосознания, на развитие которых направлена вся идеологическая политика, все более широкие круги читателей будут испытывать растущее недоумение и разочарование по отношению к столь упрощенному и плоскому изображению будущего. Вольно или невольно, такое представление об обществе изобилия несомненно является идеологической иллюзией, которая уводит читателя от активного отношения к жизни, от творческого, критически-созидательного отношения к ней.

Дело здесь совсем не в оттенке – светлом или темном, – в который должно и может быть окрашено будущее. Наше общее отношение к будущему в принципе диктуется его научно-оптимистическим марксистским пониманием. Даже наполненные критическим пафосом произведения научной фантастики, романы-предупреждения авторов, стоящих на позициях социалистического мировоззрения, в конечном счете всегда необходимо оценивают будущее оптимистично, подвергая сомнению и негативно оценивая не генеральную линию развития общества, а какие-то частные рецидивы старого в новом, какие-то гипотетически потенциально возможные отклонения, гипотетические боковые ветви развития и т.п.

Существенный недостаток книги С. Жемайтиса именно в «безоттеночности» (сиречь в беспроблемности) изображения нашего гипотетического будущего. Мировоззренческий утопизм заключен здесь именно в беспроблемности, а не в оптимизме, который сам по себе в принципе безусловно правомерен. Книга «Вечный ветер» в той части, где идет речь о будущем, представляет собой не столько литературную утопию как особый род художественной литературы, сколько мировоззренче-

скую утопию, возвращающую нас по существу к домарксовому социализму.

**«По ту сторону»
изобилия...**

Представление о том, что коммунистическое изобилие чисто автоматически обуславливает решение всех остальных социальных проблем – от проблемы стимулирования труда до проблем самореализации личности, проблем ее этических норм и т.п. – заведомо ложно. Этот упрощенный, механистический вариант «экономической эволюции» в какой-то мере является продолжением столь популярного в буржуазной научной фантастике «технологического эволюционизма». В этих представлениях о социальном развитии техника понимается не как конечная предпосылка развития общества, осуществляющая свои функции лишь путем сложного опосредования через производственные отношения и т.п., а как прямая и непосредственная основа социальных изменений на всех без исключения уровнях жизни общественного человека.

В научной фантастике социалистического направления первый внушительный удар по «экономическому эволюционизму» был нанесен научно-фантастическим романом И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957 г.).

Основной прогностический аспект «Туманности Андромеды» состоит в четкой формулировке общего представления о коммунизме как об «обществе благоденствия» со своей собственной динамичностью, со своими внутренними проблемами (хотя и не до конца понятными и читателю и автору: он лишь попытался их нащупать).

И.А. Ефремов поставил перед собой задачу дать полную, исчерпывающую картину своего варианта общества будущего: показать соотношение техники и человека, место освоения космоса в человеческом существовании, систему общественного производства и систему управления обществом в целом, изобилие и потребности, систему ценностей и духовный мир индивидуума, систему образования и институт семьи и брака, место личности в социальном развитии, систему норм и систему наказания и т.д. и т.п.

«Туманность Андромеды» по своему универсальному охвату проблем «общества благоденствия» в чем-то очень близка к традиционной утопии, но, вместе с тем, безусловно принадлежит к Новой Утопии по соотношению утопических и научных представлений, по методоло-

гии прогноза, а самое главное – по своему подходу к решению поставленных в ней проблем. Причем, как всякая истинная утопия, «Туманность Андромеды» существенно опередила науку своего времени по целому ряду моментов (и во многом до сих пор еще продолжает опережать, хотя после ее выхода в свет прошел огромный срок – более 15 лет).⁶⁰

Нет необходимости особенно подробно писать о «Туманности Андромеды»: наверное, нет ни одного серьезного читателя социально-философской научной фантастики, который бы ее не знал, нет ни одного серьезного исследования по истории и теории советской научной фантастики, где бы не писали о ней, где бы не было на нее ссылок. Лучшее в традиции социально-утопического научно-фантастического романа 20-30-х годов не просто возродилось здесь, а было поднято на новую ступень, было существенно развито в новых условиях.

Было бы вместе с тем неправомерно изображать дело таким образом, что быстрое развитие советской литературной утопии в облике научно-фантастического романа или повести в 50-60-е года, открытое «Туманностью Андромеды», представляет лишь прямое и непосредственное развитие лучших традиций 20-30-х годов. «Туманность Андромеды» возникла не без учета негативного опыта научной фантастики 40-х годов, возникла как идейное отрицание и преодоление этого печального опыта.

Сколько-нибудь реальные и серьезные социальные проблемы общества будущего как-то «сами собой» уходят из научной фантастики 40-х гг., в лучшем случае уступая свое место так называемой «научно-технической утопии». Авторы научно-фантастических произведений того периода, по удачному выражению А.Ф. Бритикова, «...словно прячутся от будущего» («История русского советского романа». Кн. 2. М.-Л.: Наука, 1965. С. 365). Это был по своей сути эпигонский возврат к весьма далекой от научного коммунизма идее автоматизма и прямолинейности социального развития вслед за научно-техническим прогрессом. Да и само понимание научно-технического прогресса получало в произведениях В. Немцова, А. Студитского,

⁶⁰

Весьма любопытно, что именно представители общественной науки – конечно, некоторые, а не все, – встретили книгу И.А. Ефремова в штыки. Опережающий эффект истинной утопии был здесь налицо во всей своей полноте. Причем многие, критиковавшие тогда И.А. Ефремова, к настоящему времени в своих научных исследованиях полностью встали на его точку зрения, ранее объявлявшуюся ими в качестве совершенно неприемлемой.

В. Охотникова, В. Сытина, В. Сапарина и др. поразительно плоское отражение. Мелочи, частности, элементарно инженерные решения изображались много более значимыми, чем... теория относительности, освоение космоса и т.п. Даже более ранние произведения (20-30-х гг.) – Я. Окунева или В. Никольского, А. Беляева или Я. Ларри – в своем собственно прогностическом звучании были много выше и глубже примитивной и научно ограниченной фантастики 40-х гг. Отдельные исключения не могли тут ничего изменить.

В какой-то мере это может быть объяснено самими социально-экономическими условиями периода восстановления страны после тяжелейшей войны. Но в определенной (и может быть решающей) степени здесь сказался ряд допущенных в те годы принципиальных идеологических ошибок.

Несомненным достоинством «Туманности Андромеды» явилась попытка показать будущее не в виде застывшего неподвижного идеала, а в качестве противоречивого, проблемного и драматического процесса. Не все удалось здесь И.А. Ефремову, однако, общая идея бесконечности общественного процесса, общий исторический оптимизм, опирающийся на научное понимание развития общества и т.п., является безусловным и главным достоинством его книги. Герои «Туманности Андромеды» были полной противоположностью скучно схематичным героям В. Немцова, А. Казанцева, А. Студитского. Перед нами оказались живые, не стандартные, не похожие друг на друга, очень не простые и вместе с тем привлекательные – каждый по-своему – люди будущего. В их обрисовке было много спорного, порой и прямо сомнительного, но они были достаточно убедительными «людьми из будущего», как мы это будущее можем себе сегодня представить. И, вместе с тем, это были не супермены, а живые люди, продолжающие и развивающие в себе лучшие черты наших современников. Можно было бы не согласиться с той или иной стороной их образа, но во всех случаях читатель воспринимает их в качестве реальных персонажей, воспринимает их вполне серьезно, чего никак нельзя сказать о многих героях фантастики 40-х годов.

В «Туманности Андромеды» оказалась, в частности, нарушенной ложная традиция идиллического изображения творческого труда в развитом коммунистическом обществе. Творческий труд здесь изображен как глубоко увлекательный, напряженный процесс поисков и

решений, как сложившаяся в полной мере первая жизненная потребность (никак при этом не умаляющая развития других потребностей, других форм жизнедеятельности). Однако в «Туманности Андромеды» творческий труд предстал перед нами и с другой своей стороны: как сфера острых коллизий, сфера драматических и даже трагических событий, арена бескомпромиссного столкновения различных взглядов, этических принципов, различных интересов, целей и характеров. Все эти коллизии, по мнению И.А. Ефремова, не являются наследием или пережитком предшествующих периодов. Они трактуются как органичные именно для коммунистического общества, как его понимал и изображал И.А. Ефремов.

Изобилие и человеческие ценности

Изобилие существенно снижает роль самих по себе экономических стимулов прогресса общества и должно поэтому выдвинуть на их место какие-то иные стимулы общественного развития. Экономические отношения при этом отнюдь, конечно, и в коммунистическом обществе изобилия не теряют роль базисных. Однако сам смысл изобилия состоит в том, что общество решило свои экономические проблемы, и центр тяжести активного развития, активное движущее начало общественного прогресса перемещается в какие-то другие сферы общественных отношений, опирающиеся на экономические отношения в качестве базисных, но отнюдь не сводимые прямо и непосредственно только (или даже преимущественно) к экономике. Экономическое развитие общества по мере становления материального изобилия и по мере вызревания коммунистических производственных отношений все в большей степени становится лишь предпосылкой собственно социального развития, лишь средством для этого развития, лишь его необходимым условием, но не может быть самоцелью. В центре истории стоит человек во всей полноте его собственно человеческих свойств, а не только «экономический человек». Экономическое бытие личности всегда было и будет базисным, но саморазвитие базиса не может оставаться всегда и только главной целью сознательного действия общественного человека. На определенном этапе истории – в условиях коммунистического будущего – оно вполне закономерно становится лишь средством, предпосылкой, условием.

Идея эта стоит пока далеко еще не в центре собственно научных изысканий, но для современной литературной утопии в облике научной фантастики она стала уже неотъемлемым атрибутом ее подхода к проблеме «общества благоденствия».

Приведем несколько типичных и характерных примеров.

В повести Е.Л. Войскунского и И.Б. Лукодянова «Плеск звездных морей» (1970 г.) все действие перенесено прямо и безусловно в будущее. Авторы пытаются дать его вполне достоверную картину и здесь налицо очевидное преобладание прямого прогноза. Прогностические аспекты и здесь, конечно, неотделимы от соотнесения гипотетического будущего с нашим временем, неотделимы от ретроспективной оценки современности, однако, в значительной мере описание именно самого гипотетического будущего вынесено на суд читателя.

Мир будущего оказался у Е. Войскунского и И. Лукодянова живущим полноценной и разносторонней жизнью. В центре этой жизни стоит творческий напряженный труд, увлеченность своим делом. Однако творческий труд и здесь показан не как идиллия, а как проблема. Одержимому мечтой о полете к звездам, главному герою романа приходится для осуществления своей цели преодолевать не только сопротивление природы, но и так называемую прозу жизни, неверие и сопротивление в общем-то, с нашей точки зрения, безусловно хороших людей... Его нравственная победа над жизненными обстоятельствами и над самим собой состоит в том, что к тому времени, когда становится возможной практическая реализация его прежней мечты, он сумел осознать ложность представления об исключительности того или иного дела, той или иной профессии. В обществе изобилия складывается внутренняя равноценность творчества для личности: нет для нее такого дела в этом новом, более человечном мире, которое само по себе было бы выше и лучше других. Корабль уходит к звездам без него. Корабль должен идти к звездам: в этом заключена общественная необходимость. Но для героя повести – это не поражение, а его победа: сегодня он уже нужнее людям в другом месте и это приносит ему самому столь же глубокое удовлетворение.

Постановка и весьма убедительное решение в романе Е. Войскунского и И. Лукодянова проблемы социальной равноценности для личности любого направления творческой деятельности в обществе изобилия, убедительный показ ряда сторон внутренней конфликтности твор-

ческого труда составляет, по нашему мнению, одно из главных достоинств книги. Проблема иерархии творческих профессий – сложная и трудная проблема не только для гипотетического будущего, но и для реальной современности. Трудно сказать, например, выиграли мы или проиграли в конечном счете от того, что десятилетиями привлекали самых способных и талантливых молодых людей в атомную физику, в ракетное дело, в авиатехнику и т.п., отвлекая их при этом от внешне не столь броских профессий учителей или врачей? На наш взгляд, имеются достаточные реальные основания думать, что, может быть, и проиграли...

Еще в начале 60-х годов, еще до первого полета человека в космос, А. и Б. Стругацкие в повести «Возвращение» (переизданной в дополненном и переработанном виде в 1967 г.) очень резонно писали: «...наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космонавтики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ – зоопсихологи, а врачи и учителя» (с. 15). Проведенные в 1970-71 гг. под нашим руководством массовые эмпирические социологические исследования показали, кстати сказать, справедливость этого утверждения не только для гипотетического XXII века, о котором идет речь в повести, а уже и для наших дней.

«Возвращение» А. и Б. Стругацких отличается от аналогичных утопий И. Ефремова, Е. Войскунского и И. Лукодянова тем, что акцент здесь сделан на описание моральных качеств, духовного облика человека будущего. В «Возвращении» показано развертывание определенных чисто человеческих качеств личности, формирующейся под воздействием социального мира, не отягощенного узкими утилитарными целями, не отягощенного эгоистическими мотивами человеческой деятельности, мира, где изобилие материальных благ – не более, чем средство.

Основным мотивом развития изображенного в «Возвращении» мира все еще остается динамизм освоения внешнего пространства, свойственный любой «экономической» цивилизации. Не случайно братья Стругацкие помещают мир своей утопии на тысячелетие ближе, чем И. Ефремов. XXII век – это сегодня уже почти конкретная реальность, срок, звучащий конкретно исторически. XXX же век И. Ефремова – это, по существу, «безвременье прогноза»: средство для показа гипотетического и идеализированного мира в принципе, а не

способ сколько-нибудь точно датировать какие-то его координаты во времени.

В интересной и весьма живо написанной повести А.И. Мирера «У меня девять жизней» (1969 г.) будущее, подходя формально, – вообще не более, чем прием. В повести воспроизводится не реально предполагаемое будущее, не какие-либо его возможные проблемы, а гипотетический мир, «параллельный» нашему. Параллельный не столько в физическом смысле (что обыграно как раз в сюжете повести), сколько в смысле принципиальной основы его существования, его отношения с внешней природой, его внутренней сущности. С помощью фантастического устройства герои повести попадают в мир, который якобы существует где-то «рядом», где-то в гипотетическом суперпространстве «соприкасается» с нашим. Основой существования этого «параллельного» мира является не машинная техника и технологии, как в нашей цивилизации, а глубокое овладение биологическими закономерностями окружающей природы, овладение биологией самого человека. Это обуславливает определенные особенности в социальном устройстве этого мира, его весьма своеобразную культуру, своеобразный тип личности, тип жизнедеятельности, свой особый образ жизни.

Не все аспекты этой весьма плодотворной и интересной идеи «биологической цивилизации» доведены автором до конца, не все логически увязаны между собой. Однако, в конечном счете здесь удачно дан целостный образ иного мира, о котором нет нужды судить, хуже он или лучше нашего: он просто «другой». Художественная картина «другого» мира, «другой» жизни получилась весьма впечатляющей и яркой. И хотя связь с реальным будущим в повести А. Мирера кажется минимальной – все с первого взгляда сводится лишь к гипотезе «другого», параллельного нашему миру, – однако фактически прогностическая сторона научной фантастики (ее необходимое свойство) реализовалась и здесь.

Вчитываясь и вдумываясь в содержание повести А. Мирера, мы наглядно ощущаем, как много теряет пока наша цивилизация из-за ее «механицизма» (или «машинизма»), из-за относительно пока еще слабого овладения нами биологическими закономерностями природы, функционирования самого человека, наглядно видим, что машинная цивилизация мало способствует углубленному пониманию человека в природу своей собственной сущности. Биологическая цивилизация

ставит человека ближе к природе, порождает ощущение слитности с ней, а не противостояния, как это имеет место в нашей машинной цивилизации. Биологическая цивилизация обогащает его эмоциональный мир, создает предпосылки несравненно более глубокого познания человеком своих собственных физических и духовных потенций, делает его труд во многом более привлекательным, более рациональным, значительно сокращает дистанцию между трудом и другими формами жизнедеятельности. Во многом существенном проигрывая машинной цивилизации, биологическая имеет и много преимуществ перед ней. При этом А. Мирер достаточно убедительно показывает, что центральные социальные проблемы всякой цивилизации – проблемы угнетения и свободы, места человека в обществе, борьбы классов и социальных групп, борьбы знания и суеверия – в принципе едины, на какой бы механизм взаимодействия с природой данное общество не опиралось. Центральной проблемой «общества благоденствия» и тогда, когда оно сложилось на биологической основе, остаются проблемы духовных ценностей, проблемы каких-то высших социальных целей и ценностей, проблемы смысла жизни. В любых условиях материальное изобилие – необходимое и базисное условие существования «общества благоденствия», но оно – не самоцель, а лишь предпосылка развитого человеческого существования.

Самой сильной стороной рассмотренных выше произведений является четкое разграничение двух типов социальной динамики: динамики освоения внешнего для человека пространства и динамики освоения человеком своей собственной внутренней социальной сущности.⁶¹ Конечно, между этими двумя типами социальной динамики нет и не может быть непроходимых граней – они диалектически едины вплоть до взаимопереходов на всем протяжении истории. Однако, вместе с тем, они и существенно различны.

Если на первом, докоммунистическом этапе общественной истории центр тяжести человеческих усилий лежит в борьбе общества с «внешней» природой – в борьбе за материальное изобилие, – то на последующем, собственно коммунистическом этапе истории на пер-

⁶¹ «...Вплоть до последнего времени люди боролись с окружающим их миром; теперь эта борьба угасла, и наши единственные враги – это мы сами...» (Фредерик Пол. Ответ на анкету «Почему я стал фантастом?». В журн.: «Иностранная литература». 1967. № 1. С. 254). «...Человек осознал себя как прозревшую и заговорившую эмоцию вселенной» (Геннадий Гор. там же. С. 263).

вый план выходит борьба с «природой человека», непосредственно связанной с развитием человека как личности, индивида (от его биологии и зоологии до его социальной сущности, структуры его личности и т.п.). Центр тяжести развития общества переносится с освоения «внешнего» пространства существования общественного человека на освоение «внутреннего» пространства его жизнедеятельности. Соответственно этому происходит фиксируемый (хотя и очень по-разному в зависимости от социально-идеологических и методологических позиций) социальной наукой сдвиг в ценностных системах. Материальная обеспеченность все в меньшей степени выступает непосредственно как первостепенная жизненная ценность для личности: на первый план выходит то, что можно назвать (при всей неточности, нестрогости этого термина) комплексом духовных потребностей, духовного развития и самоутверждения человека в обществе.

В своем осмыслении проблемы «общества благоденствия» современная научная фантастика оказалась в полной мере на высоте положения, на высоте своей социальной функции как формы литературной утопии: она сумела поставить проблему коренного изменения направления и целей человеческой деятельности по мере достижения обществом материального изобилия. Она сумела – своими специфическими средствами – поставить в самых различных вариантах проблему извечности социального прогресса общества, диалектичности этого прогресса, проблему становления и развития нового социального мира, – как «отличного от сегодняшнего» состояния, но всегда динамичного, самопротиворечивого, непрерывно развивающегося в процессе самодвижения и разрешения внутренних противоречий.

Современная литературная утопия в облике социальной научной фантастики своими средствами художественного моделирования гипотетических миров сумела облечь в живые образы гениальную идею К. Маркса о том, что создание производственной базы материального изобилия завершает предысторию человечества и создает необходимые условия для его подлинной истории.

§ 2. Личность в «потоке времени»...

...Прежде всего следовало изучить человека. Мы его не изучили; то, что мы о нем знаем – недостаточно; признаемся себе, наконец, что это так.

Ст. Лем

*...Но выше жизни и смерти,
пронзающее, как свет,
нас требует что-то
третье,
чем выделен человек.*

А. Вознесенский

Место личности в утопии

Проблема личности в научной фантастике (как и в литературной утопии вообще) – одна из самых сложных ее проблем. При каждом очередном обсуждении научно-фантастических произведений всегда находится какая-нибудь сентиментальная персона, начинающая сетовать по поводу относительной схематичности персонажей фантастики, относя это к ее «второсортной» художественности, к неумению писателя или его бесчувственности и т.п. Энергия этих сетований (начатых еще во времена Жюль Верна и Герберта Уэллса) направлена не туда, куда следует, и расходуетя пока впустую, хотя есть все основания ожидать, что процесс этот так уйдет в туманную бесконечность будущего, не обогатив нас какие-либо новым результатом.

По нашему мнению, личность героя в научной фантастике, как правило, схематична, абстрактна, усреднена, типизирована, но не по злему умыслу или литературной беспомощности писателя, и не по «нехудожественности» научной фантастики, а по закону метода. «Каждому – свое», – поэтому научной фантастике и утопии в целом суждено раз за разом воспроизводить «персонификацию идей», а не типические индивидуальности вроде Растиньяка, Андрея Болконского

или Григория Мелехова. Такого рода герой увел бы произведение научной фантастики или литературной утопии далеко от его целей, существенно отвлек бы внимание читателя от основной идеи, от цели самой утопии. То, что не литературное мастерство писателей тому виной, достаточно убедительно доказывает опыт, скажем, Алексея Толстого: достаточно сопоставить Вадима Рощина и Мстислава Лося, Ивана Гору и Ивана Гусева, Дашу и Аэлилу... Все они созданы рукою мастера, но каждый в своем роде.

Во всех случаях литературная утопия воспроизводит для своего читателя гипотетическую социальную ситуацию. Ситуация эта необходимо схематизирована: воображение может более или менее последовательно («менее» бывает, к сожалению, чрезвычайно часто) строить общую убедительную картину гипотетического мира, но никакого воображения не хватит на полное и подробное воспроизведение всех предметных деталей этого гипотетического мира.⁶² Да и не только в возможностях воображения дело. Гипотетическая социальная ситуация должна быть воспроизведена в своих главных чертах, проблема же возможной вариативности такой ситуации всегда остается и останется подчиненной стороной вопроса.

Соответственно всему этому и персонаж литературной утопии всегда представляет собой тот или иной гипотетический тип личности, во-первых, в ее наиболее общих и характерных чертах, во-вторых, преимущественно в ее крайних формах, где свойства данного типа выступают наиболее отчетливо, в «чистом» виде. Индивидуализация же персонажа при этом осуществляется лишь в минимальной мере, в какой это вообще необходимо для восприятия его в качестве художественного образа. Утопия и к личности идет преимущественно от общей идеи, а не столько от прототипа, от индивидуальности. Причем так же, как трудно изобразить все детали предметного мира в литературном произведении, так же трудно и дать в нем развернутую картину психологии и внутреннего мира эмоций гипотетической личности,

⁶² Кстати сказать, это – одна из главных причин крайней неубедительности большинства научно-фантастических фильмов. В прозе детали можно обойти, в фильме же их обязательно надо показать. Успех такого рода фильмов, как «На берегу» Стенли Крамера, объясняется (в этой части, конечно, не говоря об их идеях и т.п.) тем, что это фильмы о нашем времени. Гипотетичен только ход событий, ход истории, но не сам по себе предметный мир, не сами по себе персонажи.

живущей в изображенном в этом произведении мире.⁶³ Абстрактность личности в утопии есть не ее художественный порок, а ее специфическое для этого метода, ее необходимое с точки зрения реализуемой функции свойство. Литературная утопия всегда по своей сути должна быть выражением более общей, более абстрактной идеи, чем просто идея типичной реальной индивидуальности в реальных конкретных обстоятельствах. Абстрактные идеи реализуются в утопии не только через конкретное, но и непосредственно тоже.

Утопия исследует личность не столько в ее деятельности в социальном пространстве, сколько в ее состояниях по оси социального времени. Изменения в сущности и положении личности фиксируются утопией как смена ее состояний (а не как процесс), как развернутая характеристика гипотетических ее состояний. Личность в «потоке времени» – таков предмет литературной утопии, в том числе и в облике научной фантастики.

Пожалуй, наиболее обстоятельно исследует литературная утопия проблему взаимоотношений личности и общества. Она пытается прежде всего рассмотреть противоречие между массовостью (в смысле: многолюдности, многочисленности) современных и будущих обществ и самоценностью, потребностью в самореализации каждой отдельной личности. Литературная утопия (особенно непосредственно исследующая проблемы будущего) пытается найти ответ на вопрос о так называемой социальной формуле человеческого счастья: можно ли создать такое общество, где не только индивидуальное в судьбе, в жизненных обстоятельствах, в жизненном везении, а именно общие, именно социальные условия создавали бы эффект счастья?

В социальной структуре буржуазного общества преобладающей осью социального статуса, на которой фиксируется социальное положение тех или иных классов, групп, отдельных личностей, является «вертикаль». «Ниже-выше» – таково основное «измерение» уровня социального положения, а его местонахождение, в конечном счете, предопределяется имущественным положением, размером частной собственности. Дифференциация людей по этому внеличностному, «стоимостному» критерию приводит к тому, что возможности само-

⁶³ «...Мы знаем факты, но не можем заранее знать чувства, которые они вызывают» (Лем Ст. Магелланово Облако. М.: Детгиз, 1960. С. 107).

реализации, самоутверждения личности оказываются в решающей степени заранее, еще до того, как она начнет функционировать в качестве самостоятельного субъекта права, predetermined. Это обуславливает относительную узость санкционированного обществом направления самореализации личности, антагонистический конфликт предметной (вещной, стоимостной, денежной) и духовной сторон жизнедеятельности, подчинение духовной стороны жизни ее предметной стороне, трагический и неразрешимый в условиях буржуазного общества конфликт между личностью и обществом.

Консервативная буржуазная утопия, рассматривая перспективу социальных изменений, исходит при этом из абстрактного, внеисторического представления о личности. Практически это приводит к тому, что в качестве эталона человека нам предлагают типичного и традиционного буржуазного обывателя. А с его точки зрения, для его жизненного кредо всякий шаг к социализму, к обобществлению, к коллективному есть подавление его личности, лишение его индивидуальности и т.п. Если рассмотреть под углом зрения социально-утопического прогноза известные антиутопии Е. Замятина, О. Хаксли, Д. Оруэлла, то окажется, что в новом они разглядели только старое, что новое они подменили незаметно для самих себя старым и, обрушиваясь на то, что они сами изображают новым, что им самим кажется таковым, фактически сокрушают старое – свой собственный буржуазный мир, сокрушают не «нового человека», а буржуа в человеке старого, уходящего мира... Парадоксальность жанра литературной утопии обернулась здесь дурной шуткой для авторов многих произведений этого направления. Хочет сам автор литературной утопии или нет, но по логике жанра он всегда фиксирует, всегда отражает назревающие социальные изменения. Это может быть прямое и сознательное отражение нового, означающее (в личном плане для автора) присоединение к нему; это может быть отражение в кривом, искажающем зеркале, когда автор пытается противостоять новому. Однако сама природа нового при этом не может быть изменена никакой кривизной отображающего его зеркала.

Современная прогрессивная утопия Запада, при всей общей широте, разнообразии (а порой и неопределенности) мировоззренческих установок, на которых она осознанно базируется, потому в конечном счете прогрессивна в своей трактовке специфической для уто-

пии проблемы личности будущего и личности в будущем, что исходит из представления о человеке, как мере всех вещей. Даже если логика исторического анализа выводит авторов за грани привычных и понятных им представлений в мир гипотетических явлений, кажущихся им не только непонятными, но и чужими, они остаются верны гуманизму, оценивая весь этот новый мир в целом по положению в нем человека, личности. Затрагивая эту проблему, современная прогрессивная утопия Запада прежде всего вскрывает опять-таки антигуманистическую направленность капитализма, обесценение личности в построенной им социальной системе. Наиболее известные произведения научных фантастов Запада посвящены в большей или меньшей степени этой проблеме, также тесно стыкующейся с проблемой «общества благоденствия». Достаточно сослаться на «451⁰ по Фаренгейту», «Марсианские хроники» и рассказы Р. Бредбери, «Операцию Венера (Торговцы космосом)» Ф. Поола и С.М. Корнблата, рассказы и повести К. Саймака, Р. Шекли, Г. Каттнера и др.

Прогрессивная литературная утопия Запада в своей верности гуманизму способна к восприятию нового, способна к постепенной эволюции в сторону научного мировоззрения. Ее методологическая слабость исходит из ее же сильной стороны: известная абстрактность ее гуманизма приводит к переоценке потенциальных возможностей самой личности в его взаимосвязях с обществом, к недооценке общих социальных изменений, общего социального прогресса, как основы прогресса самой личности. Другая ее слабость – типичная для радикальной интеллигенции – мировоззренческая утопическая иллюзия о том, что к лучшему будущему может быть проложен прямой, светлый и короткий путь.

Личность и общество в мире будущего
--

Утопия последовательно социалистического направления, к сожалению, далеко не полно разрабатывает эту проблему. Далеко еще не преодолена наивная тенденция прямого, упрощенного отождествления личности и общества, тенденция оставить в мире будущего только один вариант несчастливой жизни: безответную любовь. Однако в 60-70-х годах и здесь наметился существенный сдвиг (причем и тут начало было положено «Туманностью Андромеды», где сделаны первые попытки показать более сложный и противо-

речивый характер связи коммунистического общества и личности, чем их прямое отождествление, чем «растворение» личности в обществе).

Наиболее основательно разработана в утопии социалистического направления проблема противоположности принципов соотношения личности и общества в условиях последовательного осуществления принципов коммунистического общежития по сравнению с условиями, в которых так или иначе сохранены элементы буржуазного подхода к этой проблеме.

В качестве примера сошлемся на разработку этой проблемы в романе И.А. Ефремова «Час Быка» (1969 г.).

Идейный замысел романа недвусмысленно раскрывает сам автор в предисловии: «...Не наука и техника отдаленного будущего или странные цивилизации безмерно далеких миров сделались целью моего романа. Люди будущей Земли, выращенные многовековым существованием высшей коммунистической формы общества, контраст между ними и такими же землянами, но сформировавшимися в угнетении и тирании олигархического строя иной планеты, – вот главная цель и содержание книги» (Ефремов И. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 4).

Обличаемый гипотетический мир Торманса – пожалуй, наибольшая удача И.А. Ефремова в «Часе Быка». И.А. Ефремов смог наглядно и убедительно показать, что понятие буржуазности отнюдь не сводится только к определенной форме экономического поведения. Буржуазность – это еще определенный тип сознания, соответственно заданный в отправной точке определенным типом экономических отношений. Это сознание обусловлено экономическими отношениями отнюдь не прямолинейно, и оно сохраняет инерцию своего буржуазного по сути содержания еще очень долго после существенных, коренных изменений в экономическом базисе общества. И.А. Ефремову удалось довести до ума и сердца читателя совсем не очевидный и не просто доказуемый факт, что природа таких явлений как культ личности, отношение к человеку как к средству в социальных отношениях, упоение властью над людьми, жестокость и высокомерие по отношению к ближнему и многое другое суть прямые свойства, прямые порождения буржуазного по своему типу, по своему происхождению и своему содержанию сознания, буржуазного понимания места и роли личности в обществе. Мир Торманса – это не гротескное нагромождение ужасов, порожденных авторской фантазией. Мир этот ужасен

своей буржуазной обыкновенностью. Какими бы исходными благами намерениями, какими бы формальными аргументами, какими бы ложными декларациями и социальной демагогией не прикрывалась буржуазность ее носителями, ее адептами, она всегда останется ужасной и отвратительной, всегда будет несовместимой с подлинно социалистической культурой, социалистическим сознанием.

Описание личности в коммунистическом будущем осуществлено в «Часе Быка» значительно более традиционно и не без рецидивов мировоззренческого утопизма. В этом будущем не ощущается структурность социальной жизни: и личность, и общество как неразделимое целое прямо и непосредственно противостоят лишь природе. Внутренние пружины собственно социального развития (описание которых было слабым местом еще в «Туманности Андромеды») остались и здесь скрытыми от авторского взгляда. Социальные отношения как необходимая форма опосредования при взаимодействии человека и природы здесь не показаны в качестве развивающейся, совершенствующейся системы: абсолютное совершенство достигнуто раз и навсегда.

Характерное проявление утопического взгляда на личность в коммунистическом будущем видно, например, в очень заметной и существенной, но частной, детали: в изображении физического облика людей этого будущего. Все они у И.А. Ефремова ослепительно красивы.

Начнем свои возражения И.А. Ефремову с того, что понятие красоты вообще весьма относительно. Различные этнические типы и сейчас в равной мере оцениваются как «красивые», хотя в тех внешних чертах, которые являются предметом оценки, общего не так уж много. Общее – что все они люди. Можно говорить об их красоте, как об их общем свойстве, главным образом потому, что эта красота может быть сведена к гармонии как главному и общему свойству нормального физического облика человека. С позиции науки в будущем понятие «красоты» становится еще более относительным и даже условным: во все большей степени оно будет сводиться к своей первооснове – здоровью и гармоничности. При этом духовные свойства людей (на фоне общего роста их физического здоровья и развития гармоничности) должны играть все большую роль в формировании индивидуального предпочтения в отношениях между мужчиной и женщиной. Есть все основания предположить, что по своей чисто внешней привлекательности люди будущего произвели бы на наших «конкурсах

красоты» не столь сногшибательное впечатление, какое произвели в романе жительницы Земли на мужское население Торманса...

Трактовка красоты в том буквальном ключе, который мы находим у И.А. Ефремова, – очень типичное проявление рецидива мировоззренческого утопизма в восприятии будущего: будущее мыслится как настоящее, но взятое в превосходной степени одного только положительного, как идеализированное настоящее. Такой акцент на идеализацию свойственен, конечно, не одному только И.А. Ефремову и характерен в том же «Часе Быка» не только при описании женской красоты. С одной стороны, – это общая закономерность целостного восприятия будущего с точки зрения настоящего, но есть здесь, по нашему мнению, и элемент рецидива мировоззренческого утопизма.

**Люди и «боги»
в облике людей**

В обрисовке людей коммунистического будущего в «Часе Быка», пожалуй, особенно достоверно показано их поведение относительно Торманса и тормансианцев. В их действиях и их оценках нет поучительства свысока (неуважительного по отношению и к тормансианцам, и по отношению к читателю), нет злобы. Есть только гуманное сочувствие и понимание, за которыми стоит уважение к чужой истории, уверенность в трудном, долгом, но победном пути тормансианцев к обществу высшего, коммунистического типа.

Подчеркнем, что традиция именно такой трактовки поведения людей будущего при встрече с другими «цивилизациями» укоренилась в советской социально-утопической научной фантастике. Особенной глубиной постановки этой проблемы выделяется повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (1964 г.).

Некоторые, не слишком далекие, критики трактуют коллизии повести «Трудно быть богом» иной раз поверхностно и узко утилитарно: надо ли помогать слаборазвитым странам в их развитии и можно ли помогать? что даст реально эта помощь? как лучше помогать? и т.п. Однако такого рода аспекты – не более, чем самый частный случай той общей мировоззренческой проблемы, которая развернута в повести. Повесть эта – об управлении историей, о месте человека в истории, его роли, его возможностей в ней.

Перед нами картина общества, в котором история настолько еще разделяет «богов», знающих законы истории и понимающих ее цели

(как бы мы не интерпретировали понятие этих «богов»: в буквальном ли соответствии с сюжетом, как тайных посланцев коммунистической Земли в феодально-фашистском Арканаре, или же в соответствии с законами ретроспекции и аллегории, как, скажем, организаторов и идеологов социалистической революции по отношению к вынужденно и закономерно несведущей и косной еще массе крестьян и ремесленников и т.п.), и «людские массы» темных, забитых, наполненных лишь безотчетной и мало управляемой жадной мести и действия, но не имеющих никаких твердых научных ориентиров в утолении этой своей потребности в действии, кроме самых ближайших, самых узких и эгоистических своих интересов людей. Мировоззренческая и культурная (в самом широком смысле этого понятия) пропасть делает предельно трудным единственный выход: соединение осознанных целей у одних и способности своим массовым действием реально творить историю у других. Осознавшие исторические цели – пока еще одиночки, бессильные сразу преобразовать историю общества только одной силой своего знания. Они необходимы для движения вперед, они – ум, совесть и организующее начало этого движения, но они бессильны сразу и в корне повернуть историю только одними своими идеями без опоры на действия масс. Массы же здесь пока еще способны участвовать в революционном действии, руководствуясь скорее ненавистью к прошлому, чем ясным пониманием будущего; массы еще в значительной степени в плену прежнего сознания, превращавшего их в рабов.

История, как показывают братья Стругацкие на примере многострадального Арканара, не может развертываться только как внешний по отношению к личности процесс. Она необходимо представляет собой и процесс внутреннего развития личности, процесс внутреннего освоения личностью сущности и законов изменений социального целого. Без развития нового научного мировоззрения, нового внутреннего самосознания, она, эта личность, не в состоянии последовательно воспринять в качестве своих всеобщие конечные цели социальной революции, не в состоянии отождествить их со своими личными целями и действовать в историческом процессе до конца целенаправленно и сознательно. Пока у масс нет такого самосознания, общие цели истории воспринимаются ими как нечто внешнее, исходящее от авторитета, дарованное свыше, до известной степени абстрактное, а не как свое органическое, кровное.

В повести «Трудно быть богом» столкнулись две противоположные социальные системы.

В одной из них личность выступает не более чем средством. Личности властвующие манипулируют личностями угнетенными, однако, и те и другие не ведают, что творят, и те и другие оказываются игрушками в непонятной для них стихии собственной истории, игрушками иррациональных для них закономерностей. Одни из этих личностей кажутся всевластными, – но только потому, что хотят по существу малого и жалкого. Другие – кажутся бессильными, хотя их подавляющее большинство, ибо не знают, чего им хотят, чего добиваться. Претендующие на роль «богов» оказываются червями, низведенные до уровня червей не понимают, что только они – все вместе, в едином действии – могли бы быть подлинными «богами истории». Но они еще не знают этого и еще не могут узнать – не пришло еще время...

В другой социальной системе – личность самоцельна, личность – главная ценность и цель. Здесь нет ни «богов», ни «червей» – и быть не может, есть только подлинные, осознавшие себя и род свой, обыкновенные люди коммунизма. Люди эти кажутся темным жителям Арканара богами, но быть ими не хотят и не могут именно потому, что они выше всех иллюзорных богов: они люди! «Бог истории» – это прозревшая и организованная, осознавшая себя и смысл своей деятельности, ставшая революционной материальной силой масса. Ей, конечно, нужны вожди, лидеры – идеологи и организаторы, но люди, а не боги, умельцы и авторитеты, а не пророки и маги...

Литературная утопия в облике научной фантастики «Трудно быть богом» может быть отличным учебным пособием при изучении проблемы роли и места личности в истории. Но она является не только и не просто пособием для обучения, – она не в меньшей (если не в большей) степени является не последним средством исследования этой проблемы.

Изобилие и мотивы действия личности
--

Научно-технические средства достижения изобилия материальных благ уже чрезвычайно могущественны и эффективны. Однако их могущество и их эффективность являются, вместе с тем, диалектически единым целым с их потенциально опасной стороной. Опасность эта заключена не столько в побочных эффектах их

позитивного технического могущества (чему, кстати, посвящены многочисленные произведения фантастов всех направлений), сколько представляет собой изнанку самой системы влияния новой техники на социальный строй жизни, на личность.

Высокая степень автоматизации производственного процесса, достигнутая на основе кибернетической техники, широкое внедрение науки в создание и управление технологическими процессами, создание автономно действующих производственных циклов и целых комплексов в итоге образуют материально-техническую основу изобилия, освобождая человека от жесткой привязанности к производственному процессу, к строго ограниченным функциям в нем, к точно ограниченному рабочему пространству и времени. Пространственное размещение рабочих мест становится все менее зафиксированным, границы рабочего и свободного времени становятся зыбкими, неопределенными. Такого рода условия труда и жизни содержат в себе потенциальную опасность развития у личности чисто потребительского отношения к жизни с системой ценностей и моралью, соответствующей растительно-потребительскому существованию. Поэтому необходимым условием последующего существования и развития общества является целенаправленное, планомерное и научное отсечение этой потенциальной опасности.

Проблема формирования каких-то новых, более высоких, чем экономические, стимулов социального развития и социальной активности личности, проблема формирования нового типа личности, ее этических представлений и норм, ее мотивационного комплекса, способов формирования нравственности, формирования человека, который в обществе не был бы аутсайдером, но не был бы и абсолютным конформистом, – это очень актуальная современная проблема. Сейчас она уже стала предметом рассмотрения «большой» науки, но очень давно является одной из излюбленных и сложнейших проблем литературной утопии.

Литературная утопия во множестве произведений достаточно убедительно доказала тупиковый, в конечном счете, характер попыток формировать личность методом манипулирования, несостоятельность достаточно еще распространенной идеи формирования в рамках общегно научного типа сознания его этической стороны по методу условных

рефлексов.⁶⁴ Научное, коммунистическое по своему социальному содержанию сознание совместимо лишь с последовательным, вполне осознанным и добровольным принятием каких-то главных норм поведения в обществе, каких-то целей общественного действия в качестве своих собственных. Для этого не только личность сама по себе должна измениться, но и общество должно быть таким, чтобы стремление сознательно принять или отвергнуть те или иные конкретные его нормы и цели отвечало лучшему началу в человеке.

Изобилие материальных благ – это не конечная, абсолютная цель, а состояние существования коммунистического общества, процесс развития и движения которого будет протекать в условиях изобилия. Изобилие как цель исторически относительно; изобилие как неизбежное в будущем состоянии абсолютно. И если отойдут на второй план, благодаря науке и технике, заботы о хлебе насущном, плохо ли хорошо толковавшие человечество и человека вперед от «животного» к «человеческому», то заполнить освободившееся место в помыслах и устремлениях должно что-то более высокое и не менее действенное. Иначе, что будет стимулом движения, спасением от пресыщения, застоя и гибели?

Фантастика (равно как и социальная наука) буржуазного направления пессимистически смотрит на будущее: других всеобщих стимулов для личности, кроме «фурий частного интереса», она не может себе представить. Она считает, что мир животных инстинктов, заложенный в человеке, непознаваемый и неуправляемый для него самого, определяет его социальное поведение, что человек по природе своей асоциален. Только какой-то внешней по отношению к индивиду силой можно будет, якобы, удерживать его в границах собственно социального.

Фантастика (равно как и социальная наука) коммунистического направления решает эту проблему оптимистически, обоснованно предполагая в свободе для личности в обществе будущего не анархию, а осознанную необходимость, систему самоконтроля, самоорганизации, самоуправления. Человек будущего в «Туманности Андромеды» И. Ефремова, «Магеллановом облаке» или «Солярисе» Станислава Лема, в «Возвращении» А. и Б. Стругацких даже в самых экстремальных об-

⁶⁴ В рассказе Н.М. Грибачева «Расстрел на рассвете» полковник, председатель трибунала думает вслух: «...Если б не только знаниями набивать человека, а с самого начала и разумные нравственные пределы ставить – сюда нельзя, стой! И в рефlekсах это закрепить, в ре-фле-ксах!..» («Белый ангел в поле» / Роман-газета. 1968. № 2/620. С. 13). Пример этот, увы, не столь уж исключителен.

стоятельствах сознательно определяет и контролирует свое социальное поведение. Соблюдение элементарных социальных норм для него несколько не менее естественно, чем его биологические свойства.

Но что же будет, если к личности в мире изобилия подойти с буржуазной меркой человека и человеческого? Если и в самом деле не поверить человеку, что он способен сам осознавать и контролировать социальную сторону своего бытия? если не поверить человеку, что социальное давно уже стало неотъемлемой частью его «я»? если не поверить человеку, что он – человек, а не животное?...

Типичным примером художественного воспроизведения и осмысления ситуации с таким «если» может служить роман Станислава Лема «Возвращение со звезд» (1961 г.).⁶⁵

Есть определенная тенденция рассматривать «Возвращение со звезд» прежде всего как предупреждение преимущественно биологического плана: нельзя-де безнаказанно вмешиваться в биологию человеческого организма, наделенного столь сложной и высокоразвитой психикой. Однако с этим трудно согласиться. «Возвращение со звезд», как и всякое талантливое научно-фантастическое произведение, конечно, роман многоплановый. В нем нашло свое место и предупреждение об опасностях искусственного вмешательства в психофизиологию человека, и предупреждение об огромной трудности «вживания» будущих космонавтов в другое общество после длительных экспедиций с околосветовой скоростью (если оправдается гипотеза о том, что парадокс времени сам по себе ничем не грозит человеку), и т.д. и т.п. Если говорить о достижениях биологии или психофизиологии, то, собственно говоря, любое достижение человеческого разума опасно для человека: опасна иголка, опасен атомный реактор, опасно управление психофизиологическими процессами. С ростом могущества человека возрастают и опасности очередных его открытий, однако, и в обществе появляются необходимые социальные предпосылки (обобществление производства, планомерность развития, строгое социальное знание и т.п.), чтобы и иголку, и реактор, и психологию использовать по назначению: для человека, а не против человека.

Короче говоря, как бы не возникла показанная в романе социальная ситуация, она-то сама по себе прежде всего и интересна.

В мире изобилия, покоренной природы, побежденных болезней корчится в пароксизме пресыщения такое благополучное с виду, такое могущественное, но такое беспомощное человечество элоев, в котором, правда, нет морлоков, но элои сами обрекли себя на гибель... Операция «бетризации» подавила в психике человека не только агрессивность, но и творческую активность вообще, подавила импульс к неукознительному достижению намеченных целей, способность не щадить своего тела ради устремлений духа, ради идеи, ради своих товарищей, способность духа стать, если надо, над бранным телом... Собственное физическое благополучие стало духовным идеалом, а физиология заменила идеи и эмоции. Материальные стимулы фактически сняты изобилием (хотя формально они еще есть), а новые – духовные не смогли сложиться, вызреть, обрубленные «бетризацией». В мире изобилия очутилось духовно нищее человечество. И тогда потребление материальных благ, элементарное наслаждение материальным и физическим, вместо того, чтобы быть только условием жизни, стало ее смыслом...

Хотя сам Ст. Лем нигде не произносит терминов «капитализм», «коммунизм» и, пожалуй, даже сознательно избегает каких-то социально-экономических исторических оценок по отношению к обществу в целом, хотя главный герой романа Эл Брегг улетел на «Прометее» к звездам еще из «добропорядочных» и безусловно буржуазных Соединенных Штатов, хотя общественное раскрыто в романе лишь через элементарную ячейку «он и она», перед нами безусловно материальное производство, обладающее всеми необходимыми свойствами, чтобы быть предпосылкой коммунистического общества:

- ◆ высочайшая автоматизация обеспечила полное материальное изобилие;
- ◆ основные блага распределяются по потребностям, без эквивалентного возмещения (оплачивается только роскошь, но и она предельно дешева по отношению к индивидуальным доходам);
- ◆ труд экономически однороден, легкий, большей частью привлекателен и практически доброволен;

⁶⁵ Лем Ст. Возвращение со звезд / Библ-ка современной фантастики. М.: Молодая гвардия, 1965. Все ссылки в тексте по этому изданию.

- ◆ производство ведется планомерно в масштабах всего общества, всей Земли (государственных границ уже нет).

Могло бы показаться, что перед нами и впрямь коммунистическое общество?.. Но нет, что-то самое нужное, самое главное отсутствует. В этом обществе нет не менее главного, чем изобилие, компонента коммунизма: нет его целей, его смысла жизни, нет стимула движения, стимула развития, нет коммунистического отношения к личности, – а потому у него нет и будущего. Перед нами мещанская, обывательская, буржуазная интерпретация изобилия, мещанский рай, блаженство поверхностных, «тепленьких» и элементарных наслаждений, уравновешенной серости и животной сытости, мир целей, низведенных почти до уровня ощущений, мир рефлекторной «нравственности» овечьего стада... Мир розовый, уютный... и страшный – страшный своей косностью, неподвижностью, расчеловечностью...

Общество гниет, распадается не потому, что оно достигло изобилия, а потому, что сама формула его существования в условиях изобилия буржуазна.

Люди здесь не доверили себе быть самими собой, не поверили сами себе, что они могут силой своего разума, своей волей подавить в себе животное, антагонистическое начало. Те проявления животного, низменного, от которых человечеству надо было уйти, порождались буржуазной социальной системой, а не органическими свойствами некоей человеческой натуры. Люди не поверили самим себе – и «бетризовали» себя, привили своим детям искусственную, биологическую, принудительную добродетель. Их запрограммировали – как роботов: ввели в них – только что не перфоленту – какую-то сыворотку, какой-то состав, «эликсир добродетели»... Мелкобуржуазное недоверие к человеку нашло в этой «бетризации» самое себя, идеальную материализацию своей сущности.

Но перед нами роман, а не социологическая схема... И по кругам этого Нового Ада, такого обманчивого, обладающего, казалось бы, всеми внешними признаками Рая, ведет нас шаг за шагом главный герой романа, хороший и простой парень, один из двух оставшихся в живых пилотов «Прометей» – космического корабля, стартовавшего к звездам еще в XXI веке и вернувшегося к Земле, благодаря парадоксу времени, через 120 земных и 10 собственных лет, – Эл Брегг.

...Сначала это просто чужой, далекий по времени, незнакомый мир... Брегг бродит по космопорту, по городу, вглядывается в людей, в окружающие его новые предметы... Потом – первое случайное знакомство в новом мире, женщина, человек... Существо, в которое он вглядывается до рези в глазах... и ничего не может понять... Она кажется непонятной Бреггу, потому что... во всем кроме элементарных индивидуальных мелочей уже давно, очень давно знакома ему, а он ждет и ищет чего-то более существенно нового, чем ткань ее одежды, название ее ремесла и несколько новых жаргонных слов... Это – олицетворение и символ нового мира, но это же – возведенная в степень «одноэтажная Америка» человеческого духа, которую Эл Брегг, как ему казалось, оставил полтора века назад...

Брегг начинает понимать, что «бетризация» – это не просто открытие или усовершенствование, но именно новое качество, стена, которая воздвиглась между старым и «новым» в самом понимании человека и человеческого, между старыми и «новыми» моральными и этическими критериями, стена между ним и той жизнью, в которую он вернулся.

В этой «новой» жизни главным ее эталоном является не ученый, не космонавт, не инженер, не учитель, а артист «реала»: по-нашему, киноактер – ибо в этом мире царят материальная сытость и духовная нищета. В нем и не может быть другого эталона: герой всегда есть воплощение реальных ценностей породившего его мира, породившего его общества. Киноактер в качестве эталона человеческого – это на определенном уровне культуры встречается и сегодня. Но сегодня актер для большей и лучшей части людей светит все же преимущественно отраженным светом: он более всего привлекателен тем, чем привлекательны его герои: ученые, космонавты, врачи, инженеры, учителя... Очень, в общем-то, нечасто он сам по себе может стать мерилom человеческого, – но и это только тогда, когда он, например, Николай Черкасов, Жерар Филип, Борис Чирков, Чарли Чаплин... Только для мещанина, для обывателя любой преуспевающий актер – самоцель: не потому, что хороши его герои, не потому, что сам он хорош, а потому, что он красив, известен и богат... Но в этом «новом» мире старый эталон мещанского бытия, сексуальный кумир мещанок XX века – киноактер стал всеобщим и универсальным эталоном человеческого...

Про этот «новый» мир нельзя даже сказать, что он пошел вспять. В каком угодно далеком прошлом, какие бы далекие формы не

принимала человеческая жизнь и человеческое понимание смысла жизни, где-то в глубине, в самом ядре, в конце всех концов основой оставалось подлинно человеческое. Смыслом и сутью этого нового мира оказалась лишь бутафория человеческого. Самое человеческое, специфически человеческое в человеке – способность к творчеству, стремление к освоению и осмыслению нового, способность в своих целях и ценностях стать выше своего физического и физиологического благополучия, – оказалось подрублено под корень «бетризацией». Осуществилась духовная кастрация человека и человечества.

Эл Брегг оказался чужим на родной Земле, чужим у себя дома. Чужим – потому что он настоящий человек, а не бутафория человека, чужим – потому что он долгие десять лет в галактической пустоте, преодолевая в себе элементы бутафорской человечности, шел вперед к человечности подлинной...

«Бетризованный» человек «нового» мира дрожит от страха перед «небетризованным» Бреггом, как перед возможным потенциальным убийцей. Страх этот вызван не его огромной физической силой, не какими-то сторонами его реального поведения, а самой лишь мыслью, что он может захотеть убить. «Может – значит, хочет»: такова этическая формула «бетризованного» мира. Это – «этика» зверя, а не человека, но именно к этой зоологической этике вернула людей «бетризация». «Бетризованный» человек не может понять угрызений совести Брегга (угрызений, как показано в романе, беспочвенных) по поводу того, что, может быть, он не все сделал, чтобы в свое время спасти своего товарища по «Прометею» и друга Тома Арлера; не может понять, почему Брегг не убивает своего соперника в любви, коли он может это сделать... Весьма характерная черта «нового» быта: «бетризованному» мужчине «нового» мира, когда он остается дома наедине с малознакомой женщиной, предлагают (а отказаться он не может) напиток, временно лишаящий его, так сказать, мужской предприимчивости. Чем гадать о доверии, о разуме и воле, о чувствах – проще с порога заблокировать саму возможность возникновения желания: на всякий случай. Как это назвал в книге «Я – робот» А. Азимов: блокирующая программа в робототехнике... Только Азимов писал, все-таки, о настоящих, о металлических роботах...

История любви Брегга в «новом» мире наиболее полно раскрывает и завершает сопоставление двух антагонистических трактовок

существа человеческой личности, ее этического кодекса, ее места, роли и поведения в обществе.

Любовь Брегга к Эри – это чувство, которое не укладывается в нормы «нового». Так называемое «новое» меньше всего напоминает отношения Ромео и Джульетты. Дело совсем не в том, легко или трудно начинается близость, не в том, долго ли коротко она в среднем длится... Дело в том, что же могут люди дать друг другу, кроме физической близости? что ищут и что находят они друг в друге? ради чего они близки?.. «Любовь перестала приносить адские муки, – говорит один из персонажей романа, – но она перестала быть и райским блаженством...»

Брегг пытается занять глухую оборону против этого старого «нового» мира. Он пытается уйти, замкнуться в себе хоть на какое-то время, чтобы, разгребая книжную мудрость, осмыслить тот мир, в который занес его парадокс времени. Но живое может уйти из жизни, однако, оно не может уйти от жизни, оставаясь живым... Любовь разрушила наивную попытку самоизоляции. «Новое», которое до сих пор еще было в известном смысле внешним для Брегга, теперь проникло внутри и взорвало его иллюзорную самооборону. Драматизм ситуации здесь не в том, что в любви налицо пресловутый «треугольник», не в том, что ей двадцать, а ему... не то сорок, не то сто пятьдесят; даже не столько в том, что она «бетризована», а он – нет. Драматизм в том, что столкнулись в бескомпромиссном конфликте два понимания любви: любовь как элементарная, необходимая, удобная и приятная физическая близость и любовь как кульминация человеческих чувств, как нечто абсолютное и уникальное, как самозабвение и самопожертвование, как... любовь... Драматизм в том, что столкнулись две морали: выстраданная, завоеванная, сознательная, добровольная и искусственно «привитая», дарованная, запрограммированная; столкнулись две воли: безотчетно податливая, слабая, уходящая от всякого напряжения, усилия, риска, и воля, осознанная и управляемая, а потому несокрушимая, способная вести человека на любые трудности, на любые испытания, даже на смерть ради поставленной цели.

Брегг добивается от Эри не просто близости – ему нужна подлинная любовь, ответное полное чувство, а не покорность. Он пытается словами объяснить ей свою любовь, делает все, чтобы пробудить ее любовь – а она попросту долго сначала не понимает, чего от нее вообще хотят, чего от нее ждут, что к ней испытывают... Только посте-

пенно сила чувства Брегга пробуждает в ней ответное чувство. Но это стоит ему огромных душевных сил и без малого не стоит ему и жизни. Однако «игра стоит свеч»: когда ему все же удастся разбудить в ней подлинное чувство, тогда сквозь бетризацию пробивается человеческое: Эри оказывается способной и на риск, и на самопожертвование ради любви... Пусть пока это только в крайнем, в безвыходном положении, пусть пока тоже во многом безотчетное поведение, – но главное то, что человеческое еще не умерло окончательно!..

Таковы итоги столкновения двух типов морали: подлинно человеческой и имитированной под человеческую, собственно морали человека разумного и рефлекторной программы поведения человека, превращенного в социального робота.

Зачем нужны звезды?

...И тогда на первый план выступает фактически главная проблема романа, главная проблема вообще всех литературных утопий Станислава Лема (да и не только его, конечно): проблема смысла человеческого бытия: смысла жизни. «Зачем нужны людям звезды?» – так аллегорически звучит здесь этот вопрос.

Через весь роман красной нитью проходят размышления Брегга о том, зачем летели они в космос, зачем погибли там его товарищи? Новой цивилизации они не нашли, никаких невероятных открытий не сделали, а когда вернулись, то встретила их чужая жизнь, которой они по существу не нужны. На «новой» Земле об их полете было рассказано лишь «...парой строчек в реале»... И в начале романа Брегг говорит в сердцах, что знай они, что их ждет в космосе, никто бы не полетел...

Но вот мы следим за рассказом Брегга, за его мыслями, его поступками и видим, как шаг за шагом, слово за словом опровергает он сам эти горькие слова.

Начав полет уже далеко не юношей, а зрелым (и весьма заурядным) тридцатилетним мужчиной, Брегг именно за 10 лет, проведенных в космосе, окончательно и заново сформировался как личность, стал уже тем Элом Бреггом, к которому мы не можем не испытывать и уважение, и симпатию.

Полет к звездам научил Эла Брегга высоко ценить жизнь своих товарищей и, не жалея себя, бороться за нее: «...Каждый из нас был чем-то бесценным, человеческая жизнь приобрела величайшую цен-

ность там, где для нее не было места, где тончайшая, почти несуществующая оболочка отделяла жизнь от смерти».

Полет к звездам научил Эла Брегга настоящей любви. Он знал женщин и до полета: это прямо не рассказано только потому, что не заняло места в памяти рассказчика – самого Брегга. Для «старого» Брегга знакомство и близость с кинозвездой «нового» мира, предложенные ему ею самой, было бы идеальным вариантом. «Новому» Бреггу ясна вся пустота и никчемность этого суррогата чувств.

Полет к звездам научил Эла Брегга ценить прежде всего не элементарный мир вещей, материальных благ, элементарных удовольствий. Они необходимы, – но не в них смысл существования. Человек сам по себе в центре всех вещей. Духовные помыслы человека бесконечны и безграничны; остальное – только средство. Брегг понял, что Земля – это планета людей, что человек без человечества – всего только нуль...

Эл Брегг – не другое «я» своего автора. У него нет предвзятых социальных идей, его вообще не особенно влечет к абстрактному теоретизированию в социальном знании: он измеряет мир, в который он попал, не соответствием новой реальности тем социальным теориям, которые он усвоил в своей «первой» жизни, а попросту тем, как ему и всем ему подобным живется в этом новом мире. Он ценой тягчайших испытаний научился той кажущейся простой истине, что нельзя жить без глубокого смысла, без высокой цели, без эмоционального накала, но он так и не научился говорить об этом. Космос научил его видеть за всеми высокими словами их реальное основание, видеть их без той мишуры, которой их окружала «словесная инфляция» нашего века. Но тем весомее для него их реальное значение. Пытаясь объяснить Эри свою любовь, чувства, что она все еще не может понять его, Эл шепчет: «...Зачем они летели к звездам? Не могу этого понять. Ведь это – здесь. А может быть надо сначала побывать там, чтобы это по-настоящему понять? Да, наверное...» Это и есть ответ на главный для него вопрос.

Жизнь требует от Брегга выбора.

Начинать в одиночку войну против «бетризованной» Земли?

Или с «пением гимнов» нести своего будущего ребенка на бетризацию?

А может быть вместе со своими старыми товарищами снова лететь к звездам?

Снова лететь к звездам... Но парадокс состоит в том, что если раньше это было необходимостью и подвигом, то в данной конкретной ситуации является просто бегством, дезертирством, самоубийством. Это было бы самоубийством не от невозможности быть человеком, а от нежелания борьбы, от страха поражения.

Конец книги – это пробуждение уже не только мысли, но и действия. Человек принял решение не только за самого себя, но и за человечество, почувствовал свою ответственность перед человечеством, понял свою слабость, но и свой долг: он шагнул за узкие рамки только своего «Я». Он принял решение бороться. За что конкретно? как? Этого еще не знает он сам, и никогда не узнаем мы – ибо Эл Брегг ушел от нас со страниц романа в свою новую трудную жизнь... Он готов к тому, что исход этой борьбы может быть любым, что эта борьба может принести ему гибель, от которой его спасла на далеких звездах только случайность – но он человек, сын Земли, пилот с «Прометея»... И назад нет дороги. Он разрешил для себя все свои «звездные» проблемы: на очереди земные...

* * *

Далеко не все проблемы личности, которые выдвигает и пытается разрешить современная литературная утопия, мы смогли здесь рассмотреть. Еще великий Козьма Прутков настоятельно рекомендовал отказаться от безуспешного стремления объять необъятное. Не будем спорить с классиками...

Современной литературной утопией в облике научной фантастики сделано много, чтобы помочь нам наиболее ясно и отчетливо провести границу между конечным и бесконечным, абсолютным и относительным в гипотетических перспективах личности. Относительная конечность телесного, предметного, вещного и относительная бесконечность человеческого духа, их органическое и неразрывное единство в историческом процессе, неразрывное единство и взаимообусловленность прогресса общества и прогресса личности – вот некоторые из тех выводов, к которым нас настойчиво и неуклонно, на самых различных примерах и в самой различной форме пытается подвести прогрессивная литературная утопия. Неодолимость движения, прогресса и мертвечина застоя, самоуспокоенности и самодовольства – таков итог ее фантастических изысканий.

§ 3. Тень Апокалипсиса...

Некто посеял слово «завтра» и оно не возшло...

Арабская пословица

*...Где жизнь, что мы, живя, потеряли?
Где мудрость, что мы потеряли в познаниях?
Где познание, что мы потеряли в сведениях?*

Томас Элиот

Исторические судьбы общества и призма классового интереса
--

Содержание литературных утопий в системе представлений об обществе представляет собой «пограничные» элементы концепции каких-либо социальных изменений,

опирающиеся преимущественно не на строгие научные аргументы, а на интуитивное предвосхищение этих изменений, на эмоциональную реакцию (позитивную или негативную) на эти изменения. Однако литературная утопия не является однозначно строгим и прямым отражением назревающих социальных изменений. Каждый социальный класс, каждый социальный слой общества осознает эти изменения преломленными через призму своих собственных интересов даже тогда, когда стремится воплотить это осознание социальных изменений в строгие границы научной логики. Идеологическое давление и в этом случае во многих существенных аспектах неизбежно подчиняет себе даже формальную логику научного исследования. Тем более это относится к литературной утопии. Поэтому назревающие социальные изменения всегда очень по-разному отражаются в литературной утопии, в зависимости от того, в системе мировоззрения какого класса, какого социального слоя эта утопия формировалась. Превращенная форма отражения назревающих изменений суть характернейшая черта литературной утопии, а оценочное, ценностное отношение к этим назревающим изменениям – основание для возникновения этой превращенной формы.

Утопия и научное прогнозирование будущего связаны между собой достаточно тесно, хотя прямое их отождествление, конечно, неправомерно. Если прогнозирование характеризуется безусловной направленностью своих предсказаний непосредственно в будущее, если предвидение этого будущего составляет специфический предмет его научного исследования, то утопия ставит перед собой не только прогностические задачи, а ставя их, ставит не столько ради них самих, сколько в равной мере (а порой даже и по преимуществу) для ретроспективной оценки современности, ретроспективной оценки сегодняшней практической деятельности. Прогнозирование есть орудие позитивного научного познания по преимуществу будущего, утопия же в очень большой (если не решающей) степени есть орудие идеологической оценки определенных явлений современности, – преимущественно оценки уходящих в будущее тенденций социального развития, свойственных этой современности. Научное предвидение (как составная часть научного – хотя бы по форме, по типу – подхода к проблемам общества) и литературная утопия взаимно дополняют друг друга: одна по преимуществу занимается строгим позитивным исследованием тенденций развития, другая – по преимуществу дает синкретическую их картину, обуславливая оценку этих тенденций с позиций того или иного социального класса.

Упрощенным было бы представление о том, что буржуазное социальное знание вовсе никак не осознает и не пытается осмыслить, отразить тенденции изменения существующего социального строя. Осознание этих изменений необходимо должно быть ей свойственно хотя бы уже потому, что потребность в глобальных, коренных социальных изменениях в тех или иных конкретных формах выражается в потребности локальных, частных изменений в конкретной и повседневной социальной практике буржуазного общества. Однако буржуазное общество «насилованно» втягивается историей в эти изменения: назревающие социальные преобразования в корне противоречат конечным интересам его господствующего класса. Можно сказать, что история «тащит» буржуазное общество в новое – уже небуржуазное – состояние, преодолевая отчаянное сопротивление буржуазии. Камнем преткновения буржуазного сознания в ходе осмысливания назревших социальных изменений является проблема коренной социальной революции, призванной уничтожить буржуазный строй общества. Поэтому осознание необходимо

назревших социальных изменений может происходить в буржуазном социальном знании только в превращенных и искаженных формах. Можно сказать, что необходимость социальных изменений буржуазное социальное знание фиксирует преимущественно, лишь становясь на позиции мировоззренческого утопизма, лишь опираясь на те или иные элементы утопического по своей природе сознания.

Тем более очевидным должно быть осмысление в превращенных и искаженных формах необходимости тех или иных социальных изменений в современной буржуазной литературной утопии.

В буржуазных футурологических исследованиях самого различного толка собственно идеологической, ценностной элемент в той или иной мере прикрыт внешней формальной логичностью аргументации, прикрыт внешней иллюзорной претензией на объективность, прикрыт видимостью олимпийского безучастия. Литературная же утопия – художественное произведение – не может даже по своему внешнему облику быть столь же бесстрастной. Она должна использовать сами эмоции в качестве аргумента, а потому и необходимо должна обнаруживать более конкретную идеологическую адресность вызываемых ею эмоций, достаточно очевидную адресность своих идеологических симпатий и антипатий.

При первом взгляде на мир современной буржуазной литературной утопии он поражает своей внешней и внутренней пестротой. Оставим в стороне внешнюю пестроту – пестроту иллюстрированных обложек и рекламы, – равно навязывающих читателю утопии Г. Уэллса и Э. Берроуза, А. Азимова и О. Хаксли, Р. Бредбери и Дж. Оруэлла, Р. Шексли и М. Лейнстера, солидные философские романы-антиутопии и легковесные космические детективы. Что же до пестроты внутренней, то она не случайна. Она в какой-то мере отражает общее кризисное современное состояние буржуазной идеологии.

Прежде всего, обнаруживает себя принципиальная множественность мировоззренческих, общефилософских, общеметодологических основ современной буржуазной утопии. Мы найдем здесь почти все оттенки современной философской мысли: от стихийной материалистической диалектики до религиозного мистицизма. Эта плюралистичность философских оснований социологических концепций (каковыми, в частности, и являются утопии, независимо от их жанровых форм) есть косвенный, но весьма характерный показатель состояния кризиса бур-

жуазной идеологии, вызванного тем, что буржуазное общество исчерпало свою историческую миссию. Отсутствие исторической перспективы у социального строя неизбежно ведет к кризису его позитивного идеала, к бессистемным и беспорядочным поискам общих философских оснований, которые могли бы вдохнуть новую жизнь в этот идеал.

Еще более пестрой будет картина представлений в современной литературной утопии Запада о тенденциях социального развития, о будущем человечества, о судьбах и ходе истории.

Страх перед будущим

Одним крайним полюсом здесь является безусловное отождествление гибели буржуазного мира и гибели человечества вообще. Абсолютным отчаянием, самым мрачным апокалиптическим пессимизмом пропитаны произведения этой ветви литературной утопии. Несть числа потенциальным виновникам предрекаемой гибели человечества, однако, среди нас есть кто и что угодно, кроме самого по себе буржуазного строя общества.

Среди литературных утопий этого направления не последнее место занимают откровенно антикоммунистические произведения. Коммунизму приписывается тенденция лишить человека способности к творчеству, к поиску, к самоутверждению в действии, превратить его в объект иррационального манипулирования, в работа надличностных институтов – и государства, в первую очередь. Именно таков внутренний подтекст книги «Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла и др. Выше мы уже писали о том, что фактически здесь коммунистическому обществу приписываются свойства общества буржуазного. Налицо типичное «перенесение адреса вины».

Весьма любопытна среди части утопий этого направления тенденция обвинить науку в том, что именно она – потенциальная виновница гибели человечества.

Когда-то буржуазная позитивная утопия дала жизнь одному из мощнейших потоков утопического социализма: представлению об автоматизме социальной эволюции на основе научно-технического прогресса. Целое направление фантастики, порожденной этим идеологическим явлением, литературоведы называют «научно-техническим». По существу же это неверно. Как и всякая художественная литература литературная утопия, научная фантастика всегда в основе своей социальна и только социальна. Однако проблема социального изменения в этого рода фантастике по существу сводилась к проблеме научно-технического измене-

ния, отождествлялась с ним, а проблема качественно нового в социальных отношениях, порождаемого новым в материально-технической базе этих отношений, сводилась лишь к способам применения технических новаций. Общество же и люди оставались фактически неизменными. Налицо была фактически вульгарно-механистическая трактовка общественного прогресса, вульгарный «технический эволюционизм».

Апокалиптические видения современного буржуазного сознания по-новому окрасили столь распространенные прежде концепции «технической эволюции». На смену позитивному варианту этой концепции пришла повторенная современной литературной утопией в самом разнообразном сюжетном оформлении идея «технического катастрофизма», возлагающая весь набор социальных бед буржуазного общества непосредственно на развитие науки и техники. Этот переход в собственно литературных формах совершить было тем более легко, что, во-первых, уже была соответствующая традиция: первые «антитехнические» буржуазные утопии появились в последней четверти XIX века (С. Батлер); во-вторых, в литературной утопии «маленького человека» уже был образ – «антиидеал» для фантастического «я» – так называемый «безумный ученый» (*mad scientist*), – представляющий собой «заготовку» для персонажей утопии «технического катастрофизма».

Современная (в широком смысле слова: начиная примерно с 20-х годов) буржуазная литературная утопия наполнена картинами гибели мира и человечества, вызванными: потерей контроля за внутриядерной энергией, бунтом «разумных машин», вторжением человека в механизм наследственности, разрушением природы и т.п.⁶⁶ Это направление по существу своих мировоззренческих позиций реакционно, консервативно: неизбежную гибель капитализма оно отождествляет с гибелью человечества, гибелью разумной жизни вообще.⁶⁷

⁶⁶ Нет необходимости здесь более подробно говорить о самих произведениях этого направления. О них много писали Е. Брандис и В. Дмитриевский, Е. Парнов и др. Сошлемся, в частности, на брошюру Е. Брандиса и В. Дмитриевского «Зеркало тревог и сомнений» (М.: Знание, 1967). Далеко не все в этой брошюре бесспорно, но сам обзор весьма обстоятелен.

⁶⁷ Вся глубина социального пессимизма тех, кто отождествляет будущее капитализма и будущее цивилизации вообще очень своеобразно и четко проявилась в дискуссии астрономов о сроках существования разумной жизни. Показатель этот необходим для определения вероятности существования обитаемых миров во Вселенной. Пессимистические, минималистские оценки типа тех, которые даны, например, С. фон Хорнером (см.: Хорнер С. Поиски сигналов других цивилизаций /В кн.: Межзвездная связь. М.: Мир, 1965. С. 278-295), не опирающиеся ни на какие основания, кроме мировоззренческой интуиции, говорят о том, что такое отождествление будущего капитализма и будущего человечества имеет очень глубокие корни в буржуазном мировоззрении.

Пессимизм по поводу исторической перспективы вообще для человека и человечества также представляет собой своеобразный парадокс утопического сознания сходящего со сцены господствующего класса. Идеологи этого класса в свое время трактовали свой строй как высшее и «естественное» состояние человечества. Осознание неизбежности гибели своего строя, неизбежности революционного изменения состояния общества принимает в рамках мировоззрения уходящего класса превращенную форму общего апокалиптического беспросветного пессимизма относительно будущего в целом. Эволюция социального самосознания от позитивно окрашенного финализма к негативному, апокалиптическому финализму есть характерная для утопии форма отражения в сознании господствующего класса исторической эволюции данного социального строя, завершающейся его гибелью и возникновением общества нового типа.

Тем более важно отличать от вышеописанного направления те произведения современной литературной утопии Запада, где не сама по себе наука и техника трактуются как инструменты неизбежного самоубийства, а речь идет о губительности их применения буржуазным обществом, применения их ради буржуазных целей. Это направление, в котором по существу критика буржуазного социального устройства занимает центральное место, безусловно, в конечном счете, прогрессивно. И хотя почти все его представители не могут еще найти какую-то весомую альтернативу буржуазному миру (социалистический мир они в конечном счете попросту не понимают и не приемлют в качестве исторической реалии: их представления об «обществе благоденствия» вообще не спускаются до реалий, оставаясь идеализированными туманными видениями), их отношение к самому по себе буржуазному обществу является однозначно и бескомпромиссно негативным.

Если первое направление можно назвать «апокалиптическим пессимизмом», то второе, – скорее, «апокалиптическим оптимизмом», хотя это и звучит парадоксально.

**«Механика»
апокалиптической
утопии**

Апокалиптическая сущность всей в целом современной буржуазной литературной утопии (и ее консервативной ветви и ее радикально-критической ветви) особенно отчетливо выступает при анализе элементов позитивного утопизма. Ведь элементы позитивного отношения, позитивной оценки тех или иных сторон социального бытия есть в любой, самой по внешнему виду мрачной антиутопии. Любое отрицание хотя бы, как минимум, в качестве своей антитезы предполагает и какой-то позитивно окрашенный образ. Какие бы превращенные формы не принимал позитивный образ социального мира, он необходимо присутствует в любой антиутопии, любом памфлете.

Позитивное представление о будущем наиболее распространено в современной буржуазной литературной утопии в неявном, превращенном виде и выражено в механическом перенесении основных форм экономической, социальной и культурной жизни современного буржуазного общества в мир будущего: освоенного космоса, полной автоматизации, огромных успехов медицины, биологии и т.п. Те же концерны – но в галактических масштабах, те же акции и биржевые спекуляции, та же (только еще более колоссальная) имущественная дифференциация... в мире потенциально и реально осуществленного полного изобилия, те же гангстеры и мотивация преступлений корыстными расчетами ... в мире, где возможна телепортация вещей и т.п.... Однако целостной, законченной, полной такой картины – и тем более, поставленной в центр повествования, – вы все же практически не найдете ни в одной буржуазной литературной утопии. И это – тоже не случайно.

Претендующая на строгую научность футурология современного Запада вынуждена была, хотя и в весьма превращенных и искаженных формах, признать назревшую сейчас неизбежность коренных социальных изменений. Какие бы причудливые идеологические формы не принимало признание этой тенденции у М. Вебера и С. Чейза, У. Росту и Г. Кана, Р. Арона и Д. Белла, буржуазное социальное знание фактически под давлением реального хода истории должно было ее осознать и по-своему выразить. Другое дело, что признание это неизбежно должно было принять искаженную идеологическую форму, соответствующую буржуазному сознанию. В наглядной, образной картине, создаваемой литературной утопией, несоответствие изме-

нившегося коренным образом производства, изменившейся науки и техники и неизменности гипотетических социально-экономических устоев жизни должно было отразиться более очевидно, чем в серьезных футурологических трактатах. Поэтому попытка механистически перенести социальную сущность современного буржуазного мира в социальный мир предполагаемого (явно или неявно) будущего реализуется в основном путем рассеивания элементов такого изображения будущего в качестве якобы необходимого, обычного позитивного фона в общем утопическом (позитивном или негативном) литературном произведении. Сами по себе эти элементы, детали, частности гипотетического мира будущего не более заметны для читателя литературной утопии, чем задник в мелодраме, но в общем итоге, в сумме сумм детали эти производят необходимый соответствующий эффект внушения заданной идеи. Эффект здесь в каком-то смысле тождественен экспериментам с так называемым 25-м кадром: по вклейке в киноленту по одному кадрику рекламы в большой кусок основного изображения: по законам оптики и физиологии единичный кадр не может быть сознательно вычленен зрением, но бессознательно его содержание усваивается и вызывает соответствующую реакцию.

Эффект «встроенной детали» в создании идеологически направленного изображения будущего имеет особенно большое значение в литературной утопии, рассчитанной на массового читателя. Такая литературная утопия чаще всего облекается в форму фантастико-детективного романа (в серии или с продолжениями) и рассчитывается на неразвитое обыденное мелкобуржуазное сознание, на низкую осведомленность читателя относительно серьезных социальных проблем и т.п. Литературная утопия такого рода представляет собой один из весьма эффективных механизмов манипулирования массовым сознанием.

Более того, проблема социального изменения подменяется в литературной утопии такого рода идеей индивидуального приспособления к миру, в котором изменилась техника, изменился быт и т.п., т.е. изменились какие-то внешние атрибуты повседневной жизни, но неизменными остались ее социально-экономические устои. Идея неизбежности в будущем нового типа общества переводится здесь в плоскость приспособления того же современного по своему духу буржуазного индивида к эволюционным, плоским изменениям внешней социальной среды, которые только с первого взгляда могут показаться

значительными. Общим социальным фоном борьбы персонажа литературной утопии такого рода за место на вершине социальной пирамиды буржуазного, по своей сути, мира является опять-таки гипертрофированная и слегка видоизмененная сегодняшняя социальная действительность.

В построении системы позитивных образов в литературной буржуазной утопии такого рода легко заметить существенное отступление от одного из важнейших принципов конституирования всякого позитивного образа в утопии вообще: принципа необходимости внутреннего «повышения» уровня оценки при переходе от описания реальной повседневной действительности к утопическому идеалу. Действительность при этом необходимо должна быть очищена от тех ее сторон, которые могут быть негативно оценены с позиций данного социального класса, слоя. Уровень оценки идеала – каков бы он ни был – всегда много выше с позиций выдвинувшей его социальной группы, чем уровень оценки реальности. Позитивная литературная утопия – это всегда в какой-то мере образная «действующая» модель воплощенного идеала. Но если идеал буржуазного мира стал сейчас таковым, что его невозможно поднять, возвысить над реальностью, если все попытки его конструирования в литературной утопии дают, в конечном счете, лишь какую-то чисто количественную экстраполяцию современности на будущие времена, то мы, очевидно, имеем дело с социальной системой, себя изжившей. Такая социальная система не имеет будущего, а потому и не может проецировать в предполагаемое будущее литературной утопии свое собственное измененное и развитое состояние, представленное в утопическом сознании в виде идеала. Это современное состояние уже попросту «не поддается» трансформации его в идеал.

Апокалиптичность современной литературной утопии, основанной на буржуазном мировоззрении, проявляется и для консервативной, и для радикально-прогрессивной ее ветви в том, что она фактически лишена «исходного материала» для сотворения из него идеалов. Такая утопия либо стремится сберечь, законсервировать, сохранить существующее, либо сокрушает его, но не может ни представить существующее в облики идеала, ни найти в самой себе, внутри собственного мировоззрения «строительного материала» для создания каких-то новых идеалов.

Весьма значительная часть авторов современных утопических произведений на Западе достаточно отчетливо представляет себе, что

буржуазное общество себя изживает, что ожидать какого-либо нового Ренессанса для современного буржуазного общества нет никаких оснований. Общество будущего должно быть иным. Каким? Но эта проблема как раз и оказывается в конечном счете неразрешимой в рамках буржуазного мировоззрения. Это ведет к трагической коллизии во всем этом, в конечном счете, прогрессивном направлении литературной утопии Запада. Точная, яркая, сильная критика современного буржуазного мира соединена в этом направлении литературной утопии с полной неясностью, расплывчатостью, неопределенностью ее позитивных построений. Вместо целостной концепции и соответственного образа будущего перед нами скорее лишь оптимистическая эмоция в виде полунамёков, полуобразов, полуфраз...

Непонимание диалектики исторического процесса, законов истории не позволяет этой ветви литературной утопии пойти дальше тривиальной идеи о том, что какие-то позитивные тенденции в будущем все же должны утвердиться. Сам же характер этих позитивных тенденций неясен, неочевиден, да и условия победы этих тенденций во многом неясны и могут быть случайными. Основанием утверждения позитивного будущего здесь скорее служат вера, нравственные убеждения, эмоция и т.п., но никак не строгое научное знание.

Не случайно именно для этой ветви литературной утопии в качестве варианта (причем весьма популярного) позитивного очень характерна идея возврата к «традиционному» типу цивилизации: без техники, без науки, без больших городов и больших государств, без торговли и без современных средств общения... Сторонники (и авторы) этой идеи в современной буржуазной литературной утопии в большинстве своем не тешат себя иллюзиями относительно будущего современного капитализма: неизбежность его гибели для них очевидна. Однако представить себе общество, опирающееся на более развитую науку и технику, которое одновременно более развито и качественно иное в социальном и гуманистическом аспекте, они тоже не в состоянии. И тогда возникает одна из классических идеологических формул сходящего со сцены (вместе с данным типом общества) господствующего класса: «Вперед-назад!..» Представления о прошлом необходимо идеализируются, застой выдается за устойчивость, неразвитость – за духовное здоровье, полубиологическая необходимость борьбы с природой ради элементарного куска хлеба – за свободно избранную нравственную добродетель... Дань

этому типу утопии в свое время отдали первые критики уходящего феодализма. Теперь пришла очередь и критике буржуазного мира – даже с его собственных мировоззренческих позиций...

Зачастую не представляя себе конкретных форм позитивного будущего, не будучи в состоянии свой исторический оптимизм облечь в какие-либо конкретные формы позитивного прогноза, авторы этого рода литературных утопий попросту пытаются отказаться вообще от сколько-нибудь прямых попыток позитивного прогнозирования будущего, всю свою энергию полностью направляя лишь на отрицание капиталистической действительности.

Картины будущего в этих литературных утопиях содержат столь ярко выраженное отрицание тех или иных сторон буржуазного мира, что наша критика порой необоснованно винит их авторов в «черном» пессимизме и т.п. Однако поскольку весь их негативизм направлен именно и только в сторону буржуазного мира, его социальной сущности, его будущего, правильнее было бы считать, что мы имеем дело со своеобразной формой исторического оптимизма относительно будущего человечества. Диалектика смены одного исторического типа общества другим такова, что пессимизм относительно будущего своего собственного уходящего строя фактически в конечном счете представляет собой одну из исходных, неразвитых превращенных форм общего исторического оптимизма.

**«Апокалиптический
оптимизм...»**

Конфликт исторической неизбежности отрицания старого и неизбежности субъективно приемлемого утверждения нового особенно очевиден и легко может быть различим в творчестве Рея Бредбери. Однако точно тот же конфликт, хотя и в других конкретных формах, мы можем найти в творчестве А. Азимова, К. Саймака, К. Воннегута, Д. Уиндема, П. Буля, Р. Мерля, Р. Шекли и многих других. В «Марсианских хрониках» Р. Бредбери, быть может, особенно отчетливо раскрыл внутренние коллизии этой ветви литературной утопии, в принципе весьма характерные для мироощущения всего широкого слоя современной прогрессивной интеллигенции Запада.

«Марсианские хроники» (1946 г.) – первая крупная вещь Р. Бредбери. Более четверти века отделяют нас от ее появления в свет. Однако, по нашему мнению, она остается одним из наиболее полных и ярких

отражений в этом, в принципе прогрессивном, направлении литературной утопии Запада духа Апокалипсиса, предчувствия коренного перелома в истории с точки зрения прежде всего гибели старого. (Как мы уже отмечали выше, с позиций социалистического мировоззрения коренной перелом в истории осознается прежде всего и по преимуществу как рождение нового: И.А. Ефремов «Гуманность Андромеды», Ст. Лем «Магелланово облако» и др.). Именно на примере «Марсианских хроник»⁶⁸ мы проследим ниже характер апокалиптических видений современной прогрессивной литературной утопии Запада.

По своей литературной архитектонике «Марсианские хроники» – роман в новеллах. Единая идея, последовательное развитие событий и несколько сквозных, проходящих через все повествование персонажей прочно цементируют совершенно самостоятельные на первый взгляд новеллы «Хроник». (Здесь нам приходится возразить автору предисловия Ел. Романовой, нашедшей в «Хрониках» «...известную раздвоенность, отсутствие... композиционной стройности».)

Анализируя композицию романа нельзя забывать, что «Марсианские хроники» – роман не об одном человеке и не о нескольких людях. Это роман о человечестве. Не книга об американце, а утопический роман об Америке: о ее прошлом, настоящем и возможном, предполагаемом, будущем. Каковы бы ни были конкретные персонажи романа, конкретные представители рода людского (его американского варианта) – все они не заслоняют собой целого, не подменяют фактического главного героя – народа Америки (как в известном смысле олицетворения человечества в целом), – составляя лишь передний план в выходящем далеко за формальные рамки повествования широком, зримом общем потоке человеческого бытия.

Расположение новелл в романе отнюдь не случайно. Например, «Зеленое утро» совсем не случайно оказалось в первой половине повествования: в этой новелле воплощена вся эмоциональная история пионеров – первооткрывателей и тружеников. Но чем дальше проникают люди на Марс, тем глубже становится разрыв добра и зла, тем острее конфликт между ними, тем сильнее мотив осуждения. И, наконец, – накануне гибели – наступает «вершина» покорения Марса: Сэм Пендергаст

⁶⁸ Рей Бредбери. Марсианские хроники. Пер. с англ. Л. Жданова. Предисл. Ел. Романовой. М.: Мир, 1965. 336 с.

открывает на Марсе сосисочную!.. Гибель Земли после этого воспринимается читателем лишь как заслуженное и закономерное возмездие...

...В «Хрониках» все как в истории – не только в фантастической, придуманной Бредбери, истории покорения Марса землянами, но и в реальной истории покорения землянами самой Земли, в реальной истории колонизации ими Нового Света...

Что же перед нами? Воспоминание или предвидение? Научно-фантастическое предсказание будущих космических экспансий или аллегорически рассказанная история Соединенных Штатов Америки, лишь совсем немного продолженная в ближайшее будущее?

Наверное, и сам автор «Хроник» не столь уж уверенно ответил бы на этот вопрос. Перед нами литературная утопия, художественное произведение, по самой сути своей представляющее читателю свободу восприятия, возможность в чем-то пойти дальше автора, возможность увидеть в романе то, что, может быть, не осмыслил до конца сам автор.

Аллегория, причудливый сплав прошлого и будущего, объединенных совершенно нереальным, абсолютно фантастическим Марсом, – вот, пожалуй, наиболее характерное для «Марсианских хроник». Это – роман об извечной борьбе Добра и Зла, роман о гипотетическом будущем земного человека и Земли, роман о трагической неизбежности самоубийства буржуазного мира нашей планеты.

Искать в «Хрониках» строгой естественно-технической научности даже нелепо: Бредбери о ней никогда и не помышлял, никогда к ней и не стремился. Да и к чему она ему, если для этого есть ученые? А он – писатель, художник, осмысливающий мир в образах. В своих литературных утопиях Р. Бредбери прежде всего критик.⁶⁹ Он предсказывает будущее, только для оценки при этом современного человека, только для исследования меры его человечности в том, что этот современный человек делает для будущего.

Бредбери не раз называли врагом науки, врагом технического прогресса. Но достаточно внимательно вчитаться хотя бы только в его «Хроники», чтобы убедиться в обратном. Он – не враг техники XX века, а скорее поэт ее, романтик ракетного века. Его ракеты – поч-

⁶⁹ «...Лучшую научную фантастику создают в конечном счете те, кто чем-то недоволен в нашем обществе и выражает свое возмущение немедленно и яростно» (Бредбери Р. Ответ на анкету «Почему я стал фантастом?» /Иностранная литература. 1967. № 1. С. 254).

ти одушевленные существа: стройные, могучие, добрые и злые... Это творения такой силы ума и такой страсти человеческой, что они сами тоже немножко живые. Кажется, что какие-то кусочки души человеческой переселились в их серебристую металлическую плоть.

Бредбери борется не с современной техникой. Он лишь предупреждает, что она чрезвычайно опасна: опасна прежде всего не сама по себе, а лишь при бессердечности, корысти, тупости, бесчеловечности; опасна, когда подлинно человеческие ценности подменяются в качестве стимула и мотива действия желтым металлом, когда денежный знак становится смыслом и программой души, программой жизни и смерти, целью и критерием любой победы. Чем выше техника, – говорит Бредбери, – тем большего она требует от духовного мира человека, тем одухотвореннее должна быть вся социальная жизнь, чтобы не потерялось в ней подлинно человеческое.

Сила старой техники была ограничена. Старая техника сокрушала лишь брненное тело индивида. Старой техникой можно было истребить сколько-то, даже очень много людей, но... но не всех, не Человечество. Новая – может сокрушить и бессмертный дух. Новая – может все. Корысть, утверждает Бредбери, как стимул человеческих устремлений, всегда была плоха. Но она, по крайней мере, раньше не грозила полной гибелью, она даже что-то давала. Теперь – новое время. Теперь корысть больше не может иметь будущего. Система жизненных ценностей рядового американского мещанина: «...чтобы тянуться за Джонсами. Чтобы купить себе точно такой вертолет, как у Смита. Чтобы слушать музыку не душой, а бумажками...» (новелла «И по-прежнему лучами серебрят простор луна...»), – стала сейчас для всего человечества смертельно опасной. Об этом и предупреждает нас Бредбери. Бредбери не защищает, скажем, маленький бизнес против большого, как это делают некоторые его соратники по перу, – ибо этой «размерности» нет в развращающей силе бизнеса. Бизнес – это не столько занятие, сколько система жизненных ценностей. И можно позавидовать беспощадности Бредбери в отрицании чисто художественными средствами ограниченности и бесчеловечности этой системы социальных ценностей современного буржуазного мира.

«Марсианские хроники» начинаются картиной идиллической жизни условно фантастического Марса. Жизнь эта была устоявшейся, спокойной, в меру красивой и в меру организованной... Даже страсти в

ней были какие-то спокойные, размеренные... Постороннее, земное вторглось в этот мир вначале чуть заметным ручейком сновидения... Женщине приснился мужчина – что может быть банальнее?.. НО это был не просто мужчина, не другой марсианин, а мужчина с Земли, приснившийся марсианке...

...Гибнет первая экспедиция землян на Марс, вторая, третья... Но застывший мир Марса обречен. Его неподвижность, размеренность, созерцательность и есть главные причины собственной гибели. Поражение предрешено, ибо Марсу противостоит мир подвижный, стремительный, действенный.

...Марс завоеван... Мертвы его жители, мертвы города... Действенность торжествует над неподвижностью. Но что же питало, стимулировало действенность, во имя чего одержана победа? Чтобы открыть в опустевших городах сосисочные для туристов? Чтобы продавать здесь же те, что и в Аризоне, «...лучшие на всей планете горячие сосиски, черт возьми, с перцем и луком, и апельсиновый сок?» Отрицание такой цели действия порождает вопрос: во имя чего действие? – и начинает круг проблем, поставленных в «Марсианских хрониках» Рея Бредбери.

Так, как все шло в мире «Хроник», дальше не может идти ни в гипотетическом, ни в реальном мире: впереди неотвратимая гибель. Это – лейтмотив «Марсианских хроник» в целом. Буквально в каждой новелле какое-то место, какой-то хотя бы побочный для этой конкретной новеллы мотив, развивают и наращивают апокалиптическую идею неотвратимой гибели. И все завершается новеллой «Будет ласковый дождь» – эпитафией человечеству, которое так ничего и не смогло противопоставить разрушительной силе стяжательства и корысти, обретающих у Бредбери силу мистического Зла. Не кто-то сбросил смертоносные бомбы на людей: они сами сделали эти бомбы, сами позволили сбросить, сами сбрасывали. Бредбери предупреждает не просто об убийстве, но о САМОубийстве. И вряд ли можно однозначно ответить, что же такое тени людей, отпечатавшиеся на обугленной лучевым ударом стене дома: то ли это – воспоминание о призрачном счастье? то ли это – олицетворение бессилия, отчуждения человека в современном буржуазном мире? то ли это – напоминание о недопустимости политического бесстрастия, непозволительности бесчеловечности?..

Добро, творимое одиночками, доброта личных помыслов и индивидуальный героизм, не могут остановить Джаггернаутово колесни-

цу наживы. Творящие добро возвышенны, прекрасны, но то, что делают они – частность в общем потоке решений судьбы человечества. В том-то и дело, что добро одиночек – только частичка трагического, обреченного буржуазного мира. И хотя все реальное, что Бредбери смог увидеть в борьбе со злом – это творящие добро одиночки, хотя все его симпатии с ними, он не позволяет своему пристрастию одерживать верх над честностью писателя. Добро одиночек привлекательно, но само по себе, – бессильно...

Добро вездесуще, утверждает Бредбери, но оно рассеяно в этом мире: оно живет где-то здесь же, где-то совсем рядом со злом, переплетаясь с ним и внутри его. Человек сам по себе вообще-то не так уж и плох: в нем есть стремление к добру, в нем есть доброе начало. Но буржуазный мир таков, что добро выступает зримо и осязаемо только тогда, когда человек отходит от той реальной действительности, в которой живет, от тех социальных проблем, которые ему надо решать. В минуту единения с природой (новелла «Саранча»), в час, когда буквально осязаемо рукотворимое добро («Зеленое утро»), в мгновение задумчивости над поэтической строкой («И по-прежнему лучами серебрит простор луна...») или в предверии смерти («Долгие годы»)... Только тогда просыпается, проглядывает в человеке его добрая душа, его доброе начало. Что-то нужно сделать, чтобы добро перестало быть столь мимолетным, столь аморфным и иллюзорным. Что? Как?.. На этот-то, по существу, главный вопрос мы не найдем ответа у Бредбери...

В «Марсианских хрониках» почти нет прямых, явных элементов позитивной утопии. Марсианский мир иллюзорен. В этом иллюзорном мире, как бы он не был красив, мало жизненной стройности, мало теплоты, мало счастья («Илла»). Самые добрые, самые бескорыстные, самые естественные и искренние существа у Бредбери – не люди, а искусственные подобию людей («Долгие годы»)...

Когда надо выбрать путь борьбы со злом, с бесчеловечностью социальной системы стяжательства, когда надо выбрать дорогу добру, Рей Бредбери – решительный и бескомпромиссный ниспровергатель – становится вдруг невероятно беспомощным: любой из предполагаемых путей кажется ему ведущим лишь к невосполнимым потерям. И в этом трагичность всего позитивного, что все-таки нашло место в «Хрониках», в этом трагедия самого Рея Бредбери, трагедия всего того

значительного направления в литературной утопии Запада, типичным представителем которого Рей Бредбери является.

Элементы мировоззренческого утопизма мешают представителям этого направления найти связующее звено между абстрактными идеалами и конкретной реальностью. Реальное – в отличие от идеала – «оплодотворено» противоречиями живой жизни, в отличие от вневременности идеала, оно необходимо имеет историческое время в качестве одного из главных параметров своего существования, своего развертывания. В отличие от идеала реальность всегда представляет собой столкновение интересов, личностей, всегда представляет собой «борьбу» противоположностей и развитие через их единство и их «борьбу». Осознание единства своего идеала и его конкретно-исторической реализации – весьма и весьма непростая мировоззренческая процедура. В любых своих формах и разновидностях буржуазное мировоззрение не способствует такого рода осознанию. Диалектика абстрактного и конкретно-исторического в гуманизме осталась для Р. Бредбери недоступной.

Логика борьбы требует постановки вопроса о том, можно ли силе зла противопоставить и СИЛУ добра?! В зло можно стрелять! Можно – но нужно ли, вопрошает Р. Бредбери?..

В новелле «И по-прежнему лучами серебрят простор луна...» Джефф Спендер олицетворяет такой крайний радикализм – «стреляющее начало» – в борьбе с миром наживы и пошлости. И хотя этот герой «Марсианских хроник» способен вызывать, пожалуй, наибольшие симпатии, Бредбери, со своих позиций абстрактного гуманизма, доказывает неправомерность и неприемлемость его образа действия. Добро, взявшееся за пистолет, добро, которое начало стрелять по злу во имя своего утверждения, по мнению Бредбери, есть добро, которое поневоле становится пустой абстракцией: ибо не остается людей, для которых утверждается это добро, ибо оно само в попытке самоутверждения путем насилия становится злом. Такова горькая мораль Бредбери в этой новелле. Добро не может существовать абстрактно, оно не может воплощаться только в мертвые камни. Оно должно и может жить только в живых людях, только для живых людей. В человеке же ни ножом, ни пистолетом не отсечешь зло от добра. В живых людях они слиты. А в мертвых? Мертвые – только мертвы: они не могут быть ни злыми, ни добрыми. Бредбери осуждает Спендера дважды: и за мягкость в защите добра, и за жестокость к людям, выступающих бес-

сознательными носителями зла. Стреляя во имя людей, Спендер стреляет в людей, в тех, кого он должен защитить от зла...

«Новый дом Эшеро» повторяет этот мотив.

Наверное, самое человеческое в человеческой душе – мечта, фантазия, воображение. Но право человека на них герой новеллы отвергает методичным, массовым, жутким убийством. Герой превращается в палача. Но во имя чего? Он убил несколько людей, в которых для него воплощалось, персонифицировалось зло, но источник зла – определенный социальный строй жизни – от этого не изменился ни на йоту. Утвердил он добро? Нет. Он только свел личные счета, а для человечества, для общего будущего людей вся его жестокость тщетна.

Характерна в связи с этим для понимания позиции Р. Бредбери деталь: людская масса в «Хрониках» везде выступает у него носителем стихийного, разрушительного, злого начала. Добры только те, кто выделился из этой массы и противопоставил себя ей. Р. Бредбери верит, что будущее – за сегодняшними одиночками, что когда-нибудь все будут такими. Но это только призрачная вера... Логика же реально-го буржуазного мира утверждает самоубийственное торжество зла. В этом коренная внутренняя противоречивость «Марсианских хроник», всего творчества Р. Бредбери, – и не только его.

Апофеозом трагической растерянности Р. Бредбери является последняя новелла «Марсианских хроник» – «Каникулы на Марсе». Перед нами всего-навсего старый-старый, времен первых атомных испытаний, анекдот: когда погиб последний летчик, сбросивший последнюю атомную бомбу, обезьяны сказали: «Начнем сначала...» Анекдот этот страшен, когда его рассказывают без тени иронии, когда в него вложена вся, без капли юмора, надежда на будущее...

Конечно, это не единственная идея в «Каникулах на Марсе». В этой новелле очень точно и четко выражена высоко гуманная и безусловно прогрессивная идея о том, что не должно быть для нашей цивилизации никаких абсолютных ценностей, независимых от человеческого бытия, от человеческого счастья. Человек – единственное мерило и единственный высший критерий ценности. Не может быть сожалений об утратах того, что мешало человеку жить, мешало ему быть самим собой: сильным, добрым, смелым и красивым. Но хотя и это тоже сказано в «Каникулах на Марсе», все же основной идеей новеллы остается пресловутое: «начнем сначала...»

Может быть, в какой-то степени, с точки зрения абстрактной логики книги новелла в целом «Каникулы на Марсе» – лишняя. Умер последний деятельный человек на Марсе – Хэтэуэй («Долгие годы»), погибли люди на Земле и сгорел символ прежней земной человеческой цивилизации – опустевший дом («Будет ласковый дождь») – вот формально закономерный логический конец «Хроник»...

Вопреки мнению Ел. Романовой – автора хорошего в целом предисловия к русскому переводу «Марсианских хроник», – книга Р. Бредбери по своей формальной внутренней логике безусловно кажется пессимистичной. Но пессимизм пессимизму – рознь. Р. Бредбери вопреки видимой логике своей книги протестует против пессимизма – и в этом главное, когда мы судим творчество Р. Бредбери.

Пессимизм Р. Бредбери в «Марсианских хрониках» в определенном отношении не только оправдан, но и (хотя это выглядит само по себе парадоксально), прогрессивен: у капитализма действительно нет выхода. Такой пессимизм – не столько слабость, сколько достижение и заслуга Р. Бредбери, поднимающая его очень высоко и над авторами примитивных «хэппи эндов», и над злобными мизантропами. Однако ложным было бы представление о том, что Р. Бредбери добровольно и покорно мирится с этой формальной логикой пессимизма: именно в борьбе с пессимизмом в качестве какого-то крайнего выхода он придумает так заметно выпадающие из логики повествования, такие фантастические в этой реалистической книге «Каникулы на Марсе». Страстная вера в человека, неодолимое желание победы человечности заставляют его пренебречь даже логикой собственного повествования и придумать хоть какую-то позитивную версию, пусть совершенно алогичную, предельно наивную, но оптимистическую, но не отсекающую безоговорочно будущее человечества, саму жизнь. Трагедия этой попытки Р. Бредбери кроется в том, что, отрицая капитализм, он не может разделить, разграничить судьбы человечества и судьбы капитализма.

Стремление представить Р. Бредбери или безусловным пессимистом, или безоговорочным оптимистом, вместо того, чтобы трезво оценить его гораздо более сложную позицию, порождено, как нам кажется, упрощенным, примитивным пониманием прогрессивности. «Оптимист – прогрессивен, пессимист – реакционен». Увы, жизнь значительно сложнее этой двухмерной социогометрии.

Р. Бредбери принадлежит, как мы уже отмечали выше, к весьма большой группе западных писателей, в той или иной форме отрицающих современное буржуазное общество. Все они, однако, ничего не могут противопоставить ему, кроме добродетели обособленного индивида или добуржуазного прошлого. Отжившей социальной системе – капитализму – противопоставляется отдельная личность, противопоставляется породившее современный капитализм его же собственное прошлое, а не другая – закономерно на смену ему возникающая, новая – социальная система. Налицо весьма шаткое противопоставление, но до другого они пока не смогли подняться. Для них, как им кажется, нет выбора: индивидуальная добродетель по существу есть почти единственная опора их оптимизма. А они хотят, очень хотят оставаться оптимистами...

Что же касается «другой» социальной системы, то противоречивость их отношения к ней, быть может, лучше других раскрыл (как всегда в форме аллегории) все тот же Р. Бредбери в рассказе «Здесь могут водиться тигры», написанном им уже после появления в свет «Марсианских хроник».

Еще не донца изжитые попытки не принимать творчества таких писателей как Р. Бредбери наивны и неумны. Не принимать их – значит, отворачиваться от нашего века, воспринимать цель нашей борьбы за лучшее общественное устройство мира не как реальную практическую задачу, а как мертвую, сухую, абстрактную догму. Ибо живое дело и делается по живому: с теми людьми, которые есть, а не с теми, каких еще только хотелось бы иметь или с теми, какими они еще только могли бы или должны будут стать. В нашей борьбе у нас есть только те союзники, которых уже реально создала нам эпоха, а не идеально сконструировало наше воображение вне их реального существования. Нет резона приукрашивать тех, кто есть, но уж тем более нет резона отворачиваться от них только потому, что они не соответствуют вымышленному, фантастическому, по существу своему утопическому идеалу.

Смена социальных систем и, соответственно, смена мировоззрений – это всегда целая эпоха, а не мгновение, не чудо «по щучьему велению, по моему хотению». Все не просто, все не однозначно в этой – нашей – эпохе, как, впрочем, и вообще в человеке и человеческом. Абстрактно рассуждая, можно понять и упрощающих ситуацию: у них это – защитная реакция против реальных трудностей и сложности эпохи,

против ее противоречивости. Но оправдать такое упрощение ни при каких обстоятельствах нельзя: каковы бы ни были благие намерения упрощенцев, программа их действий объективно вредна нашему общему делу.

С Р. Бредбери и его единомышленниками можно и нужно спорить. Их можно и нужно критиковать. У них есть и несомненные достоинства и заметные недостатки. Но в их книгах нет успокоенности и самодовольства, нет равнодушия. Читатель тоже не может остаться равнодушным ко всем этим книгам. Они не залежались на книжных прилавках. Они не пылятся и на библиотечных полках. Они написаны кровью сердца, ибо авторам этих книг пришлось подняться над тем единственным миром, который они знают, в котором они живут, который породил их. Подняться над ним – и отвергнуть его... В этом их сила, в этом их подвиг, но в этом и их судьба, их крест, их трагедия. Ибо это – честность, но честность – без прозрения. Они отвергли свой единственный мир, но не сумели пока найти, понять другой, лучший, идущий вперед...

Тень Апокалипсиса

Таким образом, сущностный анализ идей современной буржуазной литературной утопии в облике научной фантастики приводит нас к выводу о том, что картины будущего, рисуемые этой утопией в ее позитивном и негативном вариантах, по реальному смыслу своему являются превращенным отражением кризиса буржуазной социальной системы, отражением неумолимого естественно исторического процесса гибели капитализма и смены его социализмом.

Апокалиптическая настроенность в восприятии всех аспектов предполагаемого будущего, в оценке любых тенденций развития современности, в трактовке любого социального противоречия, любой социальной проблемы есть неотъемлемое свойство современной фазы развития буржуазного мировоззрения. Эта апокалиптичность представляет собой отражение в сознании исторического состояния современного буржуазного мира: научно-техническая революция вымывает основания для его существования, делает постепенно его устои, принципы и ценности историческим анахронизмом, создает необходимые предпосылки для взрыва буржуазного строя общества социалистической революцией. В той части буржуазного мировоззрения, которое по

своей форме тяготеет к позитивной науке, этот апокалиптический дух остается в большинстве случаев загнанным внутрь: то он маскируется чисто внешними, эмоционально-оптимистическими декларациями, то остается нераскрытым, поскольку все произнесенные вслух постулаты носят узкий, прикладной, конкретный, частный характер и т.п. Но в буржуазной литературной утопии эта апокалиптическая ориентация буржуазного мировоззрения проявляется несравненно более прямо, очевидно, наглядно. И мировоззренческая сущность утопии, и ее место в системе общественного сознания, и ее проблематика, ее сюжеты закономерно ведут к этому эффекту.

Утопия всегда была и всегда останется индикатором, лакмусовой бумажкой назревающих социальных изменений. Она всегда «чувствует» грядущие социальные изменения. Меняется только окраска ожиданий: утопия поднимающегося класса «окрашивает» назревающие социальные изменения красным цветом надежды, борьбы, дерзания, утопия уходящего класса «окрашивает» эти же изменения черным цветом траура, черными силуэтами апокалиптических всадников на темном фоне исторических горизонтов... Современной буржуазной литературной утопии свойственна не просто апокалиптическая проблематика наряду с какими-то другими сюжетами. Апокалиптический дух, причудливо трансформируясь в мыслимые и немыслимые формы, пронизывает все ее направления, все ее сюжеты, все ее проблемы, отражая тем самым историческое место современного буржуазного мировоззрения в целом.

...Тень Апокалипсиса витает над всей современной буржуазной литературной утопией...

§ 4. «...У меня девять жизней...»

...Узнать свой век – это с давних времен было мечтою сильных и страхом слабых...

О. Ларионова

...Исполняя желания, материальный мир требует от нас поведения, которое может сделать исполнение одинаково похожим на победу и на поражение.

Ст. Лем

Одна из извечных проблем человеческого существования – проблема жизни и смерти, смерти и бессмертия – прошла весьма своеобразный и причудливый путь в литературной утопии. Становление человека как существа социального потребовало определения и в этой проблеме совершенно нового, собственно социального смысла. Однако давался человеческому сознанию этот новый смысл проблемы очень не легко и не просто. И опять – даже в этой проблеме – именно социальное развитие человечества обуславливало смену и развитие взглядов и теорий, поисков и заблуждений.

**«Греховность» жизни
и «святость» смерти...**

В системе религиозного сознания идея бессмертия воспринимается по самой ее сути как еретичная, греховная. О реальной постановке проблемы бессмертия не может быть и речи: для этого нет еще никаких позитивных знаний. И потому религия по своему «разрешила» эту проблему – тем же способом, которым она решала и все остальные не решавшиеся проблемы: иллюзорно. Идея смертного тела – временного и греховного вместилища бессмертной души – предполагает земную жизнь лишь как преходящее состояние, как испытание, как селекцию какой душе гореть в геене огненной, какой – купаться в райском блаженстве. Бессмертие тела, с этой точки зрения, суть попытка обмануть всевышнего: избежать божьего суда,

оценки, испытания. Бессмертна душа, но не грешное тело. Не случайно, поэтому всем фаустам бессмертие продают неизменно лишь мефистофели, не случайно всяческие «эликсиры молодости» изобретались всегда с помощью чернокнижия при деятельном бесовском соучастии.

Весьма характерно, что Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» в весьма сатирических тонах изображает физическое бессмертие. Полная умственная деградация и физическая неполноценность после достижения нормального предельного человеческого возраста – таков удел бессмертных. А осуществляется бессмертие здесь все так же, исходя из религиозной концепции человека (в широком философском смысле этого понятия, а не в смысле принадлежности к одной из систем религиозных культов).

Идея бессмертия в системе религиозного сознания предполагает непримиримый антагонизм двух начал в человеке: духовного (бессмертна душа: божественное, бестелесное, высшее начало) и телесного, физического (смертно тело – вместилище грехов, низменного, предмет ухищрений и экспериментов дьявола). Смерть без греха – соединение с богом, бессмертие тела – поиски дополнительных ресурсов для многообразных плотских грехов. Физическое бессмертие чрезвычайно заманчиво, оно осязаемо и конкретно (в отличие от умозрительного, абстрактного бессмертия души), связанные с ним блага известны и хорошо проверены, но... оно греховно, оно – от нечистого. Шустрые мефистофели народных сказаний и литературных произведений тех лет в качестве главной приманки, призванной соблазнить очередного фауста – соискателя физического бессмертия (предлагается всегда обмен бессмертной души на бессмертное тело), демонстрируют и сулят ему не какие-то духовные ценности (их телесно бессмертный-то как раз и лишается), а пухленьких юных гретхен... Такие цели и соответствующие средства воображаемого бессмертия вполне резонно для своего времени становились объектом нравственного осуждения, объектом сатиры.

Практические средства достижения бессмертия не являются сами по себе предметом исследования в утопических произведениях прежнего и нашего времени. Ранее они были либо заключены где-то в таинственных манускриптах алхимиков и чернокнижников, либо и вовсе хранились в скрытом от глаз людских Информатории Ада. Утопии тех времен на эти средства ссылаются, но отнюдь не их по преимуществу непо-

средственно исследуют. О средствах бессмертия утопии того времени фактически говорят лишь то, что эти средства практически недоступны обычному человеку и, следовательно, человечеству. Они – прерогатива не естественного, а сверхъестественного. В центре внимания утопии поэтому остается прежде всего проблема цены бессмертия: что может оно дать человеку и человечеству и чем придется за него расплачиваться? Но это уже собственно социальная проблема. Она была и остается – как бы не менялось ее конкретное естественнонаучное и социально-историческое содержание – главной стороной проблемы бессмертия для утопии вообще и литературной утопии в особенности. Что же касается средств достижения практического бессмертия, то современная утопия исследует их не в большей мере, чем традиционная. Теперь бессмертие достигается уже без чертовщины: современные ученые в своих лабораториях вполне научно что-то ищут и что-то находят... Но утопия по-прежнему и сегодня исследует не это «что-то», а социальные и нравственные проблемы предполагаемого «практического бессмертия».⁷⁰

Недостижимая мечта и ее нисхождение на Землю

Кризис традиционных форм религиозного сознания повлек за собой коренные сдвиги во многих аспектах разрешения утопией проблемы бессмертия: решение проблемы вернулось на грешную Землю и стала рассматриваться как дело реальной научной и социальной практики. Сверхъестественное происхождение бессмертия, если о нем иногда еще и пишут, трактуется не более чем в качестве условного литературного приема: может быть «тот» свет и существует (религиозное по типу сознание еще живет в буржуазный век, хотя его содержание претерпевает коренные изменения), но как реальный практический фактор вряд ли он может быть принят в расчет. Фаусты буржуазного века больше надеются на вполне земных мифистифицированных белых халатах: на науку. А с точки зрения науки еще очень долго, а не только в наше время, проблемой проблем является задача обеспечить человеку возможность прожить полностью хотя бы свой естественный природный век, дать ему возможность умереть естественной смертью

⁷⁰ Термином «практическое бессмертие» мы обозначаем всякое продление человеческой жизни за пределы естественного ресурса организма (хотя бы и максимального). Рассуждать сейчас конкретно о том, насколько может быть продлена жизнь за эти пределы по меньшей мере преждевременно. Речь идет об общей постановке проблемы, а не о сроках, практических средствах и т.п.

от старости, а не от болезни или травмы. Однако до решения проблемы практического бессмертия и сейчас неизмеримо далеко: пока она может быть предметом лишь научной фантастики.

С точки зрения собственно социальной проблематики литературная утопия буржуазного века – как собственно буржуазная, так и в особенности ранняя социалистическая, – тоже была далека от проблемы бессмертия. Утопия искала в первую очередь средства обеспечения материального изобилия, искала рецепты достижения «общества благоденствия». Утопия социалистического направления вполне закономерно на первый план выдвигала задачу обеспечения возможности для каждого человека прожить свой естественный век без эксплуатации, без безработицы, без недоедания и нищеты, задачу обеспечения социального равенства, изобилия, всестороннего развития личности. Для проблемы бессмертия в качестве реального исторического феномена (влекущего за собой кардинальные социальные изменения) еще не было даже минимальных (достаточных для ее разработки в системе классового утопического сознания) предпосылок. Исключения из этого правила незначительны. Во всяком случае ни в одной из действительно сколько-нибудь массовых и популярных утопий XIX века мы не найдем постановки этой проблемы. Кстати сказать, ее нет даже у Ж. Верна (среди фантастических изобретений и открытий у него для биологии вообще не нашлось места), нет ее и у Г. Уэллса (который о биологических гипотетических проблемах писал довольно много).

Относительно тех «специальных» корней литературной утопии, которые проистекали от связей ее с естественнонаучным знанием, можно лишь повторить, что в конце XIX века (в эпоху У. Морриса и Ж. Верна) наука видела в качестве центральной проблемы биологии человека проблему, которую можно условно назвать эффектом «чудесного исцеления»: проблему эффективного ограничения инфекционных заболеваний, возможностей гарантированного излечения и т.п. И все это вполне соответствовало уровню развития науки того времени.

Что касается социальных корней буржуазной литературной утопии, то они также не могли породить рассмотрение проблемы бессмертия в утопии. Дело в том, что проблема бессмертия (да и вся вообще проблема жизни и смерти) неизбежно на первый план выдвигает проблему жизненных ценностей, целей и смысла жизни. Достаточно

вспомнить, например, «Шагреновую кожу» Оноре де Бальзака или «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. Бессмертие должно было бы реализоваться в какой-то «высокой» деятельности, ради которой стоило бы «платить» неизбежно «высокую цену». Но в мире чистогана такой деятельности практически нет. Буржуазный образ жизни, его цели, его ценности – все вместе и каждая в отдельности – не совместимы с самим смыслом бессмертия. Не совместим с ним индивидуализм как жизненная формула, не совместим узкий прагматизм деятельности, измерение всех человеческих способностей и усилий материально-предметным (и, в частности, денежным) эквивалентом, не совместимо накопление богатства как самоцель и высшая ценность.

В современной литературной утопии истинно по-современному проблеме бессмертия может быть первым поставил Джек Лондон в «Межзвездном скитальце» (1915 г.). Не случайно именно автор «Железной пяты» и «Мартина Идена» сумел в центр романа о предполагаемом «практическом бессмертии» поставить проблему того, как личность, обладающая вполне определенным ценностным миром, будет и сможет вести себя в условиях этого бессмертия. Герой Джека Лондона – по своему бунтарь, он не стяжатель, не потребитель. Сны о «сосисочной на Марсе» не обременяют его мятежную душу. Через все эпохи и через смену своих физических воплощений проходит человек, цельный, сильный своим духовным настроем, может быть и не во всем праведный, но всегда остающийся самим собой, что бы ему не угрожало, ставящий свой духовный мир выше всех и всяческих корыстных расчетов.

Литературная критика очень невнятно и неуверенно говорит о «Межзвездном скитальце». В нем порой пытаются найти изрядную дозу мистики и т.п. Однако такого рода суждения кажутся нам в конечном счете поверхностными. Сюжетную оболочку, необходимо фантастическую для того времени (и, скорее всего, просто элементарно условную), трактуют как истинное содержание романа. По нашему мнению, глубинная идейная сущность произведения (как бы не трактовал его содержание и сам автор) совершенно в ином. Здесь в форме литературной утопии, в форме фантастического романа поставлена совершенно современная (если не сказать, уходящая в будущее) проблема смысла жизни вообще. На примере многих жизней, если бы их мог прожить один и тот же человек, поставлена проблема соотношения определенного (исходного) типа личности и объективно необхо-

димого, заданного типа жизни, в том числе бесконечно длящейся жизни (какова бы не была эта длительность «бессмертия»: три обычных жизни, пять, семь, девять...). На первом плане у Джека Лондона оказался не биолого-индивидуальный аспект бесконечно длящейся жизни, а аспект личностный, аспект социальный. В этом и суть постановки этой проблемы сегодня средствами литературной утопии прогрессивного направления.

Позитивное естествознание должно исследовать, должно найти средства для продления человеческой жизни. Социальное знание, в том числе и средствами художественного осмысления мира, с помощью литературной утопии должно исследовать цели и последствия такого шага. Эксперименты в этой области невозможны – кроме мысленного эксперимента... Напомним, что по своей сути литературная утопия и есть этот мысленный эксперимент.

Современная буржуазная литературная утопия делает по результатам этого мысленного эксперимента обычно негативные выводы. Узость и ограниченность ценностей буржуазного мира делает практическое бессмертие угрожающим всей системе распределения влияния и материальных благ, даже без смены сущности самого социального устройства. Угрозы эти многообразны: трудно было бы выделить какой-то более предпочитаемый авторами или более правдоподобный вариант. То это состояние полного застоя, то это самоубийственная междоусобица, то это генетическое вырождение, то это бессмысленная и иррациональная тирания, то это гибель от столкновения с другой более динамичной цивилизацией... В наше время ограниченность и бесперспективность буржуазных ценностей становится все более очевидной. Это неизбежно сказывается и на трактовке буржуазной литературной утопией проблемы жизни и смерти, проблемы бессмертия. По самому своему духу буржуазная консервативная литературная утопия склонна любую проблему рассматривать прежде всего и главным образом как угрозу, либо трансформировать ее в угрозу.

**Становление
реальности
«нереальной»
проблемы...**

Однако мы имеем дело не с угрозой, а именно с проблемой – чрезвычайно сложной, многосторонней, почти не разрабатывавшейся еще в научном знании, да и литературной утопией еще только-толь-

ко поставленной во всей своей сложности на рассмотрение, – но именно с проблемой, а не просто с угрозой. Значение этой проблемы трудно переоценить: проблема жизни, смерти, бессмертия человека не нуждается в пояснениях. Кроме того, фактически речь идет и об определенном перенесении центра тяжести в борьбе человека с природой с «внешней» природы на природу самого человека, природу его индивидуальной и общественной жизни.

Смертность всего живого есть необходимое условие биологической эволюции, поскольку изменчивость живого должна иметь простор, пространство для своего развертывания. Каждая данная форма живого относительно стабильна, и смерть «живой особи» выступает как метод обеспечения смены одних форм другими, как необходимая предпосылка эволюционного изменения и развития. Определенная продолжительность физического существования человека есть, следовательно, явление биологического характера. Умозрительно можно себе, конечно, представить и какие-то иные формы, способы осуществления изменчивости всего живого, но смерть наиболее простое и наиболее эффективное (с точки зрения масштабов процесса изменчивости и времени осуществления изменений) средство.

Разум есть порождение и проявление не самих по себе биологических свойств человека, а его социальных качеств, его социальной формы существования. Разум необходимо покоится на биологическом основании, но сам по себе, по сути своей представляет собой явление социального плана. Тем самым уже потенциально задан непримиримый конфликт между основанием разума и его собственной сущностью, конфликт между продолжительностью жизни – биологическим феноменом и смыслом жизни – социальным феноменом.

К. Маркс называет предысторией всю историю человечества, предшествовавшую коммунизму. В другом случае он пишет о том, что до наступления эпохи коммунизма идет лишь процесс становления собственно социального образа жизни человека, собственно социальных связей.⁷¹ С этой точки зрения можно сказать, что вся предшествующая история есть постепенное освобождение социального от генетического наследия, от генетического влияния (именно наследия и влияния, а не прямых элементов) зоологического.

⁷¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1879 годов. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 105.

Это генетическое наследие, генетическое влияние проявляется, в частности, в непознанности индивидуумом собственного социального бытия, в неуправляемости, определенной стихийности социальных процессов, многовариантности социального развития. Поскольку в этих условиях аналогичным образом происходит и формирование личности, формирование ее индивидуального сознания, ее принадлежности к тому или иному типу культуры, то смена типов культуры, типов личности в решающей степени осуществляется со сменой поколений. Смерть выступает здесь не только регулятором биологической наследственности, но в какой-то мере и регулятором социальной «наследственности». В таком случае смерть становится определенной существенной предпосылкой не только биологической изменчивости вида, но и социальной изменчивости общества...

Однако такой характер социальной изменчивости не вытекает из принципиальной, родовой сущности социального. Скорее он вытекает из относительной еще неразвитости собственно социального, из того факта, что на этапе предыстории социальное еще испытывает очень существенное влияние предшествующего способа существования материи – биологического. Социальная изменчивость сама по себе (в принципе, в абстракции) отнюдь не требует смерти как биологического явления. Социальные отношения могут меняться, и в значительной, решающей части меняются, совсем на другой основе. Вот почему есть все основания предполагать, что с точки зрения социального развития биологическая недолговечность человека отнюдь не может рассматриваться как вообще сколько-нибудь необходимое основание такого развития.

Чтобы социальная изменчивость освободилась окончательно от какой-либо связи с биологической смертью человека, со смертью индивида, общественное развитие должно практически полностью освободиться от влияния форм и методов досоциального, биологического развития. Социалистическая революция и создает исходные предпосылки для такого освобождения – предпосылки для перехода от предыстории к подлинной истории человечества.

Начало коммунистической эры в истории общества вызывает к жизни два собственно социальных обстоятельства, существенно влияющие на постановку проблемы жизни и смерти (развитие естествознания и техники здесь подразумевается как само собой разумеющееся): во-первых, становление нового исторического типа сознания – так называемого научного сознания, во-вторых, овладение методами

целенаправленного управления процессами формирования (социализации) личности, а также и методами ее переформирования, изменения первоначально сложившегося типа.

Об отношении к проблеме жизни и смерти в системе религиозного (и религиозноподобного) сознания мы уже писали выше. Научное сознание впервые в истории обуславливает весьма своеобразный комплекс осознания проблемы смерти. Ему закономерно свойственны представления, во первых, о неизбежности смерти, во-вторых, о ее безысходности (абсолютности, безальтернативности, необратимости), в-третьих, о ее биологической обусловленности, но вместе с тем потенциальной бессмысленности и неоправданности с собственно социальной точки зрения. Разум потенциально безграничен (даже с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности человек за свою жизнь использует лишь около одной миллионной емкости памяти), а тело ограничено и смертно. Тем самым субстанция более низкого порядка – биологическая – выступает ограничителем функционирования субстанции более высокого порядка – социальной. Сбережение же информации при переходе от поколения к поколению – процесс крайне нерациональный, с очень низким КПД: сберегается относительно очень и очень небольшая часть информации, почти полностью, в частности, теряется так называемый индивидуальный «эвристический навык» (способность к научению, к интуиции, носящая в каждом случае индивидуальный характер). Бессмертен коллективный разум человечества и смертен человек – такова формула сохранения и развития культуры всей предшествующей эпохи. Этот способ «бессмертия разума» еще можно было бы считать эффективным раньше, когда объем «транслируемой» из поколения в поколение информации был относительно невелик, когда индивидуальное сознание за одну жизнь вмещало достаточно накопленной информации для активного творчества и деятельности. Однако в настоящее время количество необходимой информации перешло в качество: неизбежные при смерти индивида потери по своему реальному историческому социальному значению начинают обгонять по существу общий рост количества знания, а творческие потенции самого гениального индивида существенно ограничиваются невозможностью освоить в качестве предпосылки творчества всю накопленную информацию. Творческая природа человеческого разума, человеческой культуры все в возрастающей степени

ограничивается относительной непродолжительностью и физической и, соответственно, творческой жизни индивида.

Именно осознание этой зависимости лежит в основе идеи о так называемой «мегабитовой бомбе», развитой С. Лемом в «Сумме технологии», – идеи о кризисе человеческой культуры в связи с лавинообразным ростом информации, идеи, опирающейся на данные современного науковедения. Все чаще, и, что важнее, во все возрастающих масштабах творческая личность не в состоянии завершить своих начинаний. Научные школы, ученики и т.п. выступают здесь весьма слабой компенсацией такого рода потерь. Представьте себе современную физику, в которой разум Ньютона сотрудничал бы с разумом Эйнштейна, современное социальное знание, в котором Маркс присутствовал бы не только своими текстами, но и своим живым, действующим умом...

Овладение методами управления процессом формирования и переформирования личности (в настоящее время идет относительно быстрая научная разработка этих методов) позволяет решить, пожалуй, ключевую социальную проблему «практического бессмертия»: проблему качественного развития и изменения типа личности, развития и изменения не только (и не столько) ее знаний, сколько ее ценностных ориентаций, проблему создания такого порядка, когда личность могла бы во всех главных вопросах социального поведения «себя преодолеть» (прежде всего себя, – ибо других преодолевают чересчур успешно вполне смертные личности), была бы способна к практически неограниченному внутреннему развитию и совершенствованию. Это далеко не единственная социальная проблема общества «практически бессмертных», но, как минимум, ключевая.

Современная наука позволяет сейчас в целом (именно в целом, ибо конкретных, частных нерешенных вопросов здесь еще множество) решать проблему практического исчерпания человеческим организмом всего своего «нормального» жизненного ресурса в обычных современных условиях жизни. В качестве практической рабочей проблемы уже поставлена задача обеспечения дожития основной массы людей до максимально возможного реально (80-100 лет) срока жизни, причем без переделки самой природы человеческого организма.

Опыт ряда развитых стран наглядно показывает, каковы должны быть минимально необходимые материальные и медико-социальные предпосылки массового (то, что мы выше именовали: «в целом») долгожития в пределах «нормального» жизненного ресурса организма человека.

Соответственно этому наметилась в качестве перспективной проблемы науки и практики будущего реальная постановка проблемы «практического бессмертия». А коли так, то для литературной утопии эта проблема должна была стать и действительно стала одной из актуальных, сегодняшних проблем. Лабораторным экспериментам и внедрению в практику необходимо должен предшествовать эксперимент мысленный, предвосхищающий и исследующий назревающие социальные изменения.

**Изменчивость личности
и изменчивость
общества**

На подступах к проблеме «практического бессмертия» литературная утопия прежде всего весьма детально исследовала проблему изменчивости личностных свойств индивида в меняющейся социальной и культурной среде. Проблема осмысливалась сразу в четырех главных вариантах:

1. Прямые путешествия во времени. Их описания встречались и до Г. Уэллса, однако, его «Машина времени» (1895 г.) была подлинным переворотом в разработке этого сюжета. Неть числа его последователей: среди них будут почти все видные мастера литературной утопии в облике научной фантастики.

2. Парадокс времени при путешествии в космосе с околосветовыми скоростями. И это сюжет рассматривался во всех возможных и невозможных вариантах в тысячах произведений. Мы выше уже весьма обстоятельно анализировали этот сюжет в книге Ст. Лема «Возвращение со звезд», упоминали повесть А. и Б. Стругацких «Возвращение» и др.

3. Контакты с инопланетными цивилизациями, различия у которых с земной цивилизацией преимущественно не биологические (или не только биологические), а социальные: за счет разницы в историческом времени (например, «Красная Звезда» А. Богданова, повести и рассказы Г. Гора, «Каллистяне» Г. Мартынова, «Эдем» Ст. Лема и др.), в некоторых исходных посылах культуры (сюда, например, относится упоминавшаяся нами выше очень интересная повесть А.И. Мирера «У меня девять жизней», из которой мы позаимствовали название для данного параграфа) и т.п.

4. Поиски и становление новых методов формирования личности, обеспечивающих управляющее воздействие по всем важнейшим элементам психического и одновременно качественно более эффективных с точки зрения круга формируемых свойств, объема усваиваемых

мой информации, качества ее усвоения и т.п. Проблема эта также весьма широко исследовалась современной литературной утопией. Достаточно сослаться на «Профессию» А. Азимова, «Воспителлы», «Детский сад» и некоторые другие рассказы К. Саймака, «Опаляющий разум» и другие рассказы Г. Альтова и др.

Каждый из этих четырех основных сюжетов литературной утопии, связанных с проблемой «практического бессмертия» имеет и ряд других аспектов своего содержания. Использующие эти сюжеты авторы, как правило, не задумывались над тем, что одним из глубинных подтекстов их произведений является проблема «изменяющейся личности в движущемся времени» – одна из ключевых подпроблем обеспечения «практического бессмертия». Таким образом, вольно или невольно, важнейшие косвенные подходы к проблеме «практического бессмертия» оказались вполне своевременно реализованными в литературной утопии.

Рассмотрение в литературной утопии проблемы «практического бессмертия» в лоб, прямо и целенаправленно, идет пока, однако, значительно более осторожно. Сложность проблемы проявила себя здесь в полной мере в том, что пока не появилось в свет сколько-нибудь значительное научно-фантастическое произведение, где делалась бы успешная попытка более или менее полно рассмотреть все или хотя бы многие главные аспекты проблемы. В советской фантастике исключением, быть может, является рассказ Г. Альтова «Клиника «Сапсан». Однако, это, скорее всего, беллетризованная постановочная статья на данную тему (сама по себе очень интересная и содержательная), чем художественное произведение: ситуация в ней на 9/10 анализируется чисто логически и лишь на 1/10 – моделируется в образах. Чаще всего в общем контексте произведения рассматривается только тот или иной один (правда, обычно достаточно широкий) аспект проблемы «практического бессмертия».

О негативной трактовке социальных проблем «практического бессмертия» в современной консервативной буржуазной литературной утопии мы уже говорили несколько выше. Весьма любопытно, что известные отзвуки этого негативизма можно найти и в фантастике социалистического направления. Здесь есть основания говорить о своеобразной боязни проблемы бессмертия у некоторых авторов. Боязнь эта имеет свои достаточно глубокие исторические и мировоззренческие корни, о которых писать, пожалуй, здесь не стоит: проблема чересчур серьезна и не во всем безболезненна для тех, к кому относится непосредственно. Во всяком случае, пока еще и в фантастике со-

циалистического направления нет недостатка в авторах, спешащих в силу сложности и «непонятности» проблемы на всякий случай ее третируют. В качестве типичных примеры мы, увы, снова сошлемся на С. Жемайтиса. Его рассказ «Артаксеркс» (в сборнике «Фантастика-71». М.: Молодая гвардия, 1971) повествует о попытке жителей некоей планеты добиться бессмертия. Попытка эта осуждена автором сурово, безапелляционно и безоговорочно, да вот основания для осуждения уж очень жидковаты: «...стремясь удовлетворить свои непомерно возросшие потребности... изготавливали невероятное количество вещей...», нарушили «...экологическое равновесие в природе...», «...что-то нарушили в своем генетическом коде» (с. 169). Аргументация эта по своей сути к самой проблеме бессмертия – ни ее биологической, ни ее социальной стороне – ни малейшего отношения не имеет. Генетический код, например, можно с тем же успехом нарушить и в борьбе, скажем, с кариесом зубов... Мораль, проповедуемая С. Жемайтисом (устаи робота Артаксеркса): «...вечно живет вид, а не отдельная особь» (с. 168) – с головой выдает безусловную путаницу в разграничении биологического и социального аспектов проблемы. Налицо очевидная попытка прямо перенести зоологическую (или биологическую) закономерность на социальное явление.

В свое время (1955 г.) в «Магеллановом облаке» Ст. Лем также скорее негативно, чем позитивно, оценил возможные попытки поисков физического бессмертия. Однако аргументация у него была принципиально иной. Она заслуживает того, чтобы привести ее квинтэссенцию (слова одного из центральных героев романа – пилота Аметы): «...смерть придает бесценную стоимость каждой секунде, каждому дыханию; она – приказ нам напрячь все силы, чтобы мы смогли добиться как можно большего и передать завоеванное следующим поколениям; напоминание об ответственности за каждое наше действие, потому что сделанного нельзя ни изменить, ни забыть за такое короткое время, как жизнь человека. Смерть учит нас любить жизнь, любить других людей, смертных, как и мы, исполненных мужества и страха, как и мы, в тоске стремящихся продлить свое физическое существование и строящих с любовью будущее, которого они не увидят».⁷²

Мы видим, что центр тяжести этой аргументации лежит по существу в понимании социальной изменчивости. В то время Ст. Лем также

⁷² Ст. Лем. Магелланово облако. М.: Детская литература, 1960. С. 286-287.

до известной степени еще отождествлял социальную изменчивость с изменчивостью человека как биологического вида (об этом прямо идет речь несколько выше цитированного отрывка). Отождествление это, как мы уже писали выше, неправомерно. Неправомерность эта, конечно, не столь уж очевидна и наглядна. Однако дело не только в этом.

Ст. Лем в «Магеллановом облаке» еще упускал, если так можно выразиться, обратную сторону своей собственной аргументации. Смерть является не только стимулятором активности, но и самым глубоким и устойчивым основанием человеческого конформизма: если жизнь быстротечна и нельзя (физически невозможно), признав свою ошибку, начать с начала, значит, остается только упорствовать в собственном мнении. Для индивида «выгодно» настоять на своем: прав он или нет по существу. Признание его правым (фактически истинное или иллюзорное) обеспечивает ему определенное положение в мало меняющемся за время его жизни обществе, в быстротечной жизни. И рождается жизненная «философия»: «лишь бы этого хватило на мой (наш) век!..» Раз не дана в этой или иной форме возможность повторения, изменения, значит, в той или иной мере задано принципиальное отрицание жизненной самокритики – в самом широком смысле этого понятия. Между интересами индивида (и даже определенной социальной группы) и интересами общества здесь существует и активно себя проявляет противоречие, чреватое потенциально возможными конфликтными ситуациями.

Вот почему в последующем Ст. Лем фактически вынужден был отойти от этой своей крайней позиции.

Цель и «цена» бессмертия...
--

Наиболее плодотворной для литературной утопии социалистического направления кажется нам разработка весьма актуальной сейчас проблемы: каковы цели «практического бессмертия»? каковы его социальные следствия? какова та возможная «цена», которую индивиду и обществу придется «платить» за это бессмертие? Приведем несколько примеров.

В повести И. Росоховатского «Стрелки часов» (1964 г.), в повести А. и Б. Стругацких «Далекая Радуга» (1964 г.) в центре внимания оказалась именно проблема «цены» бессмертия, если бы оно потребовало перемещения разума в иную – не просто и не только биологическую – оболочку. Авторы этих произведений безусловно правы в одном из своих главных тезисов: бессмертие такого рода не может

быть приобретено «малой» ценой. В корне должен измениться и тип разумного существа, и логика его поведения, и мир его ценностей... Разум, выбирающий этот путь, должен быть готов к тяжелой, мучительной, качественной перестройке. Возможна ли она? оправдана ли? что она в конце концов даст не только в сфере чистого знания, но и в сфере эмоциональной, в сфере мотивации жизнедеятельности? На эти вопросы авторы пока ответить по существу не готовы и наивно их в этом было бы винить: к этому еще не готов и вообще наш век. Пока сделан первый, но важнейший шаг: проблема сформулирована и поставлена.

И Росоховатский и братья Стругацкие в своих повестях дают, в конечном счете, отрицательную оценку описанным попыткам добиться бессмертия путем превращения человека в киборга. Однако такого рода отрицательная оценка и по форме, и по существу в корне отличается от постановки вопроса в рассказе С. Жемайтиса. Негативность здесь связана с совершенно конкретными, точно отграниченными условиями: во-первых, оценку дает наше, сегодняшнее сознание, исходящее из вполне определенных ценностных критериев, во-вторых, негативно оценивается с этих позиций совершенно определенное, достаточно конкретное (с точки зрения такого подхода) средство достижения бессмертия. Здесь нет и тени самой по себе боязни проблемы в целом. Наоборот, речь по существу идет о поиске оптимальных средств ее решения, поскольку сама по себе идея о принципиальной бесконечности разума, о его принципиальном бессмертии – как в общесоциальном, так и в индивидуально-личностном виде – не вызывает сомнения ни у авторов, ни у читателя. Речь идет о поиске путей разрешения противоречия, а не о бегстве от него. Можно (и, наверное, даже нужно) признать известную растерянность И. Росоховатского, А. и Б. Стругацких перед столь сложной и во многом новой проблемой. Такого рода растерянность, наверное, не похвальна, но она понятна и может быть в чем-то оправдана. Боязнь же проблемы, свойственная, например, С. Жемайтису, не имеет оправданий.

О рассказе Г. Альтова «Клиника «Сапсан» мы уже упоминали выше. Общая постановка всей проблемы в этом весьма характерном рассказе тоже не завершена каким-то окончательным выводом, однако – и это здесь особенно важно – достаточно убедительно показано, что само возникновение проблемы безусловно закономерно. (Тогда как у С. Жемайтиса сама постановка проблемы бессмертия выглядит

прихотью, капризом, следствием пресыщения.) И исторически, и социально постановка и решение проблемы бессмертия необходимы и уйти от них попросту невозможно. Чрезвычайная же ее сложность требует поиска, творческого подхода, мужества и риска, не уступающих мужеству и риску поисков нового в прошлые века...

Проблема способности личности, обладающей «практическим бессмертием», к саморазвитию, к изменению своих ценностных ориентаций, своих мировоззренческих позиций рассмотрена под определенным углом зрения в романе Г. Мартынова «Гианэя» (1-ое изд. – в 1965 г., 2-ое – в 1971 г.). Г. Мартынов делает предположение, что консерватизм представлений личности (со сроком жизни несколько сот лет, что для современного человека равно «практическому бессмертию») может оказаться неявной предпосылкой застоя общественных отношений в целом. При этом Г. Мартынов дает только постановку проблемы, но отнюдь не ее более или менее однозначное решение. Значение же и правомерность постановки этой проблемы не вызывает сомнений.

Наконец, Ст. Лем в цикле рассказов «Из воспоминаний Йона Тихого» (рассказ второй) весьма остро и ярко пишет о цели, которой должно быть подчинено стремление добиться «практического бессмертия». Бессмертие как состояние абсолютного покоя, замкнутости только в собственные переживания и т.п. бессмысленно, утверждает Ст. Лем. «...Люди не жаждут бессмертия, – говорит Ст. Лем устами своего героя Йона Тихого. – Они просто не хотят умирать. Они хотят жить... Хотят чувствовать землю под ногами, видеть облака над головой, любить других людей, быть с ними и думать о них. И ничего больше».⁷³

Таковы гуманистические послышки постановки утопией социалистического направления проблемы «практического бессмертия». До решения же этой проблемы пока еще далеко. Очень далеко...

⁷³ Лем Ст. Формула Лимфатера. М.: Знание, 1963. С. 30.

§ 5. Пыльные тропы планет...

Мы должны раздувать в пламя любую искру разума. Если разум в оковах – надо сломать их. Если разуму трудно – надо ему помочь. Если разум высок – надо самим научиться.

Дж. Уиндем

...Мы не выбираем себя, мы себе даны и целиком отвергнуть этот дар практически не можем; но если появляется хоть малейшая возможность противопоставить себя навязанному дару – как же не воспользоваться ею?

Ст. Лем

После проблемы «общества благоденствия», пожалуй, именно проблема «человек и космос» развита самым подробным образом в современной литературной утопии в облике научной фантастики.

**«Острова Утопии»
в ближнем и дальнем
космосе**

Вначале «ближний космос»: Луна, Марс, Венера – выступают в качестве заменителей «блаженного острова Утопии». Развитие теоретической и практической земной географии вытесняет дислоцирование обществ и государств Утопии сначала с поверхности Земли, а затем и из Солнечной системы. Утопия перемещается либо по вектору времени (что, кстати сказать, по ее содержанию не всегда возможно: многие гипотетические социальные ситуации попросту не вписываются ни в прошлое, ни в будущее земной цивилизации), либо – и чаще всего – в иные миры. Этот сюжетный ход литературной утопии – в соответственно обновленном варианте – вполне успешно применяется ею и сейчас. Планеты Солнечной системы теперь уже во многом известны, с другой стороны, техника перемещения в космосе – и реальная и, соответственно, научно-фантастическая, литературная – далеко шагнула вперед: про-

странство существования «обществ благоденствия» (или, наоборот, – если перед нами антиутопия) переместилось в другие звездные системы и даже в другие Галактики...

Другое назначение космоса в литературной утопии: поиски пространства для реализации возросших возможностей человека. По своему существу – это развитие сюжета местонахождения «острова Утопии»: эти возможности тяготеют все к той же проблеме «общества благоденствия», все к тем аспектам гипотетического развития личности и т.п.

Западная фантастика большей частью изображает это возрастание возможностей как прямую линейную экстраполяцию земной истории и земных дел буржуазного мира: колонизацию новых планет, истребительные войны с аборигенами, межгалактическую торговлю всеми возможными и невозможными товарами, приключения преступников и сыщиков в космосе, борьбу империй и королевств, разведчиков и контрразведчиков, – перечень этот может быть продолжен до бесконечности... Вся буржуазная ветвь литературной утопии – и консервативная, и прогрессивная оперирует в космосе, рассматриваемом как новое, более широкое пространство деятельности человека, все с теми же социальными атрибутами буржуазного общества, буржуазного образа жизни, буржуазного образа мышления. Для консервативной утопии такая форма сюжетных построений служит прикрытым, неявным способом утверждения извечности буржуазного строя общества. Для прогрессивной утопии создается возможность более остро, гипертрофированно показать внутреннюю конфликтность буржуазного деградирующего мира, противопоставить ему те или иные общие и абстрактные человеческие добродетели.

В этом же ключе «работает» и фантастика социалистического направления. Она сплошь и рядом использует «космические подмостки» для показа в гипертрофированном виде коллизий борьбы социализма с капитализмом, борьбы жизненных принципов двух этих антагонистических социальных систем. И здесь роль космоса чисто инструментальна: новое пространство, позволяющее гиперболизировать реальные сегодняшние конфликты. Такого рода прием находит себе место в «Магеллановом облаке» Ст. Лема, в «Стажерах» А. и Б. Стругацких, в «Гианэе» Г. Мартынова, в «Вахте «Арамиса» О. Ларионовой и т.д. и т.п.

Однако космос как новое пространство – само по себе далеко не главное в современной, литературной утопии. Фактически, как мы уже отмечали, здесь речь идет не о каких-то качественно новых проблемах жизни и исторических судьб человечества, а о расширении старых. Космос здесь – чисто инструментальное средство гиперболизации современных земных проблем, в известной мере механическая гипертрофия земной повседневности.

Что же главное? Главным являются такие проблемы современности (и особенно будущего), такие проблемы современного социального знания (особенно прогностической его ветви), относительно которых космос является единственно возможной областью их постановки и решения. О нескольких таких главных аспектах проблемы «человек и космос» в современной литературной утопии мы и считаем необходимым поговорить в этом разделе.

**Человек и природа:
от земных до
космических
масштабов**

Прежде всего космос выступает необходимым элементом решения проблемы противостояния человека и природы на всю видимую перспективу.

Как мы уже писали выше, современная научно-техническая революция в известном смысле (создавая материальное изобилие) означает завершение определенного большого (охватывающего всю предыдущую историю человечества) периода противостояния человека и природы. Завершается создание «второй», «искусственной» природы (автоматизированного и автономного процесса производства материальных благ), выступающей связующим звеном между «естественной» природой и собственно общественной деятельностью людей. Центр тяжести противостояния человека и природы несомненно переносится (во всяком случае на определенный, достаточно исторически длительный период) с «внешней» природы на природу «внутреннего»: на природу самого человека как существа биологического и социального. Однако смещение центра тяжести противостояния человека и природы в сторону «внутреннего» пространства природы ни в коем случае не может означать и не означает прекращения освоения пространства «внешнего». Оба эти пространства природы (здесь природа рассматривается под углом зрения человеческой практики) тесно взаимосвязаны, освоение их взаимообусловле-

но и речь может идти лишь о смещении центра тяжести, а не об отказе от освоения какого-либо одного из пространств ради освоения другого. Смещение же центра тяжести противостояния человека и природы является совершенно очевидным историческим фактом.

Однако смещение центра тяжести противостояния человека и природы означает и какие-то качественные изменения относительного самого «внешнего» пространства. Меняется сам круг этого пространства (в частности, необходимым становится выход в космос), меняются во многом средства его освоения, показатели эффективности человеческой практик и т.п.

Литературная утопия рассматривает сейчас возможные варианты последующей деятельности человека по взаимодействию с природой. Здесь есть ряд аспектов (например, проблемы экологии), к которым космос не имеет прямого отношения, однако, основная часть их более или менее прямо в проблему освоения космоса упирается.⁷⁴

Литературная утопия в явной (или неявной) форме ставит и самое главное в этой проблеме: где все же будет центр тяжести противостояния человека и природы?

Целый ряд произведений литературной утопии и до сих пор исходит фактически из признания того, что освоение «внешнего» пространства всегда и во всех условиях имеет решающее значение. В этом случае выход в космос, во-первых, сам по себе абсолютно необходим, во-вторых, эта экспансия в космос практически может быть ограничена только самой природой, ее законами (причем такое ограничение грозило бы человечеству в перспективе неисчислимыми бедствиями: вплоть до гибели), в-третьих, ради продолжения и развития этой экспансии человечество должно быть готово платить практически любую цену (т.е. критерии эффективности продвижения в космос тяготеют к безусловной необходимости такого продвижения, а не к каким-то свойствам самого по себе человека). Весьма типичным для такой постановки проблемы является, в частности, описание преобразовательной деятельности людей, далеко выходящей за пределы не только Солнечной системы, но и за пределы галактик (Г. Альтов «Порт Каменных Бурь», С. Снегов «Люди как боги» и др.); описание продвижения в космос ценою любых жертв, причем целевые функции такого

продвижения обычно либо неопределенны, либо заведомо идеализированы с точки зрения их конечного эффекта (дань этой тенденции отдал И.А. Ефремов, к ней тяготеют, пожалуй, большинство пишущих о космосе, к ней тяготеют попытки слепо абсолютизировать героику космоса типа «Легенд о звездных капиталах» Г. Альтова и т.п.).

Возможно, что сторонники этой трактовки проблемы «человек и космос» правы во многом или даже в главном (если бы на этот вопрос существовал вполне определенный, однозначный ответ, он не был бы предметом исследования литературной утопии), однако, их оппоненты достаточно убедительно показывают нам иные возможности противостояния человека и природы, иные аспекты продвижения человека в космос. К сожалению, эта концепция пока не получила столь обстоятельного отражения в литературной утопии (по нашему мнению, дело здесь отнюдь не в самой по себе слабости и этой концепции, а в определенной инерции мышления, произвольно стремящегося экстраполировать принципы взаимодействия с природой нашего времени на будущее, на всю видимую историческую перспективу).

Наиболее крайняя позиция здесь отражена, пожалуй, в уже рассматривавшемся выше романе Ст. Лема «Возвращение со звезд». Эта крайность (но со знаком «плюс»!) – не в полном отказе «бетризованного» мира от проникновения в космос. Она – в позиции Эла Брегга и его товарищей: даже если космос дает минимально мало в собственно научном смысле, даже если весьма проблематичным остается само существование (не говоря уж о контактах) внеземных цивилизаций, продвижение в космос остается необходимым для человека как существенный элемент его самоутверждения в борьбе с природой, как элемент воспитания и утверждения в нем подлинно человеческих качеств, человеческой морали и т.п. Здесь решающая роль в целевых установках продвижения в космос отведена именно и прежде всего собственно внутрисоциальному, внутричеловеческому, а не аспектам прямого противостояния человека и природы. Аспект освоения «внешнего» пространства здесь отнюдь не отрицается и не преуменьшается: попросту дана картина его безусловного подчинения освоению пространства «внутреннего».

⁷⁴ Связь «земной» науки и техники с освоением космоса рассмотрена, в частности, в работах Е.Т. Фаддева, А.Д. Урсула, Э. Кольмана и др.

**Космос как
«пространство знания»
или проблема контакта**

В проблеме освоения космоса как своего рода пространства взаимодействия с природой литературная утопия проделала весьма любопытную эволюцию. Вначале проблема освоения космоса отражалась как процесс проникновения в «физическое пространство»: открыть новую планету, проникнуть на уже известную, что-то использовать из найденного в космосе, познакомиться с новыми явлениями природы и т.п. Однако, чем дальше, тем больше проблема проникновения в космос связывается с так называемой «проблемой контакта»: установление связи и обмен информацией с другим разумом. «Другой» разум, необходимо, по мнению большинства авторов, присутствующий в «большом космосе», выступает в решающей степени как источник нового знания: «они» знают либо в целом больше нас, либо знают то, мимо чего мы прошли. Цель освоения космоса в новом направлении литературной утопии существенно сдвигается: в космосе вряд ли особенно эффективно искать возможностей расширения предметного богатства человечества (хотя урановые или им подобные рудники на других планетах устойчиво кочуют из романа в роман, из рассказа в рассказ), – главное, что он может дать, это скачок в знании, в информации. Главная ценность, скрытая в космических даях, – потенциальные ресурсы нового знания. И если это знание можно найти готовым, т.е. уже добытым разумом, уже облеченным в символические формы языка, то это и есть самое ценное. Так постепенно вызревает самый важный аспект идеи контакта. Литературная утопия отражает этот аспект освоения космоса по-разному. «Туманность Андромеды» И. Ефремова очень не похожа на «Андромеду» Ф. Хойла и Дж. Эллиота, «Детский сад» и «Необъятный двор» К. Саймака – на «Чердак вселенной» С. Павлова. Однако всех их связывает одно общее: космос – это область, где может и должно быть получено новое знание, где человечество может получить новый мощный импульс для движения вперед, новые средства этого продвижения. Если разум закономерен, если он существует как необходимое явление, то взаимный обмен плодами разума, коллективное противостояние природе необходимо должны осуществиться, как выражение зрелости этого разума.

Однако, будучи «физическим пространством», сферой, где может быть найдено новое знание и т.п., космос – поскольку в него про-

ник, в нем присутствует человек – всегда остается и «социальным пространством». Различия в понимании социальной сущности человека, различия в мировоззрении, в идеологии в полной мере нашли себе отражение во всей «космической» проблематике литературной утопии. Различны именно не сюжеты (их различие имеет чисто литературное значение), а мировоззренческие позиции в понимании сущности контакта, в понимании социальной природы разумной жизни, в понимании самой по себе закономерной социальной обусловленности контактов с другими формами разума, рассеянными во Вселенной.

Западная фантастика необходимо платит дань «родовым» идеям буржуазного сознания: идее принципиальной враждебности различных форм разума, идее корыстных критериев контакта (вплоть до торговли мыслями и идеями) и т.п. Любопытно, что этот поток идей в сколько-нибудь серьезной литературной утопии обнаруживает явную тенденцию иссякнуть, однако, в массовом потоке фантастики невысокого пошиба идеи враждебности, войны, корысти и т.п. продолжают воплощаться во все новые сюжеты. Идея принципиального единства разума, сколь бы не различались биологические формы, в которые он необходимо может облечься, все в большей степени проникает и в литературную утопию на Западе. Необходимость не только сосуществования, но и самого тесного сотрудничества, необходимость исходить из идеи конечного единства целей существования разумной жизни доказывается в произведениях самых различных авторов: Дж. Уиндема, К. Саймака, Ф. Хойла и Дж. Эллиота, Т. Старджона, Г. Гаррисона. Может быть, особенно четко эти идеи выражены в повести Дж. Уайта «Космический госпиталь».⁷⁵

Литературная утопия социалистического направления чаще грешит иным: она порой злоупотребляет упрощенным, идиллическим описанием общности разумной жизни. В ней чрезвычайно часто встречается наиболее примитивное описание контакта, когда жители Земли и других обитаемых миров изображаются биологически тождественными друг другу (причем речь идет не о чисто условных тождестве и различии, как, например, в «Попытке к бегству» и «Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких, а именно о прямом и буквальном отождествлении, как, например, в «Каллисто» и «Каллистянах» Г. Мартынова).

⁷⁵ Космический госпиталь (сборник). М.: Мир, 1972.

Однако в целом фантастика социалистического направления исходит из наиболее прогрессивных и перспективных гипотез относительно возможности контактов с внеземными цивилизациями, относительно возможности чрезвычайно высокой эффективности таких контактов. Исходной здесь является вытекающая из диалектико-материалистической философии гипотеза принципиальной однотипности общих законов развития разума в противостоянии природе, общих в принципе законов социального существования разумной жизни.

Но именно здесь находится и главная проблема – проблема проблем – литературной утопии, разрабатывающей сюжет «человек и космос». Этой проблемой проблем является вопрос о конкретном характере, о конкретных формах общих законов развития разумной жизни и особенно – общих законах социального развития.

**«Зеркало»
человеческого ...**

Проблема общих – не только земных, но и еще более общих, – закономерностей развития разума, развития социальных отношений (т.е. соответствующей сущности разума социальной формы бытия) имеет отнюдь не только и не столько абстрактно-умозрительный характер. Бурная смена событий в современной истории, ускорение ее темпа, с одной стороны, необходимость планомерного, научного управления всем общественным процессом, с другой, требуют нового шага в социальном знании: необходимости овладения всеми данными о закономерностях, формирующих вариативность общественного развития. Знание причин этой вариативности, возможных факторов, делающих тот или иной вариант развития предпочтительным или даже неизбежным, знание очень отдаленных причинно-следственных связей в историческом процессе, позволяющее управлять им в гораздо более высокой степени, чем это возможно сейчас, стало назревающей объективной необходимостью. Поднявшись до таких высот научно-технического и социального прогресса, когда каждое действие, каждый крупный шаг могут иметь глобальные последствия, когда резко возрос темп развития, и важные изменения зачастую происходят быстрее, чем их можно достаточно полно осмыслить, человечество в этих условиях ищет в космосе, во-первых, исходный материал для построения более общей и более абстрактной научной теории социальных изменений (практическое значение такой

теории для современной и особенно будущей практики трудно было бы переоценить), во-вторых, попросту «зеркало» (термин этот употребил Ст. Лем в романе «Солярис»), шкалу оценки для человеческого общества, человеческой истории, самого человека. Человечество в своем социальном развитии подошло к освоению космоса как к необходимому и неизбежному условию дальнейшего прогресса, и литературная утопия здесь, как и везде, вполне закономерно предваряет реальную человеческую практику.

Прежде всего, литературная утопия изыскивает какие-то реальные природные основания для того, чтобы построить модель «иной» разумной жизни, которая могла бы служить для человеческого общества Земли координатной системой для измерения и отсчета, могла бы служить эталоном для измерения.

Простейшим вариантом построения в научной фантастике такой системы координат является использование связанного с путешествиями в космос с околосветовыми скоростями парадокса времени (в XIX веке этому предшествовал чудесный сон, продолжавшийся много лет и т.п.). Достаточно сослаться здесь на уже знакомый нам роман Ст. Лема «Возвращение со звезд».

Пожалуй, столь же распространенным вариантом является и сюжет, который условно можно назвать «сигнал из Космоса». Суть и особенность его состоит в том, что человек Земли встречается не с самими другими мыслящими существами, а с исходящей от них информацией (либо в виде сигналов, либо в виде каких-то предметов). Степень и характер овладения этими сигналами и выступает в качестве мерила того, что собой представляет земное человечество. В качестве примеров такого рода литературных утопий можно назвать «Голос неба» Ст. Лема, «Пикник на обочине» А. и Б. Стругацких, «Селеста – 7000» А. и С. Абрамовых, «Андромеда» Ф. Хойла и Дж. Эллиота, «Фактор ограничения» К. Саймака и др.

Наконец, весьма распространенным вариантом является также и описание иной биологической и социальной природы разумной жизни, найденной в космосе. Вариации здесь воистину бесконечны: разная продолжительность жизни в «Гианэе» Г. Мартынова, океан в «Солярисе» Ст. Лема, вирусы-носители разумного начала у О. Степльдона, разумные цветы, существа, похожие на земных животных (крыс, сурка, скунса и т.п.) у К. Саймака, порождающие по-

очередно одна другую из каждой своей клетки «холодная» и «горячая» расы у Х. Клемента («Огненный цикл») и т.д. и т.п. Иная биологическая (а в некоторых вариантах и вовсе неорганическая) природа жизни обуславливает иной ее строй, иные ее ценности, иные проявления. Только сами по себе разум, труд, социальная форма существования выступают в самом общем виде одновременно и каналом связи, каналом единства земной и внеземной жизни, основанием для создания эффекта «зеркала», эффекта оценки.

Для того, чтобы более наглядно проиллюстрировать, как развертываются в литературной утопии идеи человеческого самопознания, идеи «зеркала» в космосе, попытаемся проследить эту линию в творчестве такого известного писателя и философа, как Ст. Лем. Космическая тема составляет сюжетную основу почти всего художественного творчества Лема. И причину этого Лем ясно и точно определил еще в романе «Солярис» (1961 г.): человечество в космосе ищет «зеркало» для того, чтобы увидеть в нем себя, ищет шкалу для измерения степени зрелости своей цивилизации, для оценки своего состояния и своего развития. Однако эта общая идея, а лучше сказать – одно направление движущейся мысли объединяет не только собственно научную фантастику, но и все творчество Ст. Лема.

Человек подчиняет себе природу, создавая новую науку и новую технику; меняются в ожесточенной борьбе старого и нового социальные формы его существования; меняются цели человеческой деятельности и сами критерии человеческого... Какими же должны быть в основе своей человек и человечество в релятивном мире всеобщего изменения, чтобы сохранить свою бессмертную душу, себя самое и свою сущность среди приведенных им в движение колоссальных, несоизмеримых с его слабой биологической оболочкой, мегатонн и мегапарсекков? Безгранично могущество разума, но проблема не столько в том, чтобы наращивать безгранично это могущество, сколько в том, как отвратить это всемогущество от бессмысленного самоубийства?

Идеи эти – от «Астронавтов» (1951 г.) до «Голоса неба» (1968 г.) – проходят красной нитью через все художественные и философские произведения Ст. Лема и занимают главное место в «Сумме технологии» (1964 г.), «Философии случая» (1968 г.), «Фантастике и футурологии» (1970 г.).

Нет, это – не поиски социально-философской панацеи, не поиски философского камня, свойственные наивным догматикам. Лем ищет не символ веры, требующий слепого преклонения, а формулу знания, способного к развитию, к творческому самообогащению и самокритике. Причем знание это не возникает непосредственно из противостояния человека природе. Становление нового, более высокого знания необходимо предполагает в качестве своего условия коренное изменение социальных отношений.

Выход в космос, по мнению Ст. Лема, столкнул человека не только и не столько с новыми техническими проблемами, но прежде всего резко обострил проблемы смысла и целей человеческой деятельности. Социальная обусловленность поведения отдельного человека («Вторжение с Альдебарана» и «Рассказы о космонавте Пирксе»), человечества в целом («Астронавты» и «Голос неба»), способность узнать, осмыслить и найти пути взаимопонимания не только с близким, но и с противоположным («Солярис») оказалась решающим условием освоения космоса. Эффективность даже собственно естественнонаучных и технических аспектов деятельности по освоению космоса в конечном счете в чем-то самом главном, самом решающем оказалась предопределенной теми социальными целями, которые движут людьми. Социальная система, экстраполированная в космос, неприкрыто обнаружила свою сущность, степень своей исторической зрелости, свою способность формировать конечный успех или конечное поражение человеческих усилий. Проблема «ЗАЧЕМ в космосе?» – социально-философская по своей сути, оказалась в окончательном счете решающей и для столь, казалось бы, безразличной к социализму, столь безусловно естественнонаучной проблеме «КАК в космосе?»

Проблема обнажения, гипертрофированного проявления сути социальных отношений, их влияния на эффективность человеческой деятельности, роли социальных ценностей и целей в обеспечении направленности и успеха деятельности раскрывается наиболее просто и наиболее прямо в серии рассказов о космонавте Пирксе. Эта серия рассказов (все вместе они были изданы в Польше в 1968 г. под общим названием «Повествования о пилоте Пирксе», а на русском языке – под названием «Навигатор Пиркс» в 1971 г. в изд-ве «Мир») – одно из лучших художественных произведений Ст. Лема, глубоко проникающее в логику и психологию столкновения человека с космосом...

...В первом рассказе «Испытание» перед нами еще курсант Пиркс, в заключающем «Дознании» – опытный, далеко уже не молодой командор Пиркс... Вся жизнь его – вернее, та ее часть, которая связана с космосом, – прошла перед нами в девяти рассказах. Вся жизнь его – это новое, с чем сталкивается человек в космосе. Но все это новое – лишь извечно земное и извечно человеческое. Астронавигация, лунная геология, космические оптические миражи.., – но все это, в принципе, по своей внутренней логике не так уж значительно отличается от любой новой «чисто земной» науки. Истинно новое, с чем сталкивается Пиркс в космосе, – это необходимость в чем-то новых собственно человеческих свойствах человека: выдержки, находчивости, самообладания и самоконтроля в неожиданных ситуациях («Испытание», «Патруль», «Условный рефлекс»), подхода к проблеме жизни и смерти, товарищества и долга («Альбатрос», «Терминус»), способов сохранения, развития и утверждения человеческого во взаимоотношениях с совершенной кибернетической техникой («Охота», «Несчастный случай», «Дознание»). Ст. Лем утверждает – и утверждает весьма убедительно, аргументируя построением образной модели, – что именно качественно новые требования к человеческому сознанию и поведению, глубокий анализ их обусловленности будут самым главным в осмыслении космоса.

В рассказах о Пирксе, казалось бы, почти не остается места для раскрытия социальных конфликтов, для суждений об эффективности той или иной социальной системы, для решения главной для нашего современника проблемы – проблемы выбора его места в общественном процессе. Однако эта линия четко проведена в рассказах о Пирксе. Достоинством Ст. Лема является то, что решает он ее без навязчивой дидактичности, без упрощения и вульгаризации в показе противоположности двух социальных и мировоззренческих систем.

Очень убедительно Ст. Лем показывает, что буржуазные цели деятельности органически несовместимы с той обстановкой, которая окружает человека в космосе, что они здесь порой нелепы и опасны («Дознание»). Антагонистическая раздвоенность буржуазной морали может привести в космосе к трагедиям и невозполнимым потерям («Несчастный случай», «Повествование Пиркса»). И хотя в центре внимания рассказов о Пирксе – собственно познавательная деятельность человека в космосе, мы все время ощущаем, что та социальная

среда, где Пиркс формировался как личность, тот социальный мир, который стоит за ним, не в состоянии помочь, а порой и прямо мешает ему в единорстве с космосом.

Другой вариант проблемы: «космос – зеркало человеческого» – мы находим в романе Ст. Лема «Возвращение со звезд» (1961 г.). Здесь сюжет, основанный на парадоксе времени, создает возможность для сопоставления и взаимной оценки двух не только различных, но и во многом противоположных вариантов человеческой жизни. Космос здесь не только выступает в роли той среды, с помощью которой становится реальным парадокс времени (т.е. не только выступает в роли своеобразной «машины времени»), но и представляет собой поле развертывания в крайней, экстремальной форме одного из вариантов человеческого существования. Отвечая на вопрос о смысле и характере проникновения в космос, Ст.Лем прежде всего и главным образом отвечает на извечную проблему о смысле и сущности человека и человеческого. Более подробно мы уже писали о «Возвращении со звезд» выше и здесь нет нужды повторять подробно анализ содержания этого произведения.

С особой силой, однако, социальная и идеологическая направленность проблемы контакта в творчестве Ст. Лема звучит в «Голосе неба».

Сюжет «Голоса неба» весьма прост. Получен наконец-то сигнал от какой-то из предполагаемых в космосе цивилизаций. Расшифровка его вначале показалась делом более легким, чем обнаружение, но...

...Математик Хоггарт (книга «Голос неба» написана в виде его мемуаров) неторопливо, с многочисленными отступлениями, рассказывает нам полную внутреннего драматизма историю неудачи проекта «Голос неба», созданного правительством США для расшифровки сигнала из космоса. Шаг за шагом повествование Хоггарта последовательно ведет нас к пониманию глубоких внутренних причин провала грандиозной, хорошо организованной и прекрасно оснащенной попытки расшифровки сигнала.

Хоггарт – отнюдь не alter ego автора, хотя, безусловно, многие идеи Хоггарта не только вложены в его уста Лемом, но и разделяются им. Хоггарт обладает не только своей особой индивидуальностью, безусловно отличающей его от Лема, но и своим комплексом социальных представлений и качеств, прежде всего и отдаляющих его от своего создателя. Иллюзия тождественности, если она и возникает, созда-

ется внутренней органической целостностью, глубокой социально-психологической мотивированностью повествования Хоггарта, ведущегося от первого лица.

Хоггарт понимает очень многое, – почти все из причин неудач проекта. Почти.., – но не все!.. И в этом главное отличие Хоггарта – литературного героя – от автора романа: отличие, в котором четко проявилась разница мировоззрения Хоггарта и мировоззрения автора.

Хоггарт осознает неполноту собственно научных познаний человечества, мешающую расшифровке послания. Естественные науки людей Земли еще далеко не поднялись до того уровня позитивного знания, которым располагают неведомые авторы послания. Еще непомерно велик разрыв между науками естественными и гуманитарными. Единство, целостность всего научного знания для науки Земли – пока скорее тенденция, чем осуществленная реальность. Наука Земли еще слишком обособлена от философского и социологического видения мира и поэтому целостное, синтетическое научное восприятие действительности, необходимое для понимания возможных посланий иных цивилизаций, в ней еще не сложилось. С этой точки зрения Хоггарт подвергает уничтожающей критике позитивистскую философию, считая ее одной из главных помех развитию современной науки.

Хоггарт вполне правомерно утверждает, что непосредственное восприятие конкретных особенностей чужой культуры, ее конкретных форм, скорее всего, попросту невозможно. Воспринять, однако, рациональное содержание, сами идеи, предметный мир чужой жизни мы в принципе могли бы. Поэтому не столько отсутствие самого по себе позитивного знания, сколько именно недостаток некоей обобщенной мудрости, извращенный характер буржуазного типа культуры утверждает он, – вот главное препятствие, мешающее расшифровке послания.

Недвусмысленно Хоггарт дает понять, что важнейшей предпосылкой того, почему современное человечество Земли еще не созрело до контактов с другими цивилизациями, способными широко и содержательно проявлять в космосе свое существование, является его разъединенность. Хоггарт говорит о признаках этой разъединенности: о наличии двух антагонистических лагерей, ожесточенной борьбы между ними, о гонке вооружений и концентрации на этом соперничестве, на производстве вооружения всего внимания, всех сил и в том, и в другом лагере, об обстановке секретности, подозрения, тотальной

слежки за учеными и т.п. Именно это – и прежде всего это, по мнению Хоггарта, – создает невидимый барьер для понимания как целей контакта, так и самого смысла послания высокоразвитой цивилизации. Без понимания целей информации, целей послания неизбежно внесение систематической ошибки в расшифровку его содержания. Информация в ее полном виде остается непонятой. В том, что цивилизация, пославшая информацию, сумела преодолеть в свое время свою – прежде всего социальную и мировоззренческую – неподготовленность к контакту, в проникновении в природу такой неподготовленности (ибо, как вполне резонно предполагает Хоггарт, цивилизация, пославшая сигнал, очевидно, тоже прошла путь развития, подобный нашему) и заключено, прежде всего, по мнению Хоггарта, превосходство мудрости авторов послания перед людьми Земли.

Шаг за шагом Ст. Лем устами (точнее, пером) Хоггарта показывает нам, как вся обстановка проекта, его организация, черты характеров его участников, их презрение к организаторам проекта – правительству США и Пентагону, их внутреннее неприятие антигуманных целей проекта создают ту атмосферу вокруг расшифровки сигналов, которая, в конечном счете, оказывается одним из решающих факторов его провала. Не может быть эффективной творческая деятельность, когда ее участники не приемлют навязанных им целей творческого задания, когда они боятся результатов своего собственного творчества, когда они презируют сами себя за участие в этом квазитворческом процессе. Буржуазность, доказывает Ст. Лем, враждебна не только поэзии (как писал когда-то Маркс), она враждебна и гуманистическим целям науки...

Далеко не во всем согласен со своим героем Ст. Лем. Точка зрения Хоггарта – это позиция человека, преодолевающего идеологическое давление буржуазного сознания. Преодолевающего, но еще не преодолевшего. Форма мемуаров Хоггарта и позволяет Лему показать всю сложность и мучительность процесса прозрения, показать его изнутри, т.е. наиболее глубоко и драматично.

Точка зрения Хоггарта, вместе с тем, как убедительно показывает Ст. Лем, во многом весьма уязвима с позиций последовательного научного социального знания. Хоггарт по существу пытается рассматривать наше земное бытие, современный нам мир извне, с каких-то надчеловеческих, абстрактно гуманистических позиций, с которых истинная причина несовершенства современного мира неизбежно

остается вне поля его зрения. Именно буржуазное общество, его социальные свойства, его цели, его деятельность, его идеология тормозят сейчас движение в целом всего человечества вперед. Уничтожение буржуазности – главное условие общего социального прогресса современности. Вывод этот еще не может сделать литературный герой профессор Хоггарт, но сам автор Ст. Лем развертывает в повести все нужные основания, чтобы читатель в своих выводах оказался способным преодолеть ограниченность представлений ее героя.

Гуманизм Хоггарта носит абстрактный характер. Он не может вылиться в активное социальное действие, не дает представления о путях реальной, практической борьбы с отжившим. Трагедия Хоггарта, его друга и единомышленника физика Протеро заключена прежде всего в их беспомощности перед силами зла. По-человечески сочувствуя своему герою, Ст. Лем, вместе с тем, осуждает абстрактность, беспомощность, бездеятельность его гуманизма.

Весьма своеобразно и остро вопрос о сущности человека и его общественной жизни поставлен в романе «Солярис» (1961 г.), написанном прямо с установкой на раскрытие проблемы «космос – «зеркало» для человека и рода человеческого». Проблема контакта осмысливается здесь с общефилософских, общесоциологических позиций.

«Солярис» – модель встречи человечества в космосе с такой формой жизни, такой формой разума, которая в принципе отлична от земной, составляет для нее Неизвестное с большой буквы. В книге Ст. Лема это Неизвестное – мыслящий Океан планеты Солярис – показано ярко и убедительно. Невероятное и неведомое изображено в романе со всей убедительностью документальной прозы и сама форма документального повествования выглядит здесь, в литературной утопии, органически соответствующей содержанию.

Опытный, трезвый, разумный человек, своеобразный «рыцарь идеи Kontakta» Крис Кельвин прилетел на космическую станцию планеты Солярис... Он знает досконально и историю открытия планеты, и ход исследования ее Океана, и неудачные попытки вступить в контакт с ним (поскольку существуют и, кажется, подтверждаются гипотезы о том, что это не только своеобразная органическая, но и мыслящая материя – нечто вроде одного гигантского мозга). Кельвин верит во всемогущество разума, убежден в единстве его конечной сущности: два встречных потока

мысли не могут не встретиться... Действительность оказывается много сложнее, много потенциально опаснее и в чем-то трагичнее.

Причины неудачи контакта не в том, что у какой-либо из сторон отсутствует потребность в нем, что невозможность воспринять само по себе направленное на контакт воздействие, что налицо какая-либо враждебность двух разумных начал. Суть в том, что любые средства, любые (причем обоюдные) попытки наталкиваются на непонимание самих конкретных целей контакта, непонимание самой сути направленных на контакт действий, непонимание самого содержания чужого бытия и сознания...

Последовательно и настойчиво ведет нас Ст. Лем к мысли о том, какими ограниченными, условными могут оказаться самые типичные, самые по видимости фундаментальные для людей в обычном течении жизни формы жизнедеятельности, нормы и ценности человеческого поведения, когда человечество сталкивается с чем-то качественно иным по сравнению с ним самим. Это не различие в уровне: для общества будущего, описанного в романе «Солярис», такое различие уже не может быть решающим. Это именно различие в самом по себе качестве: единства самой общей, самой конечной сущности достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с разумом, но отнюдь недостаточно для установления реального контакта (т.е. взаимопонимания) с ним.

Попытки контакта с Океаном на планете Солярис обернулись трагедией для тех, кто погиб, исследуя планету. Они обернулись трагедией (описание которой образует непосредственно сюжет романа) для исследовательской группы спутника планеты: Гибаряна, Снаута, Сарториуса и самого Кельвина. Суть трагедии людей Земли на станции «Солярис» не только в том, что они не смогли выдержать встречи с материализацией объектов собственной совести, собственных потаенных интимных переживаний. Да, это так. Но это – лишь индивидуальная их трагедия, ее внешняя конкретная форма. Однако подлинное содержание, самая конечная суть этой трагедии много глубже: она заключает в себе не только индивидуальный смысл, но и носит четко выраженный социально-исторический характер.

...Самым страшным, что мы может и должны встретить в космосе, будут не «черные кресты» («Туманность Андромеды» И. Ефремова), не «летающие пивьки» или ужасающие «ракопауки» (рассказы и повести А. и Б. Стругацких), не искусственные «черные мухи» («Не-

победимый» самого Ст. Лема), а мы – сами для себя... Сможем ли мы, проникая в космос и осваивая его, заглянуть в создаваемое им для нас «зеркало» и остаться самими собой, сохранить разум, и эмоции, и волю к жизни – вот главная проблема «зеркала». Образно говоря, можем ли мы заглянуть в этом «зеркало» и не «окаменеть», как каменели в древнем мифе наши далекие предки, взглянув в чудовищные глаза Медузы – Горгоны?.. Можем ли познать, проникая в космос, самих себя без ущерба для нашего существования, без опасения за трагический исход этого знания – такова главная проблема.

Такова интерпретация в романе «Солярис» Ст. Лема столь популярного и столь глубокого по сути своей сюжета о встрече в космосе человечества с «другим» разумом.

Ст. Лем в яркой и своеобразной форме с помощью средств литературной утопии, литературного художественного творчества – научной фантастики – показывает нам еще один – космический – аспект историчности конкретных форм человеческого бытия, историчности конкретных формул гуманизма, наряду с общей бесконечностью возможностей поступательного развития человека и человеческого...

Проецируя средствами литературной утопии свой образ жизни, свои мысли, чувства, идеалы, поступки, свое мировоззрение на испытательный полигон Большого Космоса – полигон, где все возможно, где может быть поставлен любой эксперимент, – мы проверяем самих себя на социальную и историческую «прочность», мы получаем возможность в гигантское увеличительное стекло увидеть все устаревшее, изжившее себя, все мешающее человечеству идти вперед, увидеть яснее свои сильные и слабые стороны, увидеть материализованными и свои самые сокровенные мечты и идеалы, и свои самые глубокие опасения и сомнения... В необъятном «зеркале» Большого Космоса литературная утопия помогает нам увидеть наше собственное будущее: мир, в котором нам хотелось бы жить, мир, который создается всей нашей жизнедеятельностью. Мир этот создается нами, но уже не для нас...

Этот мир выше и лучше нашего. Но это – не мир покоя, идиллий, голубых снов... В этом мире человек может неизмеримо больше, чем его древняя мечта о «молочных реках в кисельных берегах»... Но в нем человек и должен быть сам неизмеримо выше, чем он был прежде: сильнее, умнее, восприимчивее, ответственнее, человечнее... В этом и заключено самое главное в этом далеком, желанном и трудном будущем!..

Заключение:

ВЧЕРА – СЕГОДНЯ – ЗАВТРА...

...Ежели нет благополучных обществ на Земле, то пусть они хотя бы в книгах находятся и утешают наши мысли тем, что и мы со временем можем učinиться счастливыми...

М. Херасков

...Как много из того, что составляет самую основу содержания нашей жизни, лежит по сути дела, вне ее физических границ...

Ст. Лем

Медленно и трудно – как и все человеческое – формировалась в общественном сознании идея будущего. Сначала возникло представление о будущем, как об особом времени, потом – потребность воздействовать на это будущее, следом развились средства такого воздействия, созрело представление о неразрывной связи времен: прошлого, настоящего, будущего... Развитие представлений о времени было одним из следствий и одновременно одним из показателей, одним из критериев социального развития.

Развитие утопии закономерно связано с развитием идеи будущего времени и отражает (в опосредованной и превращенной форме) это развитие. В равной мере развитие утопии связано и с развитием социального знания.

На первых этапах истории человеческого сознания самого понятие «знания» еще не существовало: оно еще не выделилось, не сложилось в противовес другим формам осмысления окружающего мира. Понятия «мысль», «знание», «вера» не различаются еще практически достаточно точно и строго. Соответственно этому не разделены еще и

понятия: «реальное» и «сверхъестественное», «реальность» и «фантастика». По существу своему – это еще предыстория утопии, период праутопии. (Этому соответствует и приключенческая концепция социального времени). Здесь истинное социальное изменение еще не отделено строго от вымышленного и умозрительного и не вынесено именно в будущее время. Соответственно и понятие утопии не существует как самостоятельное: оно не выделено, ему еще нечему противостоять.

Расчленение понятий «знание» и «вера» совершило революционный переворот в восприятии человеком окружающего мира. Переворот этот прежде всего коснулся представлений о природе, однако, не мог не затронуть существенно и социального самосознания (хотя бы в опосредованной форме). Критерии истинного знания лишь постепенно начинают складываться в кругу представлений об обществе. Господство идеологии эксплуататорских классов мешает этому.

В ту же эпоху и появляется собственно утопия: интуитивное, идеологически обостренное представление о назревающем социальном изменении, предвосхищение этого изменения, в котором еще нет внутреннего критерия истинности, нет разграничения с собственно научным знанием, еще нет связи с будущим. Возникновение линейной концепции социального времени способствует помещению утопии в будущее.

Появление научного знания о собственной природе самого знания, заложенное в качестве необходимого элемента в философии диалектического материализма, привело к дальнейшему четкому размежеванию в представлениях о социальном устройстве мира: научное знание смогло по точным и очевидным критериям отделиться от утопии. В общей системе познания и осознания жизни общества утопия (особенно в своей образной, литературной форме) становится специфической и подчиненной его частью, его сферой,⁷⁶ пограничной по отношению к собственно строгому научному знанию, концентрирующей в себе интуитивное предвосхищение социальных изменений, служащей для мысленного моделирования и экспериментирования относительно гипотетических изменений в гипотетических обстоятельствах, чему способствует и соответствует диалектическая концепция социального времени.

⁷⁶ Мы здесь не касаемся попыток подмены научного социального знания утопическими концепциями, где утопия выступает в своем предшествующем, традиционном историческом качестве.

В этом своем качестве литературная утопия становится одним из характерных инструментов освоения социального мира. Ее роль ограничена специфическим ареалом: пограничными проблемами социального знания (прежде всего проблемами социального прогнозирования, в рамках которого непосредственно исследуются предполагаемые и вероятные социальные изменения). Ее функции здесь ограничены преимущественно моделированием в образной форме гипотетических социальных ситуаций, мысленным экспериментом. Ее возможности ограничены, помимо прочего, еще и тем, что утопия – это представление о будущем в понятиях, категориях, ценностных критериях настоящего и прошлого (поскольку утопия – предвосхищение нового, а еще не точное и строгое знание о нем). Однако и это – чрезвычайно много, тем более что в своей роли и своих функциях литературная утопия, мыслящая образами, не может быть заменена какими-либо другими, дающими аналогичный результат инструментами социального исследования. Образы утопии оказываются необходимым и обязательным элементом общего процесса познания общественным человеком сущности и закономерностей своей собственной общественной жизни, необходимым преднаучным (в узком смысле понятия науки) этапом осмысления широких и значительных социальных изменений, социальных процессов. В известном смысле утопия противостоит собственно научному строгому знанию, но вместе с тем и необходимо с ним едина, дополнительна к нему. Литературная утопия есть внутренний и органический элемент современного, по преимуществу научного, сознания как исторической ступени развития общественного сознания, а не чуждое и внешнее для него явление. Неправоммерно рассматривать литературную утопию как остаточное явление, как рецидив предшествующей ступени общественного сознания: современная литературная утопия генетически связана с традиционной, однако, существенно от нее отличается, достаточно далеко от нее ушла, сменив во многом и свою сущность, и свои роли, и свои функции в социальном процессе.

Эволюция традиционной литературной утопии в современную научную фантастику выглядит, с этой точки зрения, закономерным процессом. Если первоначально социальное знание в равной мере

воплощается и в доктринальные трактаты, и в полубеллетризованные описания островов Утопии и городов Солнца, то затем происходит четкое размежевание: научное социальное знание органически срастается с рационально-логической формой изложения, а утопия необходимо облекается в образную, художественную форму, формально становясь через литературу частью искусства. В отражении окружающего мира социальная наука и искусство одновременно и взаимодополняющи, едины и противоположны. Литературная утопия (и научная фантастика – в частности) выступает в качестве компонента одной из сторон познающей деятельности – искусства, причем ей, соответственно, противостоит на другой стороне этой деятельности – стороне науки – преимущественно прогностический аспект научного социального знания. По своему гносеологическому смыслу, по своей собственно идейно-содержательной стороне современная научная фантастика выступает как облик, как конкретно-художественная, конкретно-литературная форма существования современной утопии.

Литературная утопия представляет собой один из существеннейших элементов современной идеологии. В недрах литературной утопии происходит особенно характерное облачение идеала (равно как и антиидеала) в «агитирующую» образную форму, способную вызвать эмоциональный эффект, способную через сопереживание, через идентификацию читателя с образом литературного персонажа обеспечить полное усвоение в качестве собственного взгляда, мнения, мотива того или иного идеологического постулата. Научные постулаты аргументируют преимущественно доказательством, логикой. Образы литературной утопии аргументируют преимущественно сопереживанием, эмоцией. Они, конечно, и тут не только различны, но и взаимопроникающи. Однако роли их в конечном счете во многом различны: образно говоря, наука – пропагандист, литературная утопия – агитатор. Вместе с тем литературная утопия может играть далеко не последнюю роль в формировании социальных иллюзий. В литературной утопии противостояние буржуазной и социалистической идеологии выражается особенно ярко, очевидно и бескомпромиссно. Роль литературной утопии в идеологической борьбе первостепенна. Эта борьба, соответственно, отражается во всех элементах литературной утопии: в ее мировоззрен-

ческих посылах, ее тематике, ее идейном содержании, ее сюжетах и даже в некоторых ее формально-литературных сторонах. Выражая идеалы в их устремлении в будущее, в их преобразующей направленности, литературная утопия на всех уровнях социальности – от индивида до социального класса – принимает самое прямое и эффективное участие в формировании идеологических мотивов непосредственного социального действия, социальной активности.

Литературная утопия, по самой своей природе, необходимо опирающаяся на социальную интуицию своих творцов, далеко не прямо и не просто отражает тенденции социальных изменений, социального развития. Можно сказать, что здесь, как ни в одном другом виде художественного творчества, велика степень опосредствования в осознании этих тенденций социального изменения, степень «превращенности» в изображении отражаемого и предвосхищаемого социального будущего. Литературная утопия – это всегда ребус, шарада, зашифрованное сообщение. И наивно было бы думать, что ключи к этим шифрам лежат в карманах авторов литературных утопий. Зачастую никто так не бывает далек от понимания истинного смыслового подтекста своего же собственного произведения, как автор литературной утопии. Внутренний философско-социологический контекст произведений литературной утопии вполне может рассматриваться в качестве самостоятельного, весьма содержательного и даже уникального по своему смыслу фактического материала для социально-прогностических исследований.

Для современной социальной науки взаимная обусловленность прошлого, настоящего и будущего является очевидной. Живая связь времен пронизывает все стороны современной общественной жизни. Литературная утопия выступает одним из средств обеспечения этой живой связи времен. Она является одновременно и методом создания «эффекта присутствия» в гипотетическом будущем и методом его «экспериментальной» проверки, методом его исследования. Возрастающая популярность литературной утопии в облике научной фантастики весьма показательна и вполне закономерна. В числе причин, обусловивших эту популярность, одно из центральных мест занимает ее способность приобщать современного человека к кругу социальных

проблем настоящего и будущего, к активной деятельности по осмыслению и строительству этого будущего.

Современная литературная утопия в системе марксистского мировоззрения, ставящая проблемы будущего, должна быть на идейном, научном и художественном уровне тех высоких требований, которые соответствуют современному этапу нашего общественного развития, современному этапу борьбы с буржуазным сознанием, буржуазной идеологией, буржуазной ветвью литературной утопии.

В современных условиях в изображении будущего коммунистического общества акценты несколько сместились. Сегодня литературная утопия не должна отвечать на вопрос о том, когда или как будет достигнута более высокая ступень коммунистического общества. Эта часть проблемы давно уже стала безраздельной принадлежностью строгих научных исследований. Литературная же утопия сдвинулась дальше по главному вектору проблемы будущего общества: она пытается показать, каким конкретно будет общество на этой более высокой ступени развития, какие проблемы будут стоять перед ним?..

Отнюдь не проблемы технических и научных достижений общества будущего оказываются теперь в центре внимания научной фантастики. Современная научно-фантастическая литература о будущем акцентирует свое внимание на проблемах тех или иных сторон его социального устройства, на проблемах источников и содержания его развития, на тех потенциальных трудностях и противоречиях, с которыми человечество может и должно столкнуться в процессе строительства этого общества будущего. Короче говоря, степень проникновения в социальные глубины общества будущего в литературной утопии сейчас качественно возросла. Вместе с тем современная литературная утопия весьма много внимания уделяет ретроспективному переосмыслению настоящего и прошлого с точки зрения будущего, проблемам современности под углом зрения соотношения реального и должного, желаемого и достигнутого (т.е. опять-таки в той плоскости, где становится наглядно очевидной живая связь времен).

Современная литературная утопия теперь уже в облике современной научной фантастики (особенно ее социально-философской ветви) лишь в относительно малой степени пытается сегодня угадать

сами по себе направления развития науки, техники, организационных отношений. Однако и чисто прогностические произведения – особенно прогнозирующие весьма отдаленное будущее, которым научная прогностика пока очень мало занимается, – также находят себе место и своего читателя. Сегодня современная литературная утопия в гораздо большей степени сосредоточила свое внимание на собственно личностной стороне формирования будущих социальных систем, на этических проблемах будущего и процессах его становления, на воспроизведении человеческих взаимоотношений, человеческих конфликтов в гипотетических социальных ситуациях (как связанных с прямым прогнозом будущего, так и связанных с ретроспективной оценкой настоящего). Тем самым, в современной литературной утопии элементы научной популяризации жюльверновского толка, равно как и многие собственно содержательные традиции «государственного романа» XVI-XIX вв., отступили далеко на задний план, а порой и вовсе перестали быть заметными. Современная литературная утопия в облике научной фантастики стала органическим явлением собственно сферы социально-прогностического исследования. Только эти исследования она ведет в образной, художественной форме, предвосхищающей и дополняющей строгое научно-логическое исследование.

В современной социально-утопической художественной литературе (литературной утопии / научной фантастике) будущее выступает достаточно многообразным, многосторонним, многопроблемным. Различные изобразительные средства разных ветвей литературной утопии позволяют по-разному ставить проблему будущего, изображать его под разными углами зрения, вычленять его разные проблемы и разные стороны. Будущее при этом выступает в прямой связи с современностью и служит во всех случаях, помимо каких-либо целей прямого прогнозирования, средством ретроспективной оценки современности. Вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев будущее выступает не только и не столько как законченное решение, но, прежде всего, как решаемая проблема. Такое – проблемное – понимание будущего привлекает все больше внимания и авторов, и читателей. Чем шире и глубже распространяется в массах научное знание об обществе, его законах и стадиях развития, чем глубже становится пони-

мание специфики и возможностей искусства в его глубинном исследовании жизни, тем больше литературная утопия отходит от узкой трактовки будущего лишь в качестве идеала, тем больше она исследует будущее, вместо прежнего преимущественного любования им.

Можно сказать, что отношение к будущему становится сейчас все более деловым, все более хозяйским, все более практичным. Такая практичность неизмеримо далеко отстоит от буржуазного практицизма: наш современник создает это будущее, однако, знает, что создает его не для себя. Ему уже недостаточно изображения одного только застывшего идеала будущего: в нем живет и нарастает чувство ответственности перед людьми, перед историей. Он создает какую-то часть будущего и должен быть уверен – уверен не только в самом общем виде, но вполне и строго конкретно, – что создает он то, что нужно. Чтобы трудиться с полной отдачей сил, он должен быть во всем и до конца уверен в правильности того, что он оставит после себя. Уверенность эта не суха и не только рассудочна: она и глубоко эмоциональна. Ведь речь идет не о мелочи, не о частности, а о деле всей жизни. Ведь после него – нашего современника – останется не капиталец, не садик, не домик и не громкий титул – после него останется общее будущее. Будущее это должно быть сделано – и может быть сделано – только на совесть. Поэтому и вглядывается наш современник в это будущее – в том числе и с помощью литературной утопии – так пристально, так требовательно, так заинтересованно.

К О Н Е Ц

Библиографический комментарий

В работе над книгой использована как отечественная, так и зарубежная литература. Однако прямых ссылок в работе (соответственно ее характеру) весьма немного. Это обязывает дать в качестве приложения хотя бы самый краткий библиографический комментарий.

1. В подготовке работы автор опирался на основные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина об утопическом социализме и об утопии вообще.

Важные положения об утопическом социализме содержатся в работах Г.В. Плеханова, А. Грамши. Использована и двухтомная работа К. Каутского, посвященная утопическому социализму.

2. Автором использована обширная философская и социологическая литература по проблемам формирования мировоззрения, сущности и развитию идеологии, структуре и генезису общественного сознания и т.п. Однако ссылки на отдельных авторов мы здесь не приводили, т.к. в этого рода литературе обосновываются проблемы, имеющие либо общефилософское и общесоциологическое значение, либо лишь косвенно относящиеся к теме нашего исследования.

3. Автор использовал ряд русских и советских исторических исследований, где освещаются вопросы истории и теории утопии: М. Барга, И. Бестужева, В. Волгина, А. Володина, А. Гуревича, А. Деборина, Н. Застенкера, И. Зильберфарба, А. Иоаннисяна, С. Кана, И. Кона, А. Клибанова, М. Покровского, Б. Поршнева, В. Проппа, Д. Розенберга, С. Сафронова, В. Святловского, Е. Тарле, А. Фогта, К. Чистова, П. Щеголева и др.

4. При подготовке книги была использована обширная литература, посвященная проблемам взаимосвязи традиционной утопии и современной литературной утопии (научной фантастики), теории и истории современной утопии, критическому разбору отдельных про-

изведений литературной утопии, биографическим очеркам об авторах традиционных утопий и научной фантастики и т.п.

В их числе работы следующих авторов: З. Альпера, Г. Альтова, К. Андреева, Э. Араб-Оглы, Л. Баткина, И. Бестужева-Лады, А. Беляева, И. Березарка, Д. Биленкина, А. Бритикова, А. Богданова, Е. Брандиса, Ю. Борева, Л. Воробьева, А. Гендина, Г. Гора, А. Горбовского, А. Громовой, Г. Гуревича, А. Гулыги, В. Дмитриевского, А. Днепровца, М. Емцева, И. Ефремова, А. Евдокимова, В. Журавлевой, И. Забелина, Е. Замятина, В. Захарченко, Э. Зиннера, А. Ивича, С. Иванова, Ю. Кагарлицкого, А. Казанцева, В. Кардина, Л. Когана, М. Лазарева, Ю. Левады, Б. Ляпунова, И. Майзеля, Б. Мейлаха, Б. Мильдона, А. Мирера, В. Немцова, Н. Новикова, Р. Нудельмана, В. Обручева, Е. Парнова, О. Писаржевского, С. Полтавского, В. Ревича, И. Роднянской, Ю. Рюрикова, Н. Рынина, В. Самарина, В. Святловского, В. Смилги, А. Славина, И. Соловьевой, А. и Б. Стругацких, В. Сытина, Е.Тамарченко, М. Туровской, А. Урбана, З. Файнбурга, Е. Фаддева, К. Федина, Ю. Францева, В. Фриче, Н. Черной, В. Шестакова, И. Шкловского, А. Штекли и др.

Кроме отечественных авторов такого рода работ, использована и зарубежная литература: работы А. Азимова¹, Ф. Бааде¹, Ж. Бержье¹, Ж. Вердьё¹, Т. Гордона, Б. Давенпорта, Д. Кемпбелла (мл.), А. Кирхенгейма¹, А. Кларка¹, Ст. Лема¹, Ф. Мануэля, К. Маннгейма, Ч. Морриса, А. Мортон¹, Л. Мумфорда, Ф. Поола¹, Ф. Полака, Б. Рассела¹, Р. Рихты¹, А. Свентоховского¹, А. Сициньского, Ж. Сореля¹, Дж. Томсона¹, Г. Уэллса¹, О. Хельмера, Х. Шепли¹, М. Швонке, К. Эмиса, Р. Юнга, Э. Янча⁷⁷ и др.

Использованы также материалы специальных выпусков журнала: «Европа» (Фр.) – 1957, № 7-8; «Дэдалус» (США) – 1965, № 2; «Иностранная литература» – 1967, № 1; «Техника – молодежи» – 1972, № 1.

5. Работа опирается на анализ собственно самих утопий, как традиционных (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ш. Фурье и др.), так и XIX в. (Э. Кабэ, Э. Беллами, У. Морриса, С. Батлера, А. Робиды и др.), XX в. (от А. Богданова и Э. Берроуза до наших дней). Литература этого рода

⁷⁷ Помечены фамилии тех авторов, чьи работы хотя бы частично переводились на русский язык.

хорошо представлена в библиографических изданиях и приложениях и нет необходимости приводить ее более развернуто.

Классическая утопическая литература в СССР лучше всего представлена уникальной серией «Предшественники научного социализма» (изд. Наука). Кроме того, многие из классических утопий выходили отдельными изданиями. До революции были изданы на русском языке почти все наиболее интересные утопии XIX и начала XX вв. В СССР изданы собрания сочинений писателей, особенно много сделавших в жанре литературной утопии: А. Беляева, Ж. Верна, А. Грина, Д. Лондона, А. Толстого, Г. Уэллса, К. Чапека. Выходили и продолжают выходить следующие серийные издания, либо целиком посвященные научной фантастике, либо частично ее печатающие: в издательстве «Молодая гвардия» выходит, начиная с 1962 г., ежегодный альманах «Фантастика», «Библиотека современной фантастики» (вышло 24 тома), «Библиотека советской фантастики»; в издательстве «Мир» с 1965 г. выходит серия «Зарубежная фантастика» (вышла до конца 1972 г. 61 книга); в издательстве «Знание» выходит альманах «Н.Ф.» (с 1964 г. вышло 12 книг, не считая ранее вышедших сборников). Более или менее регулярно издавались сборники Лениздатом и т.п. Кроме того, издавались и издаются как центральными, так и областными издательствами отдельные произведения русских, советских и зарубежных авторов. Регулярно печатают фантастику журналы «Вокруг света», «Искатель», «Молодая гвардия», «Аврора» и др. Количество серийных и специализированных периодических изданий за рубежом чрезвычайно велико (особенно в США).

Вместо послесловия*: АВТОР И ЕГО КНИГА...

Рукописи не горят, но исчезают в забвении...

Г.П. Козлова

*Человек должен понимать, что надежды нет,
и все же должен быть полон решимости
изменить порядок вещей.*

Ф. Скотт Фицджеральд

*Думать легко, действовать трудно;
действовать согласно тому, как думаешь,
самое трудное в мире.*

Иоганн Вольфганг Гете

Выдающийся советский ученый общественвед, кандидат экономических и доктор философских наук, профессор Захар Ильич Файнбург родился 22 января 1924 года в г. Орше (Белоруссия) в семье Ильи Львовича Файнбурга и Раисы Захаровны Альперович – советских и партийных работников. В марте 1938 года они были арестованы как «враги народа» и 26 мая 1938 года расстреляны.

Оставшись сиротой, 16-летний Захар Файнбург воспитывался в Берсеневском детском доме Солнечногорского района Московской области. В 1940 году, окончив с отличием школу, он поступил на экономический факультет Московского Института Философии, Литературы, Истории им. Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ).

В июле 1941 г. Захар Файнбург ушел добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте (с сентября 1941 по январь 1942 гг.), на Западном и 3-м Белорусском фронтах (с февра-

* Послесловие подготовлено Г.З. Файнбургом по материалам личного архива З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой.

ля 1944 г. по март 1945 г.) в качестве зам. политрука пулеметной роты, помощника командира и командира стрелкового взвода, командира орудия дивизионной артиллерии.

В сентябре 1944 г. был принят кандидатом в члены ВКП (б), а в феврале 1945 г. – в члены партии на льготных основаниях как проявивший себя в боях.

После войны З.И. Файнбург вернулся на экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, куда влился МИФЛИ. Там он познакомился с Галиной Петровной Козловой, которая стала не только его женой, но и соратником и соавтором большинства его научных работ, полноправным членом их научного «тандема».

После окончания экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1949 году З.И. Файнбург работал в Поволжском лесотехническом институте им. М. Горького (г. Йошкар-Ола Марийской АССР). В разные годы он был преподавателем, старшим преподавателем, зав. кафедрой политэкономики, зав. кафедрой экономики лесной промышленности.

С 1 сентября 1960 г. и по день смерти (10 сентября 1990 г.) З.И. Файнбург работал в Пермском политехническом институте, сначала старшим преподавателем и доцентом кафедры политэкономики, а с 1964 г. – заведующим созданной им кафедрой научного коммунизма и научным руководителем также созданной им лаборатории социологии (с 1967 года).

В 1959 году в МГУ З.И. Файнбург защитил кандидатскую диссертацию по экономике, а в 1972 году в Ростовском госуниверситете – докторскую диссертацию по социальной философии. В 1974 году ему было присвоено звание профессора.

Чем дальше уходит от нас в прошлое жизнь Захара Ильича Файнбурга, тем больше хочется понять причины его неустанного стремления все и вся социальной жизни нашего общества видеть под углом зрения «исторического места социализма» и «развития коллективности».

Сам Захар Ильич неоднократно говорил, что арест его родителей – ответственных советских и партийных работников, его жизнь в детдоме, фронтовая судьба, аналогичные судьбы многих его друзей – все это предопределило в нем потребность ПОНЯТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ «СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА»,

определить «механизмы» его развития и его историческое место в общем процессе развития человеческого общества.

Во введении к своей единственной изданной книге «Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности». (Очерки теории)» Захар Ильич писал: «Мой отец и мать, как и многие старые коммунисты, погибли в 1938 году. Это предопределило круг моих интересов в науке: всю жизнь я занимался исследованием природы социализма – определенной ступени и формы развития общества».

Сильной стороной З.И. Файнбурга как ученого было стремление к поиску объективного экономического обоснования общественных процессов и противоречий в развитии общества. Он не ограничивался описанием явлений, но каждое из них рассматривал с позиции его внутреннего противоречия, источника самодвижения. Тенденцию развития современного общества он видел в движении от индивидуалистического общества к коллективистскому, понимая под социализмом развитие коллективности.

По стилю мышления З.И. Файнбург был марксистом, рассматривая «Капитал» К. Маркса как своеобразную методологическую школу, образец интеллектуальной работы. Он различал общепризнанный вклад в развитие науки, сделанный ученым по имени Маркс, и псевдомарксизм его эпигонов. Ученому-марксисту З.И. Файнбургу было очень сложно публиковать свои фундаментальные работы, поскольку он не был конъюнктурщиком и апологетом реального социализма – в его работах всегда чувствовалась неудобная властям «ересь».

Сознательное осмысление З.И. Файнбургом целой исторической эпохи становления, развития и нарастания противоречий социалистического общества, эпохи, современником которой он был, продолжалось полвека: Захар Ильич родился примерно на год раньше создания Советского Союза и умер примерно за год до его распада.

Интеллектуальное наследие З.И. Файнбурга сегодня овеществлено не только в 150 опубликованных работах, но и в огромном рукописном архиве, содержащем мысли, наброски, дневники, первые варианты опубликованных работ и массу готовых к печати, но так и не опубликованных рукописей. Интеллектуальный потенциал этих материалов огромен еще и потому, что НЕ опубликованные рукописи и мысли (что-то нельзя было сказать, а что-то никто не давал сказать) почти не подверглись искажающей «цензуре» и «правке» редакторов и

издателей. Эти материалы еще ждут своих исследователей и первооткрывателей, тех, для блага которых трудился З.И. Файнбург, тех, кто будет развивать социологию и обществоведение дальше.

Поскольку центральной темой всего научного поиска и творчества З.И.Файнбурга была проблема исторического место социализма на путях развития общества, то он не мог не обратиться к литературной утопии в облике современной научной фантастики, особенно той ее ветви которая называется социальной, философской или социально-философской фантастикой. При этом его интересовала в первую очередь СОВРЕМЕННАЯ ему утопия и СОВРЕМЕННАЯ ему научная фантастика.

Сохранилось рукописное начало размышлений З.И. Файнбурга на тему «Что есть научная фантастика? Пояснение к перманентной дискуссии...». В качестве эпиграфа к своему «пояснению» Захар Ильич выбрал слова известного американского писателя-новеллиста О'Генри «...*Фантазия – почти единственный данный искусству способ говорить правду*» и начал писать: «Дискуссии вокруг современной научной фантастики не случайны. Она не только является сегодня острейшим орудием идеологической борьбы, но позволяет своему читателю более глубоко, более обобщенно и более масштабно понять проблемы того общества и того времени, в котором он живет».

В конце 50-х годов – начале 60-х годов XX века наша страна находилась на подъеме: явления «культы личности» получили в 1956 году осуждение на XX съезде партии, шла реабилитация невинно репрессированных (часть из них все еще считалась виновной), тысячи комсомольцев-энтузиастов занимали рабочие места бывших заключенных на «стройках века», везде и всюду наблюдались небольшие, но изменения к лучшему (недаром они были названы с легкой руки Ильи Эренбурга «оттепелью», поскольку на «весну» они, к сожалению, все же не тянули).

Миллионы людей получили возможность нормально жить и работать, когда с их родных было снято клеймо «врагов народа». Вот и Захару Ильичу справками по форме № 30 от 26 и 28 августа 1957 году было сообщено, что Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР 11 и 13 июля 1957 года пересмотрела дела Р.З. Альперович и И.Л. Файнбурга и по вновь открывшимся обстоятельствам отменила приговор Военной коллегии от 26 мая 1938 года, а дела за отсутствием состава преступления прекратила: Р.З. Альперович и И.Л. Файнбург реабилитированы посмертно.

Осенью 1957 года (4 октября) на околоземную орбиту (тогда говорили – в Космос) был выведен первый искусственный спутник Земли, началась подготовка научной экспедиции в Антарктиду для равноправного участия в международных научных программах, произошло множество других аналогичных событий – стране нужно было чем-то гордиться.

Однако СССР сильно отставал от США по уровню жизни, а потому о космосе стали говорить все больше и больше – он стал выигрышной для нас ареной соревнования двух систем. Сухие слова «космос», «технический прогресс», «строительство коммунизма» требовали своего «эмоционального подкрепления». Оно незамедлительно появилось в облике научной фантастики, одним из читателей которой (как и многого другого тоже) был З.И. Файнбург.

Судя по рукописям личного архива Захара Ильича, первую свою заметку о научной фантастике он написал в 1958 году в виде письма в редакцию о знаменитой «Туманности Андромеды» И.А. Ефремова, вышедшей в свет в 1957 г.

В это же время появляются наброски рецензии на «Туманность Андромеды» и на «Сердце Змеи» И.А. Ефремова под названием «Кто мы? Мы – Земля! (О космическом романе и космическом рассказе И.А. Ефремова)».

Однако признание З.И.Файнбурга как одного из ведущих и оригинальных критиков и исследователей научной фантастики наступило позже, когда в разделе «Книжное обозрение» журнала «Новый мир» (1963, №4), главным редактором которого был тогда А.Т. Твардовский, появляется философски окрашенная рецензия З. Файнбурга: «Желанное и трудное будущее. *Станислав Лем. Солярис. Фантастическая повесть.* «Звезда», N 8,9,10, 1962.»

Заметим, что Захар Ильич считал польского писателя Станислава Лема наиболее ярким представителем социальной фантастики. Чтобы читать его произведения в подлиннике, неискаженном переводом, Захар Ильич выучил польский язык.

В одном из писем З.И. Файнбурга того времени (1963 г.) есть такие слова: «Мои научные занятия заставляют меня – экономиста и социолога регулярно читать научно-фантастическую литературу. Однако я читаю ее не только в силу необходимости, но и с истинным

удовольствием. Книги в этом жанре польского писателя Станислава Лема принадлежат к числу наиболее ценных мною».

В 1963 г. Захар Ильич послал Ст. Лему свою рецензию на «Солярис», а, будучи в 1965 г. в командировке в Польше, посетил Ст. Лема по его приглашению у него дома в Закопане. Встречались они и в Москве. В последний раз они виделись в Закопане в 1977 г., когда З.И. Файнбург читал лекции по социологии в Краковской горно-металлургической академии.

Всю жизнь Захар Ильич гордился тем, что его рецензии на книги Станислава Лема публиковал сам А.Т. Твардовский, тогда – главный редактор «Нового мира». Это были не литературные, а философские рецензии: «Желанное, но трудное будущее», «Зачем нужны звезды», «В поисках формулы человеческого...», «Условный облик реальности». З.И. Файнбург прорецензировал «Солярис» (1963), «Возвращение со звезд» (1965), «Сумму технологии» (1969).

Послесловие (1971 г.) З.И. Файнбурга к книге Ст. Лема «Навигатор Пиркс. Голос неба» было включено в изданный в ФРГ в 1976 году сборник лучших статей, посвященных «диалектическому мудрецу из Кракова» (Ст. Лему). Последней опубликованной рецензией на произведения Ст. Лема стала рецензия З.И. Файнбурга на «Маску» («Литературное обозрение», 1977).

Интерес З.И. Файнбурга к научной фантастике сдружил его с советскими писателями-фантастами А.Г. Громовой, А.И. Мирером, а также с А.Н. Стругацким. Зачастую Захар Ильич читал их произведения еще в рукописи. Особенно он ценил книгу А.Н. и Б.Н. Стругацких «Трудно быть богом». Его оригинальные рецензии на книги братьев Стругацких, несмотря на постоянные попытки их опубликовать, так и не увидели свет (кроме газетного варианта рецензии на «Жука в муравейнике», опубликованного в институтской многотиражке).

В Центральном доме литераторов на заседаниях секции научной фантастики Союза советских писателей, которую возглавляла писатель-фантаст А.Г. Громова, З.И. Файнбург сделал три доклада: «Массовый читатель и научная фантастика (социологическое исследование)» (1967), «Современная утопия и современная научная фантастика» (1968), «Основные идеи «Суммы технологии» Ст. Лема» (1970). Первый доклад имел еще один вариант названия: «Современный человек и научная фантастика (опыт социологического анализа).

Захар Ильич принимал активное участие в различных дискуссиях по поводу научной фантастики, в том числе в знаменитой дискуссии о научно-фантастической литературе, организованной «Литературной газетой» (см. статью З.И. Файнбурга «Иллюзия простоты» в № 38 за 17 сент. 1969 г.).

Активная общественная позиция и содержательная новаторская концепция З.И. Файнбурга привлекали к нему внимание профессионалов и любителей фантастики. Он же интересовался всеми новинками фантастики, доставал их, читал, анализировал, писал рецензии, выступал перед специалистами и молодежью – любителями фантастики. Вот и сейчас многочисленные сайты всемирной паутины, посвященные фантастике, хранят материалы и работы З.И. Файнбурга, извещают о памятных датах, связанных с его именем.

Активно участвуя с начала 60-х годов XX века в возрождении социологии и развивая свои социально-философские исследования проблем развития общественного сознания, З.И. Файнбург не мог пройти мимо проблем утопии и утопического сознания. Вольно или невольно, следуя логике своего научного поиска, но он стал заниматься философским и социологическим осмыслением этих проблем, литературоведческим анализом утопических и научно-фантастических произведений.

Захар Ильич был едва ли не первым ученым-обществоведом, кто оценил значение социальной научной фантастики как формы общественного сознания, как неотъемлемого элемента социального прогнозирования, как возможного средства моделирования тенденций общественного развития и их результатов. Социальная фантастика была для Захара Ильича не столько средством (объектом) литературоведческого анализа одного из жанров литературы, сколько средством (методом) образного решения научных проблем развития современного (и возможного будущего) общества.

В одном из сохранившихся набросков З.И. Файнбург писал: «Фантастика поставила (пока в достаточно смутном виде) назревающие вопросы (проблемы), которые наука еще не может поставить достаточно строго» и среди них поставил на первое место вопрос: «Чем (и зачем) жить сытому?». Это была проблема, которая очень интересовала Захара Ильича: что станет двигать человеком, когда двигающая его сегодня проблема сытости (благополучия) будет ПОЛНОСТЬЮ удовлетворена

(что должно было быть сделано коммунизмом). Но как раз об этом нельзя было в то время ни говорить, ни спорить, ни писать.

Заметим, что естественное дополнение рационального научного исследования образной научной фантастикой было в то время резко и непропорционально усилено обстановкой НЕВОЗМОЖНОСТИ реально исследовать вариативность процессов общественного развития, а также ПУБЛИЧНО ГОВОРИТЬ об этом. Требовался «эзопов язык» и социальная научная фантастика не только выполняла эту функцию, но и давала возможность ставить и говорить о проблемах движения к будущему в рамках литературоведческого анализа тех или иных произведений. В этих условиях Захар Ильич неминуемо должен был использовать доступный ему «формальный повод» – анализ произведений научной фантастики – для изложения «запретных тем» – результатов научных исследований исторического места реального советского социализма и возможности построения коммунистического общества. У Захара Ильича просто не было другой возможности излагать интересующие его проблемы этой тематики помимо анализа произведений научной фантастики.

Заметим, что еще сэр Томас Мор в своей Утопии собственные мысли из осторожности вложил в уста Гитлодея (имя которого с греческого языка можно перевести как «пустая болтовня сведущего человека»), а сам, на всякий случай, выступил в книге в качестве виде его оппонента. У Захара Ильича такой возможности «раздвоиться» не было, а потому очень часто он был вынужден писать «эзоповым» языком, использовать официальную терминологию, а иногда и фразеологию.

На отдельном листке, исписанном фиолетовыми чернилами перьевой ручкой, сохранился, вероятно, самый ранний набросок структуры серьезной работы, в названии которой автор сразу же сформулировал интересующий его вопрос: «**Социология коммунизма и социальная фантастика**». Эта работа должна была состоять из традиционно необходимо введения и семи глав. Их названия очень поучительны:

- ◆ «Ступени общества будущего и социальная фантастика»;
- ◆ Источники самодвижения коммунистического общества в социальной фантастике»;
- ◆ Социальная фантастика и проблема единства законов социального развития»;

- ◆ Эмоциональный мир будущего в социальной фантастике и научной социологии;
- ◆ Предвидения технические и предвидения социальные;
- ◆ Ретроспективный взгляд на сегодняшний день;
- ◆ Социальная фантастика – моделирование социального будущего».

Мы сознательно привели их полностью, да и отдельный листочек многие годы хранился в архиве З.И. Файнбурга не зря – это был своеобразный и очень ясно изложенный «манифест» его занятий научной фантастикой. В дальнейшем некоторые формулировки и по чисто научным, и по «цензурным» соображениям возможной публикации были несколько изменены.

Самая ранняя законченная и большая [и так и не опубликованная] рукопись с названием «**Социология будущего и социальная фантастика**» (максимально близким к вышеприведенному) относится к лету 1964 г. (объем – 68 с. машинописи).

Она имела два эпиграфа: первый – «...*Будущие события уже бросают тень на настоящее...*» (А. Богданов) и второй – «...*Наука – это фантазия, доказавшая свои возможности*» (И.А. Ефремов).

Основные разделы работы были озаглавлены как:

- 1) Ступени общества будущего и социальной фантастика,
- 2) Источники самодвижения коммунистического общества в научной социологии и в научной фантастике,
- 3) Социальная фантастика и проблема единства законов социального развития,
- 4) Социальная фантастика – моделирование социального будущего.

Работа в целом была посвящена доказательству очень серьезного (особенно в условиях того времени), а потому требующего тщательного обоснования, тезиса о том, что «**социальная фантастика есть одна из главных форм** не только пропаганды будущего, но и **изучения будущего**» [выделено автором послесловия]. Этот тезис автора работы фактически говорил о моделировании будущего и подразумевал возможность существования разных моделей будущего. Сама мысль об этом была в эпоху существования только одной и безальтернативной модели будущего – «коммунизма» (хотя бы только для авангарда «всего прогрессивного человечества», но уже через каких-нибудь 15 лет) крайне

крамольной, и как все «ереси» неизбежно должна была быть подвергнута «очищающему огню святой инквизиции».

Обоснование вышеприведенной и других новаторских идей автора – З.И. Файнбурга – шло на материале различных произведений научной фантастики разных лет того времени, а потому работа напоминала хороший литературный обзор. К нему были добавлены научные оценки различных общественных явлений и тенденций, особенно занимавших писателей-фантастов и материалы конкретных социологических исследований об отношении массового читателя к фантастике, проведенные под руководством автора. Для наименования науки о социальном будущем Захар Ильич не стал использовать термин футурология, а ввел новый термин «социология будущего», понимая под ним в первую очередь социальный прогноз. Шло становление концепции...

Судя по многочисленным пометкам на полях рукописи, сделанных карандашом мелким, тонким и своеобразным («под готику») подчерком и сделанных синим карандашом другим подчерком, эту рукопись внимательно и доброжелательно читали. Рукопись была не отшлифована, и не только с литературной точки зрения – Захар Ильич вообще писал далеко как не просто: его оригинальная и многогранная мысль часто не находила адекватных средств своего выражения, – но и с точки зрения концептуальной позиции. Последнее требовало упорядочить понимание таких вопросов, как: что такое утопия? Что такое литературная утопия? Что такое фантастика? Что такое научная фантастика? Что такое социальная фантастика? ... и целого ряда других понятий и дефиниций.

Много позже, в 1990 году, Захар Ильич напишет в одном из пояснений к тексту своей книги «Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ» личности (Очерки теории)»: «Существует очень большая литература по теории утопии⁷⁸. В основном за рубежом, ибо до последних лет в советской литературе исследовался преимущественно утопический социализм, а не утопия как широкое явление, как органическая составная часть общественного сознания (фундаментальные разработки проблемы восходят преимущественно к работам К. Маннгейма). Только в последние 15-20 лет положение стало меняться. Приведем здесь определение понятия «утопия» из

«Философского энциклопедического словаря: «Понятие «утопия» стало нарицательным для обозначения... в расширительном смысле всех сочинений и трактатов, содержащих нереальные планы социальных преобразований» (М., 1989. С.679)».

Но вернемся в 60-е годы прошлого века...

Размышляя над функциями утопии, Захар Ильич пишет на одном из листочков столбиком разные функции утопии:

«Утопия – иллюзия (бегство и идеологическая ширма);

Утопия – программа эмоциональной мобилизации (позитивной – идеал / негативной – отрицание);

Утопия – образ цели (идеи);

Утопия – модель гипотетической ситуации – социального целого (нужен образ, т.к. одного понятия мало – в него не вживешься. Эффект присутствия (наглядности) реализуется через динамичную модель и сопереживание);

Утопия – инструмент ретроспективной оценки (утверждения или отрицания настоящего, призванного укрепить отношение к настоящему: критику или апологию)».

На другом листочке (написанном позже) уже приведен другой (практически окончательный для себя) ранжированный перечень функций Утопии: « У[топия] – функции:

1. Ретроспективное осознание сущности и оценка (позитивная или негативная) социальной реальности;

2. Мысленное моделирование представления о будущем и оценка (позитивная или негативная) тенденций становления этого будущего с позиций своего класса, своей идеологии;

3. Эмоциональное «подкрепление» мотивов социального действия, идеологическое программирование этого действия; низведение социальной программы на уровень обыденного сознания с целью более полного перевода умозрительных социальных концепций в мотивацию реального действия;

4. Иллюзорное, компенсаторное удовлетворение потребности в каких-либо реально не осуществимых в настоящее время социальных изменениях, компенсаторное и иллюзорное умозрительное осуществление социального идеала».

78

Сегодня число ссылок в Интернете на слово «Utopia» (на латинице) достигло 26,3 млн.

Размышляя о форме реализации утопии в облике литературного произведения, в облике научной фантастики, Захар Ильич пишет: «Собственно говоря, утопии **всегда** (или почти всегда) были в художественной форме, в которой она нагляднее, она конкретнее, она легче позволяет обойти еще не ясное, она «модельнее».

Если есть идея, и ее надо продемонстрировать (и это не физика и не химия, это – человековедение с его моделированием через художественные образы), то идея воплощается через конкретный образ. Если он типичен, если автор – художник слова, то дело будет сделано: мы получим живое, конкретное воплощение идеи.

О прошлом и настоящем еще можно говорить голыми идеями, но о будущем... в 100 раз труднее».

На листочке с пометкой Ут[опия]. NB [Nota Bene/Очень важно] рукой Захара Ильича записано:

«Две концепции утопии: (1) – утопия, как форма и элемент (продолжения) научного **предвидения**; (2) – утопия в системе религ. сознания (донаучного, ненаучного и т.п.), **как пророчество**».

В своих заметках Захар Ильич часто обращался к вопросу о ретроспективной оценке утопией (или фантастикой) настоящего. Хорошо зная ретроспективную оценку феодализма с позиций капитализма и оценку капитализма с позиций социализма, выполненные классиками марксизма, он искал «модель» будущего общества, с позиции которого можно было бы оценить состояние современного ему общества. В одной из своих заметок Захар Ильич писал: «...Культ личности Сталина боялся литературы о будущем. С позиций коммунистического завтра не могло быть оправдания всей той грязи и тому ужасу, который привнесли в нашу жизнь творцы и поборники культа. Критика настоящего с позиций будущего – вот, что было неприемлемо для культа личности в настоящей, «большой» социально-фантастической литературе».

И хотя «культ личности» был в 1956 году официально осужден, новым властям ретроспективный анализ реального советского социализма был совершенно не нужен, и о нем публично не говорили: всюду господствовала апологетика последних, а потому самых «мудрых» и «правильных», решений партии. Но Захар Ильич не был апологетом, он был настоящим ученым.

(!), а на слово «Утопия» (на кириллице) – 1 млн. 420 тысяч

Он много и плодотворно работал, меняя подходы рассмотрения проблемы, названия статей, названия главок: его наброски и неопубликованные рукописи занимали все большее место в личном архиве. В них не было конъюнктуры, бесконечных ссылок на «решения партии» и личные указания «вождей». Заметим, что датировать сегодня многие из этих материалов можно только по последнему упоминаемому году в ссылках на литературные источники – других примет точного времени практически нет.

И вот, судя по этим ссылкам, одна из законченных больших неопубликованных рукописей датируется 1966 годом. В первоначальном наброске ее структуры она была называна **«Предвидения или пророчества? (Современная социальная утопия и современная научная фантастика)»** и должна была иметь «Введение – Человек и будущее (Место будущего в современности. Человеческая жизнь и параметры истории (не пространство, а именно время!!)» и шесть глав:

«Гл.1. От пророчеств (религиозоподобный тип сознания с вполне серьезной своей прогностикой) к предвидениям (научное сознание);

Гл.2. Прогностика и футурология;

Гл.3. Утопия и научная фантастика: специфика мысли и специфика жанра;

Гл.4. Социальные группы и типология утопий;

Гл.5. Футурология или «проблемология»?

Гл.6. В какой мере предвидения?»

Отдельно чуть ниже было дописано «общество благоденствия» и «общество Зла».

В законченном виде рукопись уже названа несколько по другому: **«Предвидения против пророчеств»** и получила два эпиграфа: первый: *«...Некогда в древности, людей объединяли общие традиции, обычаи, родовые и национальные связи. А нас сильнее всего связывает наша деятельность по завоеванию будущего»* (Ст.Лем) и второй – *«...Будущие события уже бросают тень на настоящее...»* (А. Богданов).

Основные разделы работы (на 53 страницах машинописи) были озаглавлены как:

1. Будущее и так называемая футурология,
2. Завтра, которое уже было вчера...,
3. Будущее, которое не может не быть,

4. Вместо заключения: цена, которую вместо нас никто не заплатит».

Параллельно были написаны и другие работы. К меньшим по объему формам (порядка 30 страниц машинописи) следует отнести рукопись статьи «Современное общество и научная фантастика (к вопросу о специфике образного отражения ступени социального развития).

Возможно, прочитав именно эту рукопись (скорее несколько разных), сотрудник редакции журнала «Вопросы философии» И. Кравченко пишет 15 декабря 1966 года на бланке редакции письмо на имя З.И. Файнбурга: «Уважаемый Захар Ильич! Я все-таки не успел вернуть Вам материалы о научной фантастике. Сейчас актуален серьезный разбор социальной тематики в научно-фантастической литературе. Я рассказал о Вашем замысле в отделе критики и библиографии и советовался с ответственным секретарем. Идею одобрили, так что делайте статью ...».

21 января 1967 года 18 экземпляров представленной в редакцию рукописи статьи «Современное общество и научная фантастика (некоторые гносеологические и социологические аспекты проблемы)» были розданы членам редколлегии, а 2 февраля года в присутствии автора на заседании редколлегии журнала «Вопросы философии» состоялось обсуждение этой статьи. Сохранилась часть стенограммы – выступления И.В. Блауберга, Е.Т. Фаддеева и В.Ж. Келле, А.Ф. Шишкина, Ю.А. Замошкина, Л.И. Грекова и М.Б. Митина (главный редактор).

Обсуждение открыл И.В. Блауберг – заведующий отделом научного коммунизма, по которому шла статья. Он отметил, что статья З.И.Файнбурга представляет интерес для журнала, тем более, что журнал уже начал обсуждать эту проблему статьей Э.А. Араб-Оглы, который использовал в основном материал зарубежной фантастики, преимущественно американской⁷⁹.

Обсуждение показало, что наиболее серьезные разногласия в оценке статьи у членов редколлегии вызвали «спорные» концепции автора, отсутствие деление «мы-они». Где «два мира, две системы» у автора – спрашивал, например, главный редактор.

⁷⁹ Речь идет о статье Э.А. Араб-Оглы «Антикоммунизм – заговор обреченных» – Вопросы философии, 1966, № 10. В Указателе статей за год она стоит в разделе «Современная зарубежная философия и социология», а в самом номере помещена в раздел «Консультации». Стиль статьи публицистический, а содержание – критика буржуазных теорий и воззрений.

Очень интересна оценка статьи профессором В.Ж. Келле: «Главное значение статьи – это социологический анализ специальной философской фантастики, причем не только в плане критическом, как это было у Араб-Оглы, но в плане позитивном. Социальная направленность современной фантастики представляет огромный интерес. Этот вид литературы, освобождая автора от конкретных ситуаций и т.д., доказывая возможность моделирования общества в любых возможных сочетаниях, представляет большой интерес и как постановка некоторых социальных проблем современности, и как предвидение будущего».

Получалась, что работы Э.А. Араб-Оглы и З.И.Файнбурга как бы дополняли друг друга: у Араб-Оглы анализ шел в плане критическом, а у Файнбурга – в плане конструктивном, у Араб-Оглы изложение базировалось на зарубежном материале из капиталистических стран, а у Файнбурга – на «родном» материале, у Араб-Оглы – идеологическая борьба, а у Файнбурга – значение утопии в развитии общества.

Статью все же приняли, и отредактированная она под названием «Современное общество и научная фантастика» была опубликована в журнале «Вопросы философии» № 6 за 1967 год.

Интересен сохранившийся на 2-х страничках план части (раздел 1) какой-то работы с тем же названием, что и опубликованной статьи «Современное общество и научная фантастика»:

«Раздел 1. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Гл. 1. Историческое развитие общества и исторические корни современной научной фантастики

Научно-техническая, социальная и мировоззренческая революция в XX веке и появление научной фантастики. Две ветви научной фантастики: Уэллс и Берроуз. Научная фантастика как форма современной утопии. Особенности фантастики, как преломление в эстетическом основных тенденций социального развития.

Гл. 2. Научная фантастика, как форма образного отражения и осознания современного мира

Наука и научная фантастика. Новые критерии эстетического в научной фантастике. Гносеологическая сущность научной фантастики: интуиция и фантазия, как методы отражения реального мира. Научная фантастика и научная футурология. Образная утопия и ее воплощение в научной фантастике. Специфические преимущества научной фанта-

стики в построении образной модели гипотетического мира. Два уровня культуры и два типа фантастики.

Гл. 3. Научная фантастика и идеологическая борьба в современном мире

Научная фантастика и мировоззрение. Утопический идеал и его интерпретация в социалистической и буржуазной фантастике. Утопия и антиутопия, как литературные формы и как формы выражения идеологических позиций. Идеологическая установка автора и формы ее реализации в содержании научно-фантастического произведения. Роль научной фантастики в ретроспективной оценке идеологической позиции ее читателем, в развитии социального самосознания читателя. Фантастика и социальные иллюзии.

Гл. 4. Массовый читатель современной научной фантастике

Материалы социологических обследований читательских интересов. Социальные характеристики читателей научной фантастики. Что читатель ищет в научной фантастике? Специфический круг читательских интересов на разных уровнях культуры, в различных социальных слоях. Идеалы и герои в современной научной фантастике.

Гл. 5. Социологический анализ содержания современных научно-фантастических произведений

Важнейшие проблемы современности в специфическом отражении их в сюжетах научной фантастики. Проблемы прогресса, исторического развития общества, проблемы освоения космоса, общество и личность, общество будущего и современное общество, человек и машина и т.п. в современной научной фантастике. Комплекс социальных ролей современного человека и героя современной научной фантастики. Общество будущего в современной научной фантастике, ее роль в построении этого общества».

Другая большая сохранившаяся [но не изданная] рукопись с названием «Вчера – сегодня – завтра (К вопросу о современной утопии)» датирована 1968 годом. Ее объем уже 132 страниц машинописи. В качестве эпиграфов была взята любимая Захаром Ильичем фраза из «Трудно быть богом» братьев Стругацких «...*Будущее создается тобой, но не для тебя...*» и слова И.Г. Эренбурга «...*Я не заботился о потомках, но мне хотелось отличить минутные прихоти человечества от его природы*».

Рукопись имеет Введение, Заключение и 5 глав: 1) Попытки дефиниции, 2) Конституирование образа, 3) Уроки истории или реализация утопий, 4) Новая Утопия и современная научная фантастика, 5) Человек и общество в современных утопиях. Последняя глава содержит три крупных параграфа: а) «Общество Благоденствия» современной утопии и реальное общество сегодняшнего дня, б) Гипотетические и реальные дороги человеческой истории и в) Личность в «потоке времени» современной утопии. В конце работы была приведена краткая библиография.

Возможно, что, закончив именно эту рукопись, З.И. Файнбург договорился написать совместную книгу о фантастике с Э.А. Араб-Оглы. Эрудит и полиглот, знающий английский, французский, немецкий, итальянский, чешский языки, он последовательно занимал престижные должности в разных изданиях и научных учреждениях и уже имел достаточно много публикаций по данной проблеме. Опубликовать совместную книгу можно было в издательстве «Знание», насчет чего имелись предварительные договоренности. Эдвард Артурович брал на себя анализ научной фантастики на Западе, характеристику буржуазных утопий и антиутопий, а Захар Ильич – современную научную фантастику в СССР и социалистических стран Европы.

Рукопись книги З.И. Файнбурга и Э.А. Араб-Оглы «Современная утопия в ее образном выражении (Современная утопия и научная фантастика)» датирована 1969 годом. По первоначальному замыслу работа должна была содержать 4 главы:

- 1) Понятие утопии в системе современного философского и социологического знания,
- 2) Современная утопия и современная научная фантастика,
- 3) Утопия и антиутопия: единство и различия,
- 4) Современная утопическая научная фантастика в СССР и на капиталистическом Западе. Эта глава должна была быть разделена на параграфы: а) Современная утопическая научная фантастика в СССР и социалистических странах Европы [в самом тексте в отличие от оглавления этот раздел назван как «Современный социально-утопический научно-фантастический роман в СССР»] и б) Современная утопическая научная фантастика на капиталистическом Западе.

Захара Ильич написал 67 страниц по этому плану – все кроме раздела «Современная утопическая научная фантастика на капитали-

стическом Западе», который должен был быть написан Э.А. Араб-Оглы. Эдвард Артурович прочитал рукопись, высказал свои соображения, однако свою часть писать не стал и, ссылаясь на занятость другими книгами, отказался от дальнейшей совместной работы, предложив Захару Ильичу делать книгу самостоятельно. В чем были истинные причины этого отказа можно лишь догадываться.

Может быть, стили и направленность творчества З.И.Файнбурга и Э.А. Араб-Оглы не совпадали. Все же первого интересовало позитивное знание, исследование феноменов общественного сознания, а второй занимался критикой буржуазных теорий, идеологической борьбой.

Быть может, статус возможных соавторов был слишком различным – успешный московский функционер Э.А. Араб-Оглы, ведущий непримиримую идеологическую борьбу и много печатающийся, и З.И. Файнбург – ученый из провинции с попахивающими идеологической «ересью» концепциями, из-за которых его работы практически не печатали.

Быть может, причина крылась в том, что новаторские идеи З.И. Файнбурга изначально были далеки от ортодоксальной идеологизированной науки, а это было «политически опасно» для его соавтора. Кто знает?

[Спустя 34 года, уже после смерти Захара Ильича, краха советского социализма, запрета коммунистической партии и распада Советского Союза в журнале «Знание-сила» (1993, июль) была опубликована ранее секретная Записка (от 5 марта 1966 г.) Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы.

В ней в частности говорится: «...Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов.

По мнению литераторов А. Громовой, Р. Нудельмана, З. Файнбурга, основоположником «философской» фантастики является современный польский писатель Станислав Лем. В его многочисленных романах и повестях... будущее коммунистическое общество представляется абсолютно бесперспективным и вырождающимся».

Там же далее читаем: «...представители отечественной «философской» фантастики вступили в противоборство с идеями материали-

стической философии, с идеями научного коммунизма». (В качестве конкретной иллюстрации своего тезиса авторы Записки приводят произведения братьев Стругацких).

Заметим, что в сталинские годы после такой записки все упомянутые в ней лица были бы арестованы. В новые времена людей уже не трогали, но их произведения подвергали «домашнему аресту» – нигде и ни при каких обстоятельствах не печатали].

Захар Ильич продолжал работать. В конце 1971 года он написал 69 страничное цельное эссе – «Человек и будущее», где много места посвящено «Улитке на склоне» А. и Б. Стругацких. Рукопись так и не увидела свет и была опубликована лишь в 2000 году нами.

В 1972 году З.И. Файнбург предложил Политиздату рукопись «Предвидение против пророчеств (Современная утопия в облике современной научной фантастики)» объемом 10 п.л.

Характерно изменение множественного числа «предвидения» на единственное. Скорее всего, это было сделано специально – и, начав с «предвидения **или** пророчества?», через более четкую и жесткую постановку проблемы – «предвидения **против** пророчеств» в конечном итоге МНОЖЕСТВУ методологически разных пророчеств Захар Ильич решил противопоставить ОДНО научное предвидение. Быть может, думая при этом о единственности реально состоявшейся истории, а, следовательно, о возможности на ОДИН путь реальной истории (пусть даже реализованный только в будущем) дать только ОДНО (по своей сути, а не по числу попыток или авторов) научное ПРЕДВИДЕНИЕ, которое он, естественно, связывал с подлинно научным марксизмом.

Подбирая название для подзаголовка работы, Захар Ильич некогда написал: *Прогнозы и мифы современной утопии*. Потом дописал ниже два варианта замены слов «*современной утопии*» – первый – «*научной фантастики*», второй – «*литературной утопии*». В итоге в 1971 году он остановился на подзаголовке: «*Прогнозы и мифы современной литературной утопии*». Однако по каким-то соображениям в предложении Политиздату этот подзаголовок был еще раз заменен на «*Современная утопия в облике современной научной фантастики*». Думается, что по идеологическим соображениям первоначальный вариант вообще не мог пройти редакцию (согласно господствующей тогда официальной доктрине литературная утопия не могла делать

какие-либо прогнозы), да и слова «научная фантастика» были тогда своеобразным «брендом».

Предложение З.И. Файнбурга для редакции содержало проспект и план предполагаемой книги:

«Введение. Зачем человеку будущее?»

Постановка проблемы и особенности ее исследования в данной работе. Не обзор утопий (в чем нет недостатка), а попытка дать теоретический анализ современной утопии в одной из главных форм ее воплощения. Изложение тяготеет не к популярности, а к доступности, что совсем не одно и то же.

Глава I. Современность и утопия

§ 1. Утопия и утопизм

Сущность утопического сознания и его воплощение в утопии. Соотношение утопии и науки в историческом генезисе социального знания. Утопия и идеология: критика К.Маннгейма и его последователей, марксистская концепция проблемы.

§ 2. Тернистый путь познания

Представление о будущем в исторических формах общественного сознания. Генезис утопии, ее специфические особенности на различных этапах истории общества. Современная утопия и современное научное социальное знание.

§ 3. Двуликий Янус: утопия и антиутопия

Единство утопии и антиутопии как двух форм одного подхода к исследованию социальных явлений. Аспект утверждения социального идеала и аспект социальной критики как единство сторон утопического подхода к социальному миру. Утопия и «проективные» миры. Утопия как метод ретроспективной оценки современности.

§ 4. Утопия и футурология

Место и форма идеи будущего в современном сознании. Борьба классов и социальное прогнозирование. Проблема научности исходной теоретической концепции социального прогноза как наиболее достоверно верифицируемой его части. Современная утопия как инструмент исследования и одно из средств реализации будущего. Проблема взаимодополнения утопии и современной футурологии. Аспект знания и аспект идеологии в современной утопии.

Глава II. Метаморфозы образа

§ 1. Образная форма в утопическом сознании

Соотношение рационального и образного в утопическом сознании. Ценностной подход к осознанию социального мира и образность мышления. Литературный герой как синтез социальных норм и эталонов в образной форме. Преимущества и слабости образной формы познания мира. Моделирующие свойства образного подхода к осознанию действительности. Эмоциональный аспект восприятия мира в системе утопического сознания.

§ 2. От «Острова Утопии» до «Туманности Андромеды»

Историческое развитие образного воплощения утопии от «государственного романа» до современной социально-философской фантастики. Идейная и художественная специфичность литературного социально-утопического произведения. Фантастика как форма отражения и интерпретации реальности. Образ будущего и социальное действие в образном воплощении современной утопии, эффект сопереживания и цели идеологического воздействия.

§ 3. «Новые миры» современной утопии

Метод и конкретные формы конструирования «новых миров» в образной ипостаси современной утопии. Эффект присутствия и эффект реальности. Пределы логического воображения и пределы образного моделирования: линейная экстраполяция и качественный скачек в зеркале социально-утопического произведения. Проблема совмещения культур и их несовместимости.

Глава III. Модели и миражи современной утопии

§ 1. «Общество благоденствия» в зеркале утопии

Конструкции социального идеала в современных утопиях. Мировоззрение и вариации формулы «благоденствия». Соотношение воображаемого и реально предсказуемого будущего в современном сознании. Бессилие пророчеств и сила предвидений. Восприятие и оценка утопией реализованного предсказания. Футурологический оптимизм в современной утопии социалистического направления.. Мировоззрение и вариации социального оптимизма.

§ 2. Тень Апокалипсиса

Различие мировоззрений и вариантность антиутопий: от гипотезы-предупреждения до «черного» пророчества. Оптимизм и пессимизм

в апокалиптической теме: исторические судьбы и историческое мироощущение. Конец истории или история без конца.

§ 3. Пыльные тропы планет...

Космос как место поиска и убежище в бегстве для современной утопии. Космос как «опытное поле» современной социальной утопии. Футурологические мотивы в космической теме. Экстраполяция в космос земных противоречий и земных проблем. Исторические ступени и формы реализации потенциальной бесконечности разума, противоречия этой реализации.

§ 4. «...У меня девять жизней...»

Современная утопия о проблеме жизни и смерти... Бессмертие как проблема естествознания и социальная проблема: единство и взаимосвязь двух подходов. Историческая актуальность проблемы и отражение этой актуальности в современной утопии. Два мировоззрения – два аспекта проблемы бессмертия.

Заключение. Вчера – сегодня – завтра...

Единство и связь времен в современном обществе. Будущее как необходимый компонент деятельности современного человека. Два мира – две антагонистические концепции будущего. Иллюзорность пророчеств и действенная сила научных предвидений.»

Аннотация книги, подготовленная автором, гласила:

«Популярность научной фантастики в современном мире чрезвычайно велика. В чем социальные корни этой популярности? Что представляет собой литературно-художественная утопия в системе современного научного мировоззрения?»

В предлагаемой книге последовательно с марксистских позиций рассматривается понятие «утопия», изменение смысла этого понятия с времен «Утопии» Томаса Мора и до «Туманности Андромеда» И.А. Ефремова, процесс постепенного обретения литературной утопией облика современного увлекательного научно-фантастического произведения, то, как научная фантастика отражает самые глубокие, уходящие в далекое будущее тенденции общественного развития, как разворачивается в ней идеологическая конфронтация социализма и буржуазного мира.

Книга адресована широкому читателю».

В ответе редакции литературы по вопросам научного коммунизма от 13 июля 1972 года говорилось: «Ваше предложение написать

книгу «Предвидение против пророчеств» принято на Главной редакции Политиздата. Проспект не вызвал возражений, кроме одного пункта: названия. Дело в том, что в нашем издательстве и в ряде иных выходили научно-атеистические книги, в названиях которых употреблялось слово «пророчество». Дабы не вводить в заблуждение читательские массы, привыкшие читать о пророчествах в книгах сугубо антирелигиозного содержания, просим Вас предложить другое название или несколько вариантов названий на выбор. Как только мы получим от Вас новое название, будет заключен договор. Рукопись книги ждем в январе 1973 года. Хотелось бы, чтобы она была написана, как можно более популярно, живо».

Книга была нужна!

Интересно отметить, что всего десятью днями ранее подписанного редакцией Политиздата ответа Захару Ильичу, т.е. 3 июля 1972 г. в той же Москве, но в другом издательстве (в «Молодой Гвардии») была сдана в набор рукопись книги Э.А. Араб-Оглы «В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба».

В названии этой книги четко проявились различия стилей и позиций двух несостоявшихся соавторов – у Э.А. Араб-Оглы мы блуждаем в лабиринте пророчеств, а З.И. Файнбург рискует противопоставить пророчествам научное ПРЕДВИДЕНИЕ.

В январе 1973 г. рукопись З.И.Файнбурга под измененным названием «**Модели и миражи современной утопии. (Утопия в облике научной фантастики)**» поступила в издательство и была направлена на рецензию двум специалистам.

Отзыв Э.А. Араб-Оглы (от 25.04.1973 г.) был положительным: «Многие миллионы, если не десятки миллионов людей с увлечением читают научно-фантастическую литературу, хотя и с разными побуждениями. Научная фантастика сейчас превратилась в один из наиболее популярных, а возможно также и наиболее впечатляющих жанров художественной литературы. Тем не менее, вплоть до настоящего времени философскому и социологическому анализу этой литературы уделяется неправомерно мало внимания. За исключением ряда статей, а также предисловий к публикуемым книгам, у нас практически нет ни одной глубокой и содержательной работы, посвященной специально философскому и социологическому осмысливанию этой литературы. В этом смысле рукопись Файнбурга восполняет важный пробел в мар-

ксистском исследовании философских и социологических аспектов научной фантастики. Автор книги, насколько мне и прежде было известно по его выступлениям в печати и на трибуне, вполне компетентен в данной области, а рецензируемая рукопись еще более убеждает в этом.

Эта интересная и содержательная работа посвящена в первую очередь социальной функции современной научной фантастической литературы. Автор справедливо усматривает эту функцию в том, что научная фантастика, особенно социальная фантастика, выполняет важную мировоззренческую, воспитательную роль в обществе, представляя собою во многих отношениях своеобразное перевоплощение социальной утопии в нашу эпоху. Работа З.И. Файнбурга носит в целом исследовательский характер и вместе с тем она написана популярно и публицистично, в лучшем смысле этих слов. Несомненными достоинствами её является последовательно марксистский анализ содержания современной научной фантастики, выяснения соотношения её с традиционной утопией, с идеологией и с литературой. В оценке научной фантастики как жанра, так и отдельных произведений автор руководствуется материалистическим пониманием истории и марксистским классовым подходом. Автор философски обобщил в рукописи основные тенденции в развитии научной фантастики, проанализировал наиболее содержательные произведения этого жанра, нашел удачный план изложения, как фактического материала, так и связанных с основной темой различных социальных проблем, привлек для анализа специальную философскую литературу по проблеме ценностей, взаимоотношений личности и общества, идеологии, социальной психологии и т.д. Взгляды автора, как правило, убедительно аргументированы, а в некоторых случаях также обоснованы проведенными им социологическими опросами.

К числу достоинств рукописи я счет бы важным отнести следующие положения автора:

1. Научная фантастика в нашу эпоху- это не второсортная художественная литература, а ее правомерный исторически обусловленный жанр, вызванный к жизни объективными социальными потребностями.

2. Научной фантастике принадлежит важная роль в познании современного мира, в предвосхищении многих социальных тенденций, в идеологической борьбе между двумя системами.

3. Социальная утопия исторична, она меняется не только по содержанию в зависимости от классовых интересов, но и по форме, во-

площась ныне в научной фантастике (правильнее следовало бы оговорить – в социальной фантастике).

4. Научная фантастика – специфический жанр литературы, обладающий своими специфическими чертами предполагающий специфические критерии оценки сюжета, героя, развития идеи.

5. В ходе изложения основных идей рукописи автор обстоятельно рассматривает такие проблемы, как особенности утопического сознания вообще, соотношение социальной и индивидуальной утопии, противопоставляет социалистическое и буржуазное направление в научной фантастике, дает интересный проблемный анализ творчества И. Ефремова, братьев Стругацких, Ст. Лема, Р. Бредбери, а также ряда других ведущих представителей этого жанра. Наряду с этим в рукописи подвергаются критическому марксистскому анализу представители антикоммунистической антиутопии вроде Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина и др.

Как рецензент я, однако вижу свою задачу не столько в том чтобы заслуженно похвалить автора, сколько обратить внимание на недостатки рукописи и сформулировать некоторые пожелания| которые, как я надеюсь, помогут и ему и редакции при подготовке книги к опубликованию.

Прежде всего, рукопись не свободна от некоторых издержек в изложении основной темы, а также отдельных недостатков:

1. Первая глава, весьма содержательная с точки зрения постановки серьезных философских проблем, в ряде мест может представить трудность для понимания их читателем-неспециалистом.

2. Хотя у нас и нет общепринятого определения утопии и утопического сознания, всё же нельзя представлять дело так, что все словари и энциклопедии заблуждаются на этот счет. В «Философской энциклопедии», в «Краткой литературной энциклопедии» понятию «утопии» посвящены специальные статьи, и вряд ли стоит об этом умалчивать; лучше отослать к ним читателя.

3. Тем более, что характеристика утопии автором, по-моему, иногда принимает неоправданно расширительный характер. Автор определяет утопию как ненаучное, иногда преднаучное сознание вообще, но ведь таковым является и религия, и миф и многое другое. Поэтому, как мне кажется, следует уточнить специфику утопии и утопического сознания в их обличии от науки, религии, мифа. В особенности это относится к характеристике прогностической, а, вернее,

предвосхищающей функции утопии. По-видимому, следует говорить не об утопическом элементе в науке, а о периферийности утопического предвосхищения по отношению к научному предвидению. Кстати, социальное предвидение и социальный прогноз не являются тождественными понятиями, тем более сомнительно сближение утопического предвосхищения с долгосрочным прогнозом. Следует осторожнее обращаться с термином «прогностический», «прогноз» и т.д..

4. Далее, следует более четко классифицировать социальные утопии не только по классовому содержанию, но и по формальным принципам. Нельзя не согласиться с автором, что категорическое противопоставление утопии и антиутопии несостоятельно, но все же нельзя их сближать до стирания существенных различий. Вряд ли стоит отождествлять при всей их близости антиутопию и роман-предостережение. Несравненно большего внимания со стороны автора и более резких оценок заслуживает так называемая «утопия бегства» от действительности в фантазию, связанная с буржуазным индивидуализмом.

5. Отрицательное отношение многих реакционных идеологов, например, Бердяева, к утопии не есть отрицание ими утопии, а страх перед реальностью. К числу подобных частных недостатков можно также отнести интерпретацию автором пародии на утопию Бульвера-Литтона как социального идеала, необоснованную оценку взглядов Ф. Полака, приписывание Свифту и др. намерения написать утопию, выведение научной фантастики непосредственно из утопии, а не из предшествующей фантастики также. Подавляющее большинство подобных частных замечаний могут быть устранены при редактировании текста.

Вместе с тем мне хотелось бы высказать и некоторые пожелания автору, оставив их реализацию на его усмотрение:

1. В рукописи есть отдельные смысловые повторения (иногда взаимные противоречия по частному поводу).

2. Насколько удачен эпитет «исторический оптимизм» для характеристики творчества Бредбери и других прогрессивных, демократически настроенных фантастов на Западе, выступающих социальными критиками империализма и являющимися нашими союзниками, как пишет сам автор. Кстати, в западной фантастике есть и героический эпический оптимизм, например, у Ф. Карсака (см. Бегство Земли и др.), и во всех случаях нельзя сводить исторический оптимизм к «хэппи-энду».

3. Зачем подвергать, тем более дважды, уничтожающей критике книги С. Жемайтиса. Ведь этого фантастическая повесть для детей, а не социальная фантастика? Надо найти более солидный объект для критики, а не прятаться за словом «некоторые».

4. Желательно унифицировать ссылки па научно фантастическую литературу и следовать правилу – дать возможность читателю познакомиться с сочинениями, упомянутыми в рукописи.

5. Почему из трех глав лишь у одной (третьей) имеется своеобразный «пролог»?

6. Социальные функции утопии следует изложить более систематично в одном месте, не забывая и об отрицательных моментах в научной фантастике (эскапизм и т.д.).

В целом же рукопись представляет собою весьма содержательный и хорошо написанный анализ научно-фантастической литературы. Ее издание не только своевременно, но и крайне важно в условиях идеологической борьбы между двумя системами, проходящей также и в обмене научно-фантастических предвосхищений непосредственного и отдаленного будущего человечества и цивилизации. Эту книгу давно ждут читатели, и она может помочь им правильнее воспринимать научно-фантастическую литературу сквозь призму марксистского мировоззрения. Тем самым издание этой книги совмещало бы в себе как научное философское исследование актуальной проблемы, так и умную пропаганду и контрпропаганду теории научного коммунизма».

Отзыв Е.Т. Фаддеева (от 4.05.1973 г.) был отрицательным:

«Тема рукописи – интересна и актуальна. Выяснение того, что такое утопия, как она соотносится с научной фантастикой и с наукой, важно для более глубокого понимания разнообразных социальных процессов (причем не только в области общественного сознания), служит делу эффективного социального управления, упрочивает наши позиции в идеологической борьбе. С другой стороны тема, о которой идет речь, разработана в соответствующей литературе недостаточно, особенно – в плане комплексного подхода. Автор пытается восполнить этот пробел, выдвигает некоторые заслуживающие внимания мысли. Однако в целом книга, на мой взгляд, пока не доведена до кондиции, требуемой при опубликовании того или иного произведения (тем более – научно-популярного). Рукопись еще сырая, а в ней слишком многое неясно, не всегда сходятся концы с концами, а обоснование авторской концепции

выглядит слабо, неубедительно и вызывает серьезные сомнения насчет самой концепции. Столь неутешительный вывод возникает из нескольких сотен конкретных замечаний, сформулированных в тексте и на полях рецензируемого труда. Здесь же я ограничусь лишь отдельными соображениями и моментами, подтверждающими сказанное.

1. Автор сплошь да рядом дает расплывчатые определения, смешивает равные понятия или недостаточно четко обрисовывает их взаимоотношения. В итоге читатель получает смутное представление о тех объектах, процессах и связях, которые стоит за употребляемыми в рукописи терминами. Например, у автора нельзя толком понять, что такое идеология, какая разница между предвидением и пророчеством, почему прогнозирование и прогностика оказываются синонимами, хотя в действительности это не одно и то же. Наиболее заметны подобные огрехи при оперировании З.И. Файнбургом исходными и основными для его работы (и концепции) понятиями.

Так, автор различает социальную утопию и литературную утопию, но по контексту такое различие довольно часто смазывается. Неясно авторское понимание научной фантастики. Очень трудно разобраться в изображенной З.И. Файнбургом картине взаимоотношений литературной утопии, социальной утопии и фантастики. И окончательно запутываешься при знакомстве с соотношением, по автору, научной (и ненаучной) фантастики и современной утопии.

2. Изложенное в п.1 сопряжено с неясностями логического и концептуального порядка. Стремясь выяснить, что такое утопическое сознание и утопия, З.И. Файнбург выдвигает свою трактовку этих явлений. Он начинает с утверждения, будто несбыточность, неосуществимость – далеко не единственное и ни всегда главное качество утопического, а заканчивает тем, что признак несбыточности здесь вообще исчезает. Такой странный результат достигается путем неправомерно широкого и расплывчатого толкования понятий «утопия» и «утопическое сознание», отождествления их с другими понятиями (например, с понятием «гипотетическое»). При этом автор и не подозревает, что его попытки аргументировать свою позицию оказываются напрасными и что кое-где он сам себе противоречит.

Вместе с тем З.И. Файнбурга, видимо не смущает, что в ходе рассуждений по упомянутым вопросам получается, к примеру, будто утопия и утопическое сознание вечны, будто в утопию целиком или

почти целиком включается научное социальное предвидение. При внимательном чтении видятся и еще более удивительные вещи – сближение научного и утопического, социальной науки и социальной утопии по существу, что-то похожее на своего рода утопизирование марксизма. Трудно предположить, что автор сознательно исповедует такую точку зрения, но так или иначе она проглядывает в рукописи.

3. Неважно обстоит дело и с общей авторской характеристикой современной утопии (когда социальной, когда литературной, когда и той и другой, – различия и работе не всегда есть, либо зачастую не являются достаточно четкими). По З.И. Файнбургу современная утопия – исходит из принципиально научного способа осмысления и объяснения мира; осваивает диалектический подход к миру; является необходимым элементом любого (!) мировоззрения и социальной науки; выполняет пионерные функции в исследовании многих социальных проблем и особенно в научном социальном (в том числе долгосрочном) прогнозировании, которому она вообще свойственна, служа его прямым продолжением, необходимым инструментом и дополнением; осуществляет поиски новых путей и проверку возможных вариантов общественного развития и т.д. и т.п. Поскольку приведенные характеристики относятся З.И. Файнбургом к современной утопии вообще, они, по логике, должны быть справедливы и для современной буржуазной утопии (включая реакционную), что грубо противоречит фактам и нелепо по сути. Правда, сам автор правильно оценивает нынешнюю консервативную (терминология рукописи!) буржуазно-утопическую литературу, но тогда выходит, что общие, по его мнению, характеристики современной утопии в действительности таковыми не являются.

Встает вопрос: к чему же следует их отнести? Насколько можно понять из рукописи, относить нужно к прогрессивной современной утопии и особенно – к «утопии социалистического направления». Последняя, по З.И. Файнбургу, исходит непосредственно из идей научного социализма, развивается на базе марксизма и в условиях социалистического общества. Больше того, из ряда мест рукописи напрашивается вывод, будто в развитом социалистическом обществе утопизм и утопии вполне возможны и даже неизбежны, а марксизму-де без них не обойтись. Думается, однако, что подобные теоретические пассажи ошибочны и неправомерны в принципе.

Предлагая свои характеристики современной прогрессивной утопии и ее отношения к марксизму и марксистскому социальному прогнозированию, автор фактически имеет в виду творческую интуицию, построение социальных гипотез и идеальных моделей, научную социальную фантастику и т.п. Но почему-то он считает последние элементами (или формами) утопического, вкраплениями утопии в социальную науку. Введение такой терминологии не дает в данном случае никакого нового знания, ничего позитивного не прибавляет к существующим объяснениям определенных явлений и связей. Зато путаница возникает изрядная. С этим нельзя примириться, кроме всего прочего, потому, что подобная путаница может привести к уже избранным апологетами буржуазии концепциям утопичности марксизма.

4. Необходимо отметить, что рукопись нельзя предназначить сколько-нибудь массовой читательской аудитории. Первая (в основном теоретическая) половина работы почти не содержит нужного для широкого читателя иллюстративного материала, поясняющего и конкретизирующего абстрактные построения и схемы. Вторая половина призвана подтвердить концепцию автора, но, поскольку из этого мало что получается и сама концепция пока весьма неясна, вряд ли нужно выносить на суд людей некомпетентных то, что положено обсуждать и решать сначала специалистам. Широкому читателю можно и нужно сообщать о дискуссиях в науке, но не надо его запутывать.

Общий вывод: рецензируемую рукопись выпускать в представленном виде нецелесообразно. Здесь требуется еще немалая и длительная авторская работа, по результатам которой можно будет вновь рассмотреть вопрос о публикации (и скорее – по линии научной, а не массовой научно-популярной литературы)».

Резкие возражения одного из рецензентов по поводу концепции изложения, его сомнения в идеологически правильной установке автора делали (в условиях того времени) возможность публикации сомнительной. Кроме того, рукопись книги естественно нуждалась в редакционной правке по отдельным вопросам и содержательного и стилистического характера. Для «снятия» замечаний нужно было время.

Тем временем в конце 1973 года в свет вышла уже упоминавшаяся нами выше книга Э.А. Араб-Оглы «В лабиринте пророчеств». Г.П. Козлова вспоминала: «Сначала Захар Ильич прочитал о выходе

книги в «Книжном обозрении», а потом уже книга дошла до Перми. И все это время мы волновались, не перекрыл ли Араб-Оглы книжку Захара Ильича, лежащую в Политиздате. Когда же книжка Араб-Оглы пришла – мы успокоились. Ничего общего с книгой Захара! У Араб-Оглы была банальная «критика буржуазных теорий», сплошная идеологическая борьба. Стиль крайне наглый, неприятный, поучающий и разносный. Именно такие книги тогда были нужны. Позитивное исследование, настоящее научное исследование феномена фантастики, как у в книге у Захара – было не нужно.

Мы поняли, что с Араб-Оглы ничего бы все равно не получилось: «...свести не можно коня и трепетную лань»».

Заинтересованная в книге о научной фантастике, редакция, несмотря на резко отрицательный отзыв одного из рецензентов, предложила З.И. Файнбургу снять все замечания рецензентов и включила книгу под еще раз измененным названием «Миражи современной утопии. (Утопия в облике научной фантастики)» в план Политиздата на 1974 г., позиция № 21. Объем 10 п.л. Тираж 50 тыс. экз. [Видимо нетрадиционное использование слова «модели» применительно к обществу было нежелательным].

Прав оказался Э.А. Араб-Оглы – такая книга была нужна, ее ждали. Книготорги прислали заказов значительно больше объявленного тиража, то есть книга «собрала тираж» – теперь ее можно было печатать. Но до этого нужно было «снять» замечания рецензентов.

В начале 1974 г. Захар Ильич очень тяжело болел, был на волосок от смерти, и невольно возник вопрос, стоит ли тратить последние силы на доработку рукописи? Однако главным было не это, а то, что возникли сомнения в реальности публикации. Печальный опыт отказа и «заволокитивания» публикаций у Захара Ильича к тому времени уже был огромен. Заметим, что крупные работы Захара Ильича, как правило, не печатали – издавали только те фрагменты этих работ, которые не противоречили господствующим взглядам, без соединяющего их концептуального «цемента». [Сохранился перечень работ, оставшихся в рукописи, на 1 сентября 1974 г. В этом перечне перечислено 18 работ (!!!), из них непосредственно проблемам утопии и научной фантастики посвящено 8 работ, включая рассматриваемую книгу. За некоторые работы даже был выплачен гонорар, но они так и не были опубликованы !].

Сегодня спустя более 30 лет невозможно полностью восстановить «атмосферу» тех лет и все конкретные обстоятельства вокруг книги об утопии, но многое известно. По воспоминаниям Г.П. Козловой, редактор Политиздата в беседе с ней «обиняками, в смущении дал понять, что книга хорошая, но, к сожалению, в силу непреодолимых обстоятельств публикации не будет». В 1996 году, работая над публикацией «О судьбе рукописи «Миражи современной утопии: Утопия в облике научной фантастики», Г.П. Козлова записала не вошедшие в окончательный текст публикации воспоминания:

«Так почему же все-таки книга З.И. Файнбурга не вышла в свет? Формально потому, что один из двух рецензентов дал резко отрицательный отзыв. А по существу? Нужно ли было еще раз тщательно отредактировать рукопись и учесть справедливые замечания рецензентов? Конечно. Рукопись сырая, кто спорит? Это обычное явление, а потому на редакционную подготовку в серьезных издательствах специально отводится целый год. Если выпуск книги в плане был поставлен на 3 квартал 1974 г., то рукопись должна была быть представлена в издательстве не позднее января 1973 г., что и было сделано З.И. Файнбургом. Отзывы рецензентов поступили 25 апреля и 4 мая 1973 г. Времени для работы над рукописью было более чем достаточно, но ...

В то время Захар Ильич уже очень тяжело болел, и дела с редакцией пришлось вести мне. Когда я в самом начале 1974 г., будучи в Москве, зашла в редакцию и прямо спросила, СТОИТ ЛИ тратить на доработку рукописи последние силы и БУДЕТ ЛИ публикация, редактор страшно замялся, стал говорить что-то о неправильном понимании автором утопии, и, в конце концов, посоветовал мне зайти в другой отдел (редакцию), может – быть они возьмут. Тут-то он и сказал, что хотя книга собрала огромный тираж, значительно больше объявленного, она опубликована не будет. Я спросила, почему? Он ответил – есть непреодолимые обстоятельства...

Я пошла в другую редакцию (в соседней комнате), где заведующим был А.И. Могилев. Я назвалась. Он, мило улыбаясь, стал говорить, что знает автора: «Мы тут перепечатали в сборнике лучших статей его статью из «Вопросы философии» – «НТР и социальное планирование». Отличная статья», и он снял с полки и показал мне сборник. Сборник у нас уже был. Я сказала, что с рукописью по фантастике что-то происходит. Он ответил: «Пойду узнаю, чего это они?», и вышел из комнаты.

Уходя, он еще добавил: «Тут что-то не так, рукопись собрала огромный тираж [заявок книготоргов]. Хорошая книга, одно название чего стоит – его надо будет украсть!». И засмеялся шутке. Пришел он какой-то невеселый. Помолчал и сказал, что действительно публикации не будет. Концепция утопии не проходит... И тоже добавил, как и первый редактор, что ужасно жаль, хорошая книга и тираж собрала...

Но ... книга наткнулась на непреодолимое препятствие, и редактировать ее дальше было бессмысленно.

Впоследствии ни одна попытка издать ее не удалась, как не удавались неоднократные попытки опубликовать рецензию на творчество братьев Стругацких. Еще раньше не удалось защитить И.А. Ефремова, когда на него «навалились». Не прошла статья об утопии в Краткую Литературную Энциклопедию, в журнал «Урал» и т.д. и т.п.

Вообще, рукописи З.И. Файнбурга читали с интересом. Они всегда были злободневны и написаны в позитивном плане. Во всех редакциях З.И. Файнбурга принимали, с распростертыми объятиями. Как же, как же, знаем, знаем! Рукописи брали. Начинались редакционные мучения. Наконец, рукопись, зализанная до смерти, так и не выходила. Характерный случай произошел с редакцией «Иностранной литературы», заказавшей З.И. Файнбургу статью об автоматизации. В конце концов редакция прислала деньги, но, извинившись, публиковать заказанную статью не стала.

Е.Т. Фаддеев проштудировал рукопись книги самым внимательнейшим образом, сделав на 300 страницах машинописной рукописи сотни замечаний. Фактически, судя по многочисленным сделанным на полях и между строчками текста рукописи замечаниям, он проделал работу редактора, а не только рецензента⁸⁰. Но устранение всех этих, во многом справедливых, замечаний, было не нужно, ничего не давало, поскольку не была принята общая концепция автора.

Конечно, новые мысли, новые повороты в рукописи еще не были отшлифованы Захаром Ильичем. Он был первопроходец. Даже Е.Т. Фаддеев это признал: «Мысли интересные, но изложены мутновато». Главным же было то, что шлифовать было бесполезно! Общая научная

⁸⁰ Последняя фраза рецензента на полях рукописи гласит: «Хотелось бы надеяться, что сделанные по тексту замечания помогут автору и адский (в данном случае) труд рецензента не пропадет даром».

концепция автора не совпадала с официальной, была ей идеологически чуждой! Это было уже серьезно.

Когда-то были социалисты-утописты, они не дотянули в теории до Маркса – в чем-то слова «утопия», «утопическое сознание» приобрели негативный оттенок. Какие могут быть утопии в социалистическом обществе? – ужасается рецензент. Кругом одна наука – марксизм и никаких утопий! А утопия, по его мнению, не только не наука, но даже близко не должна быть подпущена к науке, к осмыслению социальных процессов и становления будущего. «Итак, марксистскую науку и прогнозирование надо проверять утопическими романами! Автор пишет так, будто не читал Маркса и Энгельса» – возмущается рецензент – «Выходит марксизм тут ничего не нашел? А вот Лем ищет! Если так дополнять и продолжать марксизм, то лучше не надо!»

Парадоксально, что марксистская концепция автора – ученого-марксиста была отвергнута под предлогом ее несоответствия марксизму, из-за того, что автор слишком много писал об утопическом сознании и о дополнении методов социальной науки возможностями образных средств литературной утопии, о возможностях применения утопией чисто марксистского ретроспективного анализа современного общества с позиций более развитого общественного состояния.

Как-то Л. Гордон и Э. Клопов⁸¹ пошутили: «Знаешь, Захар, почему тебя не печатают? Потому что ты марксист. Вот мы не марксисты, и нас охотно печатают!». В этих шуточных словах содержится истина. Поскольку марксистское мышление диалектическое, критическое, вскрывающее противоречия действительности, то оно не нужно властям предрержащим. Наоборот заниматься описанием действительности в розовом свете выгодно – тебя будут везде печатать.

Как сказал мне редактор: «Ведь мы за все в ответе», а редактор имеет семью, и она хочет кушать каждый день. Короче, отвечает не автор, а редактор – почему пропустил? Что же удивляться, что проходили только апробированные свыше мысли, ничего нового и не могло пройти. Кто разрешил? – извечный российский вопрос.

Любопытно, что утопии и утопическое сознание никуда не исчезли из общественного сознания – от утопии построить социализм в одной стране, от утопии построить коммунизм за 20 лет перешли к

⁸¹ Известные советские социологи.

утопии построить процветающий капитализм за 500 дней! К идее, что все будут хозяева. А, кто работать будет? ...

Впоследствии З.И. Файнбург продолжал «бороться» за книгу, предлагая рукопись в разных вариантах разным издательствам, но... первоначальный энтузиазм редакторов через какое-то время пропал, и дело замирало.

Последней такой попыткой было предложение, посланное в феврале 1980 г. в редакцию литературоведения издательства «Наука». В аннотации книги «Модели и миражи научной фантастики» подчеркивалось, что изложение носит популярный характер, и только для удобства читателя оснащено научным аппаратом и краткой библиографией основной советской и зарубежной литературы по теме. Автор предлагал издательству сделать акцент на творчестве известного польского писателя Станислава Лема, 60-летие которого должно было отмечаться в 1981 г.

Используя рукопись, подготовленную для Политиздата в 1973 г., автор убрал из названия само слово «утопия» и собирался сократить ее с 300 до 250 страниц за счет первых двух теоретических (а потому наиболее спорных) глав. Жертвуя частью книги и изложением многих идей, Захар Ильич хотел сохранить остальное... Но даже это предложение З.И.Файнбурга не заинтересовало редакцию».

Все же позже некоторые разделы рукописи книги «Предвидение против пророчеств» удалось опубликовать небольшими частями в журналах, сборниках и т.п.

Квинтэссенция размышлений З. И. Файнбурга об утопии содержится в его, к счастью все же опубликованной, книге «Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: Очерки теории». (М.: Политиздат. 1991. – 319 с.). Особенно интересен третий очерк (глава) «Марксизм, «предмарксизм», псевдомарксизм. (Идейные и социальные предпосылки «культа личности»)».

Но и эту книгу Захар Ильич так и не увидел, она вышла уже после его смерти. «...Будущее создается тобой, но не для тебя...» – часто повторял Захар Ильич слова братьев Стругацких.

Кто знает, в каких еще пока не опубликованных секретных «Записках» может содержаться тайна так называемых «непреодолимых обстоятельств», помешавших публикации прекрасной книги З.И. Файнбурга об утопии.

Написанная более 30 лет назад, книга З.И. Файнбурга почти не устарела, почти не несет на себе «идеологические следы» эпохи, ибо посвящена самому «вечному» вопросу – куда идет наше общество, чем грозит нам наше Будущее, каким оно будет.

Свои размышления и книгу Захар Ильич назвал «Предвидение против пророчеств», но может встать резонный вопрос – а насколько сам автор владел наукой предвидения, насколько он сам смог оценить реальное место советского социализма в истории?

Надо четко сказать, что, несмотря на весь свой «исторический оптимизм», на твердую убежденность в правоте марксистского анализа тенденций развития коллективности и становления коллективистского общества, по поводу судеб советского социализма Захар Ильич не обольщался.

В эпоху безраздельного господства официальных лозунгов типа «Полная и окончательная победа социализма в СССР», «Наше поколение будет жить при коммунизме!» и т.п. Захар Ильич записывает для возможного использования в качестве эпитафии, которые он очень любил, и которые были важнейшим сжатым до афоризма «эзоповым языком» основных идей его работ, слова из «Суммы технологии» Ст. Лема: «...Исполняя желания, материальный мир требует от нас поведения, которое может сделать исполнение одинаково похожим на победу и на поражение...».

Захар Ильич всегда был чужд социальной ограниченности и мистическим пророчествам. В оценках будущего он придерживался позиции А. и Б. Стругацких: «...боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждою будущих благ не обольщаются», считал, что научное предвидение будущего является сильнейшим орудием преобразования современного мира, основой уверенности в правильности выбора нашего сегодняшнего действия.

Неоднократно беседуя с автором этих строк незадолго до своей смерти осенью 1990 года, Захар Ильич много говорил о будущем нашего общества. Подавляющее большинство его предвидений сбылось. Общая тенденция и общая картина были угаданы точно, а небольшие отличия в «мелочах» лишь показывают, что Захар Ильич был социальным оптимистом и в целом думал о людях лучше, чем они того заслуживают.

И недаром рукопись одной из последних работ З.И. Файнбурга называется «Могло ли наше общество стать социалистическим?.. Опыт прогностического исследования, опрокинутого в прошлое»:

«Вопрос, вынесенный нами в заголовок статьи, может кому-то показаться простым. На самом деле это – одна из ключевых загадок последнего столетия истории: истории Государства Российского и истории мира в целом. В этом вопросе скрыт не только (а, может быть, и не столько) ответ на то, что могло быть с нами в прошлом, но и ответ на то, что может ожидать изрядную часть человечества в будущем.

Сама постановка проблемы для нас как авторов⁸² появилась естественным путем. Дело не только в том, что всю свою творческую жизнь мы занимались исследованием теории социализма. Своего рода логическую цепочку образуют и наши публикации 1989-1990 гг.: сначала мы попробовали ответить на вопрос «Какой социализм мы строили? (Политическое самообразование, 1989, № 18); затем попытались соотнести события современности с постулатами фундаментальной науки об обществе: «Формационная теория К. Маркса и современный социализм» (Экономические науки, 1990, № 6); наконец, сам собой возник и своего рода заключительный вопрос: а могли ли мы, отправляясь от Октября 1917 и ленинской новой экономической политики, прийти к социализму? Только ответив на этот вопрос, мы можем придать известную целостность своей концепции современного социализма, обоснованием и анализом которой мы занялись задолго до того, как новое понимание определения «современный» стало предметом ожесточенных дискуссий».

Есть многочисленные свидетельства того, что Захар Ильич всегда считал реальный советский социализм в его экономической основе государственно-монополистическим капитализмом, отчетливая понимая разницу общественной и государственной собственности. Начиная с середины 80-х годов, Захар Ильич неоднократно, в том числе публично, говорил и даже писал, что, если не предпринять решительные и экстренные меры по исправлению сложившейся в нашем обществе ситуации, то соревнование двух систем на настоящем этапе исторического развития будет проиграно, а всю советскую систему и наше общество ждет крах, немедленный и неминуемый, как только на волне стремления к демократии запретят коммунистическую партию. [Что и произошло через год после смерти Захара Ильича]. «Маятник качнулся вправо», – говорил он незадолго до своей смерти, имея в виду маятник истории.

Хорошо зная литературную утопию и социальную фантастику, Захар Ильич считал, что наиболее вероятный путь человечества к «со-

⁸² Рукопись написана совместно с Г.П. Козловой.

циализму» был обдуман российскими революционерами и описан в романе «Красная звезда» А.А. Богданова. Вот, что писал сам Захар Ильич по этому поводу в своей книге «Не сотвори себе кумира...»:

«В 1907 г. была написана и в 1908г. опубликована книга видного деятеля РСДРП (б) того времени, одного из ее организаторов в революции 1905-1907 гг., члена ЦК РСДРП⁸³ А.А. Малиновского (Богданова по псевдониму) «Красная звезда». По своему жанру это социально-утопический роман. Скорее всего, именно жанр отпугивал раньше исследователей политической истории этого времени, тяготеющих к архивам и официальным документам, но мы в данном случае считаем жанровую принадлежность произведения вторичной. Важны развитые там идеи, судьба этих идей.

В романе один из представителей высокоразвитой коммунистической цивилизации Марса, ученый (математик и астроном), дает вполне конкретную перспективу развития социалистической революции на Земле. Пусть простит нам читатель длинные цитаты, но мы постараемся дать возможно полно эти оценки (якобы «со стороны») перспектив революции на нашей планете.

Оценка начинается с констатации острой *неравномерности* политического развития земной цивилизации, национальной и государственной разобщенности социального развития, огромной, решающей роли вооруженного насилия в этом развитии. Отсюда следует вывод о характере социальной (в данном случае социалистической) революции: «...предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное – с сомнительным и неустойчивым исходом... Отдельные передовые страны, в которых социализм торжествует, будут как острова враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. Боясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят свои усилия, чтобы разрушать эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения... Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм».

⁸³ В ЦК того времени было всего 5 человек!

... В этих условиях переход к социализму на Земле (напомним, фактически в оценке А.А. Богданова – Малиновского, а не некоего литературного героя) займет где-то 200-300 лет. И дальше оратор (описано обсуждение проблемы на форуме ученых Марса) предлагает *...использовать* население Земли, как не готовое к социализму...

Участвующие в обсуждении отвергают эти рекомендации как принципиально неприемлемые для социалистического мировоззрения и приходят к выводу, что, в конечном счете (пусть не быстро и дорогой ценой), народы Земли все же придут к истинному социализму...».

Цена достижения этого светлого будущего может быть значительной, а потому в разделе «вместо заключения: цена, которую вместо нас никто не заплатит» написанной в более 40-лет назад рукописи «Предвидения против пророчеств» Захар Ильич писал:

«Путь к будущему «завтра» лежит через ближнее «сегодня». Но сегодня у будущего еще много врагов. ...

Его враги и те, кто пытается отсидеться в своем домике, в своей лаборатории, в своей семье, в своем клубе от острых социальных проблем современности. Эти «затворники» хотят, чтобы будущее пришло к ним само собой, пришло «по щучьему велению», забывая, что «щучье веление» – это всего лишь сказка и что в этом мире за все надо платить.

Его враги и те, кто пытается, минуя все ступени, все трудности, сразу после революции в полуфеодальной, бедной стране придти (вернее, перепрыгнуть) в будущее. Прорекларировать это будущее еще совсем не значит построить его. Декларировать, правда, легче, но людям нужно реальное будущее, а не иллюзия.

История неумолима. Она делит всех людей на два лагеря: тех, кто так или иначе строит будущее и тех, кто мешает его строить. Самое трудное – и почти невозможное – удержаться посередине, на пограничной линии, более тонкой, чем лезвие ножа.

За будущее надо платить: лучше, если бы только потом, но пока еще приходится платить и кровью...

Будущее не придет само собой – и мы это знаем.

Человечество с тревогой смотрит в будущее. Только самодовольный глупец или безнадежный утопист может думать о будущем спокойно, без тени тревоги. В будущем всегда будут скрыты не только решения, но и проблемы, не только предвидимое, но и неожиданное.

Но тревога тревоге – рознь. Без отчаяния и страха смотрим мы в будущее.

С тревогой, но и с надеждой и уверенностью».

**Опубликованные работы
Захара Ильича Файнбурга,
связанные с проблемой
«предвидение против пророчеств»**

1. **Файнбург З. [И.]** Желанное и трудное будущее // Новый мир. – 1963. – № 4. – С. 262-265. – Рец на кн.: Станислав Лем. Солярис. Фантастическая повесть.
2. **Файнбург З.И.** Зачем нужны звезды // Новый мир. – 1965. – № 11. – С. 266-270. – Рец. на кн.: Станислав Лем. Возвращение со звезд.
3. **Файнбург З.И.** Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. – 1967. – № 6. – С. 32-43.
4. **Файнбург З.И.** Ст. Лем. Сумма технологии // Вопросы философии. – 1969. – № 10. – С. 152-154.
5. **Файнбург З.И.** Технология будущего // Новый мир. – 1969. – № 12. – С. 271-274. – Рец на кн.: Станислав Лем. Сумма технологии.
6. **Файнбург З. [И.]** Условный облик реальности // Литературное обозрение. – 1977. – № 8. – С. 95-96. – Рец. на повесть: Ст. Лем. Маска: Пер. с пол. // Химия и жизнь. – 1976. – № № 7, 8.
7. **Файнбург З.И.** В поисках формулы человеческого: [Послесловие] // Лем С. Навигатор Пиркс. Голос неба: Пер. с польского. – М.: Мир, 1970. – С. 585-591.
8. **Файнбург З.И.** К вопросу о содержании понятия утопии в системе современного философского и социологического знания // Проблемы марксистско-ленинской философии и социологии: Сб. науч. тр. № 59 / Перм. политехн. ин-т. – Пермь, 1971. – С. 86-107.
9. **Файнбург З.И.** Прогностическое содержание социальных утопий: опыт постановки проблемы // Вопросы методологии и методики социального прогнозирования: Сб. науч. тр. / М-во просвещения

РСФСР; Краснояр. гос. пед. ин-т. – Красноярск, 1983. – С. 94-100. – (Проблемы социал. прогнозирования. Вып. VIII).

10. **Файнбург З.И.** Апологетика как футурология: (методологический аспект) // Критика буржуазной футурологии: Сб. науч. тр. / М-во просвещения РСФСР; Красноярск. гос. пед. ин-т. – Красноярск, 1984. – С. 71-76. – (Пробл. социальн. прогнозирования. Вып. XI).

* * *

11. **Файнбург З.И.** Иллюзия простоты (Дискуссия о научной фантастике) // Литературная газета. – 1969. – 17 сент.
12. **Файнбург З.[И.]** Истоки, пути и цели Н[аучной] Ф[антастики] // Молодой ленинец. – Ставрополье, 1981. – 14 нояб.
13. **Файнбург З.И.** «Люди, еще не поздно!»: Из доклада на 1 обл. семинаре клубов любителей фантастики, Пермь, 29-30 окт. 1981 г. // Молодая гвардия. – Пермь, 1981. – 4 нояб.
14. **Файнбург З.И.** Фантастика ставит проблемы: [О книге А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике»] // Ленинец. – Пермь, 1984. – № 14, 20, 22.

* * *

15. **Файнбург З.И.** Тень Апокалипсиса // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Том II: Из личного архива профессора З.И. Файнбурга: Материалы XII Урал. социол. чтений, посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга (Пятое Файнбургские чтения), Пермь, сент. 2000 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2000. – С. 42-53.
16. **Файнбург З.И.** Человек и будущее // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Том II: Из личного архива профессора З.И. Файнбурга: Материалы XII Урал. социол. чтений, посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга (Пятое Файнбургские чтения), Пермь, сент. 2000 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2000. – С. 5-41.

17. **Файнбург З.И.** Честность без прозрения // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы XII Урал. социол. чтений, посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга (Пятые Файнбургские чтения), Пермь, сент. 2000 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2000. – С. 54-62.

* * *

18. **Файнбург З.И.** Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.
19. **Файнбург З.[И.]** Какой социализм мы строили? / **З.[И.] Файнбург, Г.[П.] Козлова** // Политическое образование. – 1989. – № 18. – С. № 37-45.
20. **Файнбург З.** Формационный подход К. Маркса и развитие социализма / **З. Файнбург, Г. Козлова** // Экономические науки. – 1990. – № 6. – С. 24-37.
21. **Файнбург З.И.** Вычленение объективного в субъективном как критический пункт прикладного социального познания / **З.И. Файнбург, Г.П. Козлова** // 8 Междунар. конгресс по логике, методологии и философии науки, Москва, 17-22 авг. 1987 г. – М., 1987. – С. 463-465. т. – Пермь, 2002. – С. 338-347.
22. **Файнбург З.[И.]** Концепция против цитаты / **З.[И.] Файнбург, Г.[П.] Козлова** // Экономические науки. – 1989. – № 1. – С. 77-86.
23. **Файнбург З.И.** Генезис идеи коллективности: развитие социальной практики, отраженной в идее // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы VI Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. З.И. Файнбурга, Пермь, сент. 2002 г. / Перм. гос. техн. ун-т.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I СОВРЕМЕННОСТЬ И УТОПИЯ	11
§ 1. Утопия и утопизм	12
Неосуществимое или пока неосуществляемое?	12
Утопическое сознание и утопия	15
Утопия как идеология	20
Философия и утопия	24
§ 2. Тернистый путь познания	25
От «Золотого Века» к «Золотой книге о новом острове Утопии»	25
Был ли сэр Томас Мор социалистом?	28
От слова к делу: XVIII век	31
Утопия в век науки	33
Современное знание и современная утопия	36
Уроки истории или реализаций утопий	39
Утопия Старая и утопия Новая	45
§ 3. Двуликий Янус: утопия и антиутопия	47
Утопия и антиутопия	47
Идеал и вариант	49
Историческая ситуация и форма Утопии	51
Старая Утопия и «новая» Антиутопия	52
§ 4. Утопия и социальное прогнозирование	55
Социальное время и идея будущего – или был ли сэр Томас Мор прогнозистом?	55
Утопическое прогнозирование и прогнозирующая утопия	58
Научное прогнозирование и современная утопия	59
Социальная интуиция и ее мировоззренческая основа	65
Глава II МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА	70
§ 1. Образная форма в утопическом сознании	71
Поиски формы	71
Эмоции, информация и образность	74
Образность утопии как инструмент исследования	76
§ 2. От «Острова Утопии» до «Туманности Андромеды»	82
фантастические образы утопических идей	82
Утопия класса и утопия индивида	85
Фантастическое «Я» индивида и литературная утопия	88
Реализм в литературной утопии и утопическое в реализме	97
Научная фантастика как литературная утопия	100
§ 3. «Новые миры» современной утопии	104
Научность фантастики и фантастичность науки	105
Фантастика и социальные модели	110

«Действительность наоборот» или логика знания?.....	112
Читатель и фантастика.....	115
Литературная утопия и проблема критериев художественности.....	118
Литературная утопия и идеологические границы	122
Глава III МОДЕЛИ И МИРАЖИ СОВРЕМЕННОЙ УТОПИИ.....	127
§ 1. «Общество благоденствия» в зеркале утопии.....	130
Изобилие как цель в утопии	130
Изобилие как социальная проблема	132
«По ту сторону» изобилия.....	138
Изобилие и человеческие ценности.....	141
§ 2. Личность в «потоке времени».....	147
Место личности в утопии.....	147
Личность и общество в мире будущего.....	151
Люди и «боги» в облике людей.....	154
Изобилие и мотивы действия личности.....	156
Элои без морлоков	160
Зачем нужны звезды?.....	165
§ 3. Тень Апокалипсиса.....	168
Исторические судьбы общества и призма классового интереса	168
Страх перед будущим.....	171
«Механика» апокалиптической утопии.....	174
«Апокалиптический оптимизм...».....	178
Тень Апокалипсиса	188
§ 4. «...У меня девять жизней...»	190
«Греховность» жизни и «святость» смерти.....	190
Недостижимая мечта и ее нисхождение на Землю	192
Становление реальности «нереальной» проблемы.....	195
Изменчивость личности и изменчивость общества	200
Цель и «цена» бессмертия.....	203
§ 5. Пыльные тропы планет.....	206
«Острова Утопии» в ближнем и дальнем космосе.....	206
Человек и природа: от земных проблем к космическим	208
Космос» как «пространство знания»: проблема контакта	211
Зеркало сущности человеческой.....	213
Заключение: ВЧЕРА – СЕГОДНЯ – ЗАВТРА... ..	224
Библиографический комментарий.....	232
Вместо послесловия: Автор и его книга.....	235
Опубликованные работы Захара Ильича Файнбурга, связанные с проблемой «предвидение против пророчеств»	274

Захар Ильич Файнбург

**ПРЕДВИДЕНИЕ
ПРОТИВ ПРОРОЧЕСТВ**

Современная утопия в облике научной фантастики

Мемориальное издание

Под общей редакцией проф. Г.З. Файнбурга

Дизайн обложки и макетирование – Р.Г. Терновский

Подписано в печать 22.01.2007. Формат 60×90/16.
Набор компьютерный. Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд.л. 14,75.
Тираж 150 экз. Заказ № 81-2/2007

Отпечатано
в типографии «ИД «Пресстайм»
614025, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 105
т. 2-198-033